

ДЕВЯТЬ МИНУТ



vk.com/tr_books_vk

Бет Флинн

15 мая 1975 года пятнадцатилетняя Джинни Лемон была похищена у круглосуточного магазина в Форт-Лодердейл членом одной из самых известных и жестоких мотоциклетных банд Южной Флориды. С этого момента ее жизнь навсегда изменилась. Новое имя, новая личность и новая жизнь на границе Флорида Эверглейдс, где базировалась банда — в мире насилия и грубости, в мире, приводящем ее в ужас, где у каждого есть прозвище, а преданность равносильна выживанию. Все это вертится вокруг лидера банды Гризза: мощного, привлекательного в своей грубости, наводящего на людей страх, и каким-то образом, когда дело доходит до Джинни, — нежного. Она станет его наваждением и единственной любовью всей его жизни. Так начинается история об эмоциях, что несет возмездие, о манипуляциях, о молодой женщине, оторванной от всего, что она знала, и вынужденной положиться на единственного человека, предложившего ей любовь, внимание и заботу. На своего похитителя. Не по годам развитая и смышленная, но во многом все еще обычный подросток Джинни изо всех сил пытается привыкнуть к новому существованию, поначалу борясь и позже принимая условия ее пленения. Спасут ли ее? Освободится ли она сама? Сможет ли Джинни выбраться живой? «Девять минут» — в какой-то мере психологический триллер, это новелла для тех, кто взрослеет, наполненная загадками, романтикой и неожиданными поворотами. Книга увлекает читателя в мир банды байкеров и в сердце юной девушки, чье похищение привело ее к любви.

Бет Флинн

Девять минут

Лето, 2000 год

Никогда прежде я не присутствовала на казни. По крайней мере на той, что вершит закон. Мой супруг сидел слева от меня. Репортер из «Роллинг Стоун» справа.

Репортер, Лесли Кован, нервно заерзала, и я взглянула на нее. Уверена, это первая казнь, которую она когда-либо видела. Скоро у «Роллинг Стоун» выйдет номер, посвященный известным байкерам. Они решили, что было бы интересно включить в него настоящую байкерскую историю. Историю о девушке, похищенной мотоциклетной бандой в 1975 году.

Я была той девушкой.

На Лесли все еще были заметны последствия несчастного случая трехнедельной давности. Швы с ее лба уже удалили, но виднелась тонкая красная линия там, где был порез. Ее глаза уже не были такими енотовидными, как раньше, но было очевидно, что она только недавно оправилась от двух ужасных синяков. Отёк на ее носу почти полностью сошел, и челюстно-лицевой хирург заменил ее выбитые зубы.

Когда началось наше первое интервью, она сказала, что хочет от меня предельной честности о моей жизни с мужчиной, которого скоро казнят. Я провела с ней последние три месяца, но все, касавшееся отношений с ним, я замалчивала. Сегодня должна была состояться кульминация этого интервью, шанс для Лесли по-настоящему понять, что скрывалось за этой жизнью. Узнать нелицеприятную правду наравне со всем тем, что ей уже было известно.

Разумеется, смерть человека должна быть чем-то большим, чем просто нелицеприятным зрелищем.

Как и он, я знала, что он заслужил грядущее. Странно. Я думала, если поверить в эту мысль, то станет немного легче, но все же не стало. Полагала, что смогу увидеть его казнь, и выйти эмоционально невредимой. Я дурачила сама себя.

То, что я не была с ним последние почти пятнадцать лет, вовсе не означает, что у меня не осталось чувств к нему. Он был моей первой любовью. Он был настоящей любовью. На самом деле он был биологическим отцом моего первенца, хотя она и не увидит его никогда. Он так решил. И глубоко внутри, я была согласна.

Занавески поднялись. Больше я ни на что в этой маленькой комнатке наблюдателей смотреть не могла. Через большое стеклянное окно я смотрела на пустую каталку. Я почитала о том, чего ожидать на казни. Он должен был быть привязан к каталке, когда занавески откроются, разве не так? Уверена, в таком порядке все и начиналось. Но он правилам никогда не подчинялся. Как он смог убедить правоохранителей отказаться от этой важной детали?

Меня подбросило на месте, когда я увидела, что кто-то входит в то помещение, выглядящее, как стерильная операционная. Это был он, сопровождаемый двумя офицерами, надзирателем и врачом. Ни священника, ни пастора. Ему они были не нужны.

Он.

Его имя — Джейсон Уильям Тэлбот. Такое вот обычное имя. Забавно. Я знаю его последние двадцать пять лет, и только в момент его ареста пятнадцать лет назад я впервые услышала его полное имя и фамилию. Ну, если это было его настоящее имя. Я все еще не

уверена.

Для меня он всегда был Гриззом — укороченное от «гризли». Это имя он заработал себе благодаря внушительному телосложению и безжалостным поступкам. Гризз был огромным, внушительным мужчиной. С суровым очарованием. Татуировки от шеи до ступней покрывали его мощное тело. Без особых усилий его большие руки могли свернуть шею. Я знала это по собственному опыту. Я лично видела, что могут сотворить эти руки. И я не могла сейчас отвести глаз от них.

У него не было семьи. Только я. И даже я не была его семьей.

Я мгновенно почувствовала, когда он посмотрел на меня. От его рук я перевела взгляд к его завораживающим, яркого зеленого оттенка глазам. Я попыталась оценить, были ли в его глазах какие-нибудь эмоции, но не смогла. Прошло так много времени. Он всегда хорошо скрывал свои чувства. Раньше я смогла бы прочесть их. Но не сегодня.

Глядя на меня, он поднял скованные руки и пальцем правой руки провел по пальцу на левой. Затем посмотрел ниже, где должны были быть мои ладони, хотя он и не мог видеть их. Они лежали у меня на коленях, и человек, сидящий передо мной, перекрывал вид.

Подарю ли я ему это последнее утешение? Я не хотела задеть своего мужа. Но я была причиной нависшей над Гриззом смерти, и я чувствовала изнутри ростки пробивающегося давнего, давнего обязательства поддерживать его. Одновременно я, обладая в этот момент неким влиянием на него, ощущала неловкий трепет. Обладая ответственностью за что-то, властью, возможностью принять решение. Хотя бы раз.

Возможно, я единственная обладала такой властью.

Я почувствовала, как рука моего мужа легла мне на левое бедро повыше колена. Он слегка сжал мою ногу. На меня обрушилось воспоминание почти двадцатипятилетней давности о том, как другая рука сжимала мою ногу. Грубая, жестокая рука. Повернувшись, я посмотрела на супруга, и он почти незаметно кивнул, ожидая моего взгляда, хотя смотрел строго перед собой. Он решил за меня. Меня это устроило.

Я сняла свое обручальное кольцо и подняла левую руку, чтобы Гризз смог увидеть ее. Его улыбка была едва заметна. Затем он взглянул на моего мужа, кивнул и сказал: «Покончим уже с этим дерьмом».

Надзиратель спросил, хочет ли Гризз произнести свои последние слова. Тот ответил: «Я только что их сказал».

Лесли уловила этот обмен жестами между нами и беззвучно изобразила вопрос: «Что это было?».

Я проигнорировала ее. Это кусочек моей истории, что не попадет в статью. Хотя я и собиралась быть полностью честной, некоторые вещи, какими бы незначительными они не казались, останутся только моими. Это была как раз такая вещь.

Гризз не был заключенным, с которым с легкостью можно справиться. Охранники, приставленные к нему, были крупными, как и он сам. К их удивлению сегодня он не сопротивлялся. Он лег и смотрел в потолок, пока с него снимали наручники и крепко привязывали его к каталке. Он не дрогнул, когда врач ввел иглу внутривенно. По игле в руку. Пуговицы на рубашке были расстегнуты, и на его груди закрепили монитор сердечного ритма. Я задавалась вопросом, почему он не вырывается, гадала, давали ли ему успокоительное. Но я не спрашивала вслух.

Он не смотрел по сторонам. Просто закрыл глаза и ушел. Понадобилось девять минут. Это даже меньше десяти. Но для меня это была вечность.

В первом ряду женщина в возрасте начала всхлипывать. Она сказала соседке: «Он даже не сказал, что сожалеет».

Женщина прошептала ей в ответ: «Потому что ему ничего не жаль».

Врач объявил официальное время смерти Грizza — 12:19. Один из охранников подошел к окну и опустил занавеску. Все закончилось.

Нас было десять или около того человек в маленькой комнате наблюдателей, и едва занавеска опустилась, большинство из присутствующих встали и покинули помещение, не произнеся ни слова. Я все еще слышала, как пожилая женщина, ведомая своей компаньонкой к выходу, плакала.

Лесли посмотрела на меня и спросила, пожалуй, неуместно громко:

— Ты в порядке, Джинни?

— Все нормально, — я не могла смотреть на нее. — Просто никаких больше интервью на сегодня.

— Да, разумеется, я понимаю. У меня осталось всего несколько вопросов, чтобы полностью охватить эту историю. Давай встретимся завтра и поговорим.

Мой супруг взял меня за руку, встал рядом и сказал Лесли: «Разговор подождет, пока мы не вернемся домой. Ты можешь дозвониться нам по телефону, чтобы закончить интервью».

В моих коленях появилась слабость. Я присела обратно.

Лесли хотела возразить, но выражение на лице моего мужа остановило ее желание сказать еще что-то. Она изобразила улыбку и ответила: «Хорошо, тогда до воскресенья. Удачно вам добраться до дома».

Она ушла.

В комнате оставались только мы вдвоем. Я встала, но не смогла сделать ни шагу. Всхлипывая, я упала в его объятия. Он аккуратно усадил меня на пол, и сам сел рядом, прижимая меня к себе. Долгое время я лежала так в его руках и плакала. Очень долгое время.

Глава 1

Это было 15 мая 1975 года. Обыкновенный четверг. Такой же день, как и все остальные, ничего особенного или хотя бы отдаленно необычного.

Но этот четверг станет днем, когда моя жизнь изменится навсегда.

Утром я проснулась немного раньше, чем обычно, и сделала кое-какую работу по дому, прежде чем отправиться в школу. Я не обязана была этим заниматься, но уже давно привыкла держать все в порядке для себя самой. Так что было несколько вещей, с которыми надо расправиться. На завтрак я быстро съела тост и выпила стакан апельсинового сока, потом сложила все нужное в маленький рюкзак. Он, на самом деле, не был обычным рюкзаком, скорее мешковатой сумкой с лямками, которые можно было накинуть на плечи и нести на спине. Сумка выглядела небольшой, но вмещала много.

Тем утром в ней будет лежать кошелек с разрешением на вождение и четыремя долларами. Мой возраст не позволял пока получить официальное удостоверение, мне только три месяца назад исполнилось пятнадцать. В сумке еще лежали мои очки для чтения, расческа, яблочный блеск для губ, два тампона, коробочка с оральными контрацептивами и два учебника: продвинутый курс геометрии и химия. Домашнюю работу я закончила вчера вечером, сложила пополам листы с заданиями и вложила их между страниц учебников. Все остальное, необходимое для занятий, я хранила в школьном шкафчике.

На мне были голубые расклешенные джинсы с высокой посадкой и поясом из макраме, свободного покроя рубашка с цветочным узором и сандалии. Каждый день я надевала одни и те же украшения: серебряные кольца в уши и коричневую бархотку с брошью в виде знака мира. Хотя это и был май во Флориде, по утрам все еще было прохладно, так что я накинула бело-красное пончо, которое связала Делия.

Этим утром мой отчим Винс довез меня до автобусной остановки. Я могла бы пройти пешком, но было далековато, так что я пользовалась любой возможностью проехать с Винсом. Он бы отвезил меня прямо до школы, но тогда ему пришлось ехать в другом направлении, а у меня не было проблем с тем, чтобы добраться на автобусе.

Я могла бы попросить Мэтью подкинуть меня, но что-то с ним было не то. Мэтью был старшеклассником, которого я учила на дополнительных занятиях, и мы стали близки. Парой мы не были, но я знала, что он заинтересован во мне. К тому же я сблизилась с его семьей. На самом деле я больше времени проводила с ними, чем со своей семьей. Меньше недели назад он поцеловал меня на крыльце у моего дома. Но сейчас он говорил мне, что ему больше не понадобится моя помощь с уроками, и у него не хватает времени на нашу дружбу. До этого он всегда предлагал вместе добираться в школу и обратно. Видимо, больше не предложит. Но, как я и сказала, автобус не был проблемой.

— Увидимся позже, детка, — сказал Винс, пока я соскакивала из его покосившегося фургона.

— До вечера, Винс.

Обычный день в школе. Я обошлась без неловких моментов вроде случайного столкновения с Мэтью. Наши занятия не пересекались, и мы не вращались в одних и тех же кругах. По-прежнему было бы неплохо спросить его, в чем причина внезапного прекращения нашей дружбы. Мне было скорее любопытно, чем обидно. Это ведь был простой поцелуй на ночь.

Я покончила с домашней работой как раз к моменту, когда учебный зал закрывался, а значит, можно было позволить себе зайти в библиотеку после школы. Если бы еще оставались задания, то я бы поехала прямо домой или в бар «У Смитти». Но в те дни, когда домашней работы после школы не оставалось, я с удовольствием посещала городскую библиотеку и погружалась в чтение. Я бывала там с самой начальной школы, и успела подружиться с каждым работником. Мне лишь нужно было сесть после школы на автобус с другим маршрутом. Нам не разрешали менять автобусы без письменного согласия от родителей, но все водители знали меня, и в начале года Делия подтвердила, что она не против. Я так часто пересаживалась, что мне уже не задавали вопросов.

— Эй, Джин, вижу, на сегодня домашней работы нет? — сказала миссис Роджерс, библиотекарь, когда я зашла. Я лишь улыбнулась и кивнула ей, направляясь к картотеке. Я давно хотела поискать что-нибудь про Джона Уилкеса Бута. В школе мы проходили покушение на президента Линкольна, и я уже успела поглотить все, что предлагала школьная библиотека на эту тему. Я хотела посмотреть, есть ли что-нибудь еще в местной библиотеке об этих событиях*. Удача мне улыбнулась.

• Джон Уилкес Бут, американский театральный актер, в 1865 году выстрелил в Авраама Линкольна. На следующий день президент умер.

В пять часов пора было собираться, так что я прихватила три книги, чтобы отметить у библиотекаря.

— Позвонить нужно? — спросила миссис Роджерс.

— Да, пожалуйста, — ответила я. Они по обычаю разрешали мне воспользоваться телефоном, чтобы Делия или Винс забрали меня домой.

Винс, должно быть, пытался уложиться в график доставки и еще не вернулся обратно на склад. И хотя я оставила ему сообщение, что меня нужно подвезти до дома от библиотеки, я все же хотела попробовать позвонить Делии. Так я и сделала, но у нее на работе никто не взял трубку. Это могло означать три вещи: она уехала, она разговаривает с покупателем и не хочет отвлекаться на телефон или она в подсобной комнате и не слышит звонок. Что ж, такое случалось и раньше. Ничего страшного.

— Все в порядке, Джинни? — спросила миссис Роджерс. — Я не хотела бы закрыть библиотеку и уехать, пока тебя не заберут. Буду рада подбросить тебя до дома.

Это было мило с ее стороны. Она так каждый раз предлагала, если меня вскоре никто не забирал.

— О, без проблем, миссис Роджерс. Я прогуляюсь до магазина, куплю там воды. Винс в курсе, что меня надо искать там, если библиотека закрыта.

Так я и поступила. Так, как поступала уже сотню раз раньше. Я купила содовую и присела у входа со своим рюкзаком. Содовая закончилась, и я была так увлечена одной из своих книг, что едва заметила шум движущегося мотоцикла.

Я так и сидела с книгой, пока водитель не заглушил двигатель и не подошел ко мне. Тогда я сообразила, что ко мне кто-то обращается. Я услышала легкий смешок, а затем:

— Книга, должно быть, хороша, раз ты не сводишь с нее глаз. Я спросил тебя, что ты читаешь, как только слез с байка, а ты даже не услышала меня.

Я посмотрела вверх. Он выглядел, как типичный парень-мотоциклист. Средний рост. Темный шатен, взъерошенные волосы едва задевают ворот. На нем были джинсы, ботинки и

белая футболка под кожаным жилетом. Он улыбнулся, и я ответила ему улыбкой.

— История. Линкольн.

Это все, что я сказала. Я не флиртовала с ним, не думаю, что он ожидал чего-то большего, чем простой ответ. Я сразу же вернулась к книге, раскрытой на моих коленях.

Видимо, этот ответ его устраивал, потому что он не сказав ничего больше, толкнул дверь и прошел внутрь магазина.

Несколько минут спустя он вернулся с колой. Он присел рядом со мной и, потягивая содовую, глянул на книгу, которую я читала. Безо всяких предисловий он стал втягивать меня в разговор об Аврааме Линкольне, в частности все больше о Буте. То, что он рассказывал, оказалось интересным для меня, так что я закрыла книгу и повернулась к нему вся во внимании. Он был вежлив и казался хорошим парнем — ничего такого из тех стереотипов о байкерах, которых можно было бы ожидать.

Прошло несколько минут, пока мы обсуждали Джона Уилкеса Бута, и разговор перешел на личности, но ничего тревожащего он не спрашивал. Поинтересовался сколько мне лет и искренне удивился, когда я сказала, что мне пятнадцать. Он спросил, в каком классе я была, куда ходила в школу, каковы мои хобби и все такое. Казалось, он вправду заинтересовался и даже поддразнил меня:

— Что ж, думаю, мне надо будет вернуться через три года, если я захочу позвать тебя на настоящее свидание.

Боже ты мой. Он флиртовал со мной. Парни в школе постоянно со мной флиртовали. Они отпускали штучки вроде: «Джин, как так вышло, что ты не стоишь там с группой поддержки? Ты ведь такая же хорошенькая, как и чирлидерши». Они регулярно предлагали подвезти меня до дома или интересовались, не хочу ли я прогуляться после школы.

Парень, которого я учила, Мэтью, тоже казался заинтересованным. По крайней мере так было до последних двух дней. Он был из числа популярных старшеклассников и стал «звездой» школы в футбольной команде. За свою игру он заработал прозвище Ракета. Он был милым, симпатичным и завалил два предмета. Я подтягивала его по математике и английскому языку. Вообще-то парни мне нравились, и постепенно Мэтью становился все привлекательней для меня. Мне понравился поцелуй, что мы разделили. Но мне не нужен был парень для серьезных отношений, особенно тот, что уже этой осенью уедет в колледж. Я должна столько всего сделать, прежде чем всерьез с кем-то начать встречаться.

Но сейчас со мной флиртовал мужчина, уже не мальчик. И я поняла, что мне было больше чем просто лестно его внимание.

Я, к несчастью, не умела заигрывать в ответ, так что я снова открыла свою книгу и сделала вид, что продолжила чтение, пока он болтал.

Прикончив колу, он спросил:

— Так что ты тут делаешь у магазина? Ждешь кого-то?

— Да, мой отчим должен забрать меня. Он будет с минуты на минуту.

Он поднялся и огляделся.

— Ну, я могу довести тебя до дома. Как далеко отсюда ты живешь?

— О, нет, не нужно. Я бы не хотела, чтоб он приехал, а меня нет. Он будет беспокоиться.

На самом деле это была неправда. Винс не будет искать меня тут, он просто решит, что Делия уже увезла меня, и поедет домой.

— Можешь позвонить ему, дать как-то знать, что тебя доведут? — прежде чем я

ответила, он спросил. — Ты когда-нибудь раньше ездила на мотоцикле? Тебе понравится. Я аккуратно вожу. Поеду медленно и дам тебе мой шлем.

И снова я не ответила, просто смотрела на него.

Он засмеялся и сказал:

— Ты же не думаешь, что я могу тебе что-нибудь плохое сделать, пока ты за моей спиной на байке? Серьезно, это просто поездка до дома. Если не хочешь, чтобы я узнал твой адрес, давай я высажу тебя где-нибудь недалеко на углу. Ну, давай же. Сделай старику хороший день.

«Почему бы и нет?», — подумала я, пытаюсь прикинуть его возраст. Он был старше меня, но не думаю, что можно назвать его стариком. Я закрыла книгу и встала.

— Ладно, думаю тут ничего страшного. Я живу рядом с бульваром Дэйви, только немного западней шоссе И-95. Эта дорога тебе не по пути?

— Нет, подойдет, без проблем.

Он кинул банку из-под колы в мусорную корзину, вернулся ко мне и подержал мой рюкзак, пока я забрасывала туда библиотечную книгу. Он что-то там произнес насчет моей сумки, что она была тяжелей меня самой. Потом подошел к мотоциклу, взял шлем, висевший на руле, и передал его мне. Я закинула сумку за плечи, взяла шлем и надела его. Тот сел слишком свободно, и мой водитель подтянул ляжку мне под подбородком.

Он перекинул ногу через байк, завел его, а потом замер. Я поняла, что он удерживал мотоцикл ровно, чтобы мне было легче забраться за его спину, с этим я без проблем справилась. Двигатель взревел, и я почувствовала себя взбудораженной, сидя на мотоцикле со взрослым парнем. Я не из тех, для кого важно покрасоваться, но на секунду или две я надеялась, что кто-нибудь из знакомых увидит меня. Позже эта мысль покажется мне пророческой. Я крикнула, что остановиться нужно будет рядом с баром «У Смитти», и уточнила, знает ли он, где находится бульвар Дэйви. Он утвердительно кивнул.

Полагаю, это и был тот момент, когда меня официально похитили.

Сначала мы поехали как раз в том направлении, которое я указала. Пока мы стояли на красном сигнале, он обернулся и спросил, нравится ли мне ехать на мотоцикле. Я кивнула, а он очень громко сказал, что собирается поехать другой дорогой, чтобы прокатить меня немного дольше, беспокоиться не о чем, он благополучно высадит меня «У Смитти». Я и не беспокоилась. Ни на секунду. Мне было слишком хорошо.

«Хорошо» закончилось, когда мы оказались на трассе-84, ведущей на запад, и пропустили поворот направо на ветвь шоссе-411. Тогда я почувствовала первый толчок страха. В этот же момент я осознала, что даже не знаю, как его зовут, и он за всеми этими разговорами и пустой болтовней у магазина так и не спросил моего имени. Меня внезапно поразила мысль, как странно все это было.

Я наклонилась к нему, чтобы мой рот был поближе к его уху, и крикнула:

— Эй, мы слишком долго едем. Мне надо поскорей домой, родители будут волноваться.

Он и виду не подал, что услышал меня.

Я откинулась на спинку заднего сидения мотоцикла. Не паникуй, не паникуй, не паникуй. Мой рюкзак все еще был за плечами, и я ощущала тяжесть библиотечных книг, натиравших мою кожу через тонкую ткань. Вот тогда я впервые обратила внимание на жилет, который он носил.

На жилете был изображен череп со зловещим оскалом и чем-то похожим на рога. Обнаженная, но искусно прикрытая женщина соблазнительно возлегала на черепе. Темно-

коричневые волосы, челка и большие карие глаза. Присмотревшись, я заметила, что на ней была коричневая бархатка с брошью в виде знака мира. Я положила руку себе на шею. Украшение выглядело точь в точь, как мое. Не успев задуматься об этом странном совпадении, я глянула ниже. К моему ужасу я прочла название, нанесенное тиснением под этой мрачной эмблемой.

Армия Сатаны.

Вскоре я пойму, что была лишь подарком, врученным после долгого ритуала посвящения.

Я сидела на хлипком стуле и осматривалась по сторонам, прижав сумку к груди и пытаюсь адаптировать зрение к сумеркам. Виднелся костер, люди, сидящие вокруг него, смешались так, что невозможно было выделить кого-то одного. Сейчас я уже не могу вспомнить, то ли я просто не могла разглядеть их лица, освещаемые ослабевшим пламенем, то ли я была так напугана, что мне вообще было не до них. Я знала, где нахожусь, но не могла решить, что с этим знанием делать. Молиться я начала сразу, как осознала серьезность моего положения. Мне надо было попытаться что-то предпринять, когда вокруг было еще много людей и машин. Надо было рискнуть и спрыгнуть с мотоцикла. Уж лучше такой вариант вместо того, с чем я сейчас столкнулась лицом к лицу.

Помню, что меня начало трясти, когда происходящее в полной мере дошло до меня. Тогда мы уже двигались на запад по трассе-84.

В наши дни 84ая уже обновлена и модернизирована, но в 1975 это была едва проложенная двух полосная дорога. Сегодня эта трасса идет параллельно шоссе И-595, по которому можно за считанные минуты попасть из Эверглейдс на пляж, попутно увидев развитую инфраструктуру — дома, школы, заправки, торговые центры. В 75 м это была дорога в ад, прославившаяся своими лобовыми столкновениями. Никаких съездов с дороги, за исключением маленького бара «У Пита», не было.

Когда мы проехали «У Пита», я почувствовала тошноту. Я знала, что дальше за этим баром не было ничего кроме съезда на опасный тракт, называемый аллеей Аллигатора и соединявший два побережья Флориды. Кажется, где-то там была индейская резервация Микасуки, но где точно — у меня не было ни единой догадки.

Темнело, и ни один фонарь не показался по пути. Минут через десять после того, как мы проехали бар, мой похититель снизил скорость и свернул направо на земляную дорогу. Впервые я заметила какие-то слабые огни. Еще немного дальше, и перед нами появился старый мотель, незаметный раньше из-за разросшегося кустарника.

Мотель был одним из тех придорожных, что рассчитаны на 15–20 номеров, где на окнах висят старые жалюзи. Неосвещенная вывеска сообщала, что называется он «Глэйдс». Кто-то должен управлять им. Возможно, это мой шанс объяснить, что я здесь по ошибке, и попросить воспользоваться телефоном.

Наверное, изначально мотель строился, чтобы дать проезжим возможность остановиться на ночь посреди этой глухомани, но по какой-то причине бизнесу выжить не удалось. Справа на продавленной стоянке, куда мы заехали, я увидела старые заправочные колонки. Их, очевидно, больше не использовали. В паре комнат был включен свет, но в помещении, похожем на офис, не было никаких признаков жизни.

Проехав колонки, я посмотрела налево и заметила между нами и мотелем группу людей. Они сидели у затухающего костра среди старых ржавых качелей, горок и каруселей антикварного вида. Похоже на пикник на игровой площадке, знававшей лучшие времена. На другом краю площадки было что-то, похожее на бассейн. Я не была уверена, но так мне показалось, хотя воды я там не заметила.

Мы сделали еще полкруга левей, и я заметила шесть или семь мотоциклов,

припаркованных вразброс перед окнами мотеля. Он подъехал и заглушил двигатель у одного из них. Тогда я расслышала голоса.

Это была смесь из ругательств и смеха, и, похоже, спора между двумя женщинами. Кажется, я узнала песню Steppenwolf, доносящуюся откуда-то.

Он встал и сказал: «Слезай».

Я встала на подножки и перекинула ногу. Я едва могла чувствовать свои ноги, видимо долгая поездка в смеси со страхом сделали свое дело, но я удержала равновесие. Я поправила рюкзак и встала ровно. Лучшей тактикой, как я посчитала, было вести уверенно. Я была напугана до смерти, но черта с два я собиралась хоть как-то выдать свой страх. Он откинул подножку и слез с байка.

— Так как скоро ты сможешь подвезти меня обратно? — спросила я. Даже по моим меркам это звучало чрезмерно бойко.

Он не ответил. Глядя прямо на меня, он подарил мне улыбку, от которой кровь стыла. Эту ли улыбку я видела, когда встретила его у магазина? Не могу вспомнить. Как я могла не заметить ее тогда? Словно свинцовая пуля меня догнало осознание происходящего.

Помню, однажды, когда Делии и Винса не было дома, один из его якобы приятелей постучался к нам. Он убедил меня впустить его в дом, чтобы позвонить.

— Можешь доверять мне, дорогая. Я друг Винни, твоего отчима.

Одно это должно было замигать красным сигналом. Никто не называл Винса «Винни». Я повернула защелку на двери и повела его на кухню, единственное помещение, где был телефон, когда он схватил меня за волосы и швырнул на потрескавшийся линолеум. Тогда я познала настоящий страх. Неясное обжигающее ощущение медленно поднималось вверх по моему позвоночнику.

Прежде чем произошло страшное, раздался громкий стук в дверь. Это был наш сосед Гвидо. Настоящее имя, да. Ну, по крайней мере, так он представился нам. Винс твердо верил, что Гвидо на самом деле мафиози, скрывающийся по программе защиты свидетелей. Он, ну никак, не вписывался в общую картину нашего квартала. Он выглядел, как настоящий бандит, и прямо сейчас он во всеуслышание жаловался, что «друг» Винса припарковался на его лужайке.

Гвидо всегда этим занимался. Сидел на своем крыльце и ждал, пока кто-нибудь сделает что-нибудь неправильно, а он сможет самоутвердиться, указав на это. Обычно я недолюбливала Гвидо, но в тот момент его громкая речь с тяжелым нью-йоркским акцентом была музыкой для моих ушей.

Неизвестный, так и не упомянувший своего имени, перевернул меня на спину, сидя на моем животе, он зажал мне рот одной рукой, а другой удерживал мои руки за головой. Он крикнул Гвидо, чтобы тот убирался, и что свой грузовик он уберет тогда, когда ему, черт возьми, это будет угодно. Когда Гвидо пригрозил позвонить в полицию, мужчина спрыгнул с меня в одно мгновение.

Он сказал, что если я когда-нибудь разболтаю о случившемся, он вернется и закончит то, что начал. Я обещала, что это будет только наш секрет, что я не произнесу ни слова, что он не причинил мне ни боли, ни вреда, и я не открою рот, а он может доверять мне.

Но я рассказала. Как только Делия и Винс зашли домой, я пересказала им все, и они позвонили в полицию. Винс понял, кто это был, когда я описала мужчину, а Гвидо — его грузовик. Какой-то заезжий тип, влачащий жалкое существование, по имени Джонни Тилман, который зависал в любимом месте моих родителей — в баре «У Смитти» на

бульваре Дэйви. Он не был другом Винса, но частенько с ним заговаривал и знал его имя. Понятия не имею, как он прознал обо мне. Я никогда не видела его раньше, но он мог заметить меня. Когда друзья не могли подбросить меня до дома, я иногда шла пешком от остановки школьного автобуса до бара, чтобы подождать Делию или Винса. Можно было не сомневаться, что они заедут выпить по кружке-другой пива. Владелицей бара была очень приятная женщина. Я сидела в уголке и делала домашнюю работу, а она приносила мне апельсиновую газировку и картошку фри за счет заведения.

Сейчас, стоя в этом Богом забытом месте, слыша звуки гитар Steppenwolf и глядя на парня-мотоциклиста, все еще зло улыбающегося мне, я, парализованная страхом, даже не могла вспомнить имени той женщины. Хотела бы я забыть только одно замечание Делии после инцидента с Джонни Тилманом: «Как такая сообразительная девочка, как ты, могла сделать нечто такое поразительно глупое?».

Я тогда попыталась возразить ей: «Делия, но он знал Винса». Я даже пыталась убедить себя, что этот мужчина выглядел знакомо. Но это была ложь. Она была права. Глупейшая вещь, что я когда-либо делала.

До этого момента.

Единственная мысль, крутившаяся в моей голове, была: «В этот раз ты сама по себе. Гвидо тут нет».

Мотоциклист грубо схватил меня за руку и толкнул вперед: «Давай, пора познакомиться с твоей новой семьей».

Семьей? Мое шоковое состояние было слишком сильно, чтобы я стала вникать в эту фразу. Мы подошли к людям, сидящим у костра, и шум постепенно стих. Пока мы приближались, я услышала гулкий свист и посыпавшиеся комментарии.

— Ооо, гляньте-ка, кого нам привел Монстр.

— Эй, Монстр, я думал, тебе нравятся блондинки с огромными сиськами.

— А эта принесет нам кругленькую сумму. Сможем оплатить счета.

Затем визгливый женский голос сердито шикнул: «Не знаю, о чем ты вообще думал, приведя сюда этот кусок мусора».

Очень звучный мужской голос возразил ей: «Какое тебе дело, Уиллоу? Боишься, что Гризз заинтересуется ей? Все знают, что он любит брюнеток, уверен, он сыт тобой по горло».

— Да пошел ты нахер, Фесс, и мать твою туда же, и отца. Она слишком костлява для Гризза и уродлива к тому же.

Отлично, пусть думают, что я костлявая и уродливая. Что угодно пусть думают, лишь бы это помогло мне выбраться отсюда.

Скрипучий мужской голос добавил к разговору: «Нет, Уиллоу, все, что ты сказала, явно не о ней. Но не беспокойся, дорогуша. Ты с Гриззом уже два года. Он никогда не был так долго с одной и той же женщиной. Думаю, у вас, ребята, и вправду любовь».

Кажется, это угомонило Уиллоу. Они переговаривались так быстро, а огонь костра был таким тусклым, что я никак не могла соотнести лица с голосами. Мой похититель грубо пихнул меня на обшарпанный стул рядом со всеми, затем сел на свободный рядом со мной. Наклонившись, я сняла рюкзак со спины и положила его на колени. Я поняла, что пончо на мне не было, и в голове появилась дурацкая мысль, что по крайней мере мое пончо осталось в полном порядке в библиотеке. Я прижала к себе сумку и стала оглядываться вокруг, оценивая обстановку.

Тогда мой похититель спросил: «Где Гризз?».

Монстр. Кажется, так кто-то из присутствующих называл его. Монстр. Господи, помоги мне.

— Он где-то здесь. Пошел позвонить, кажется, — кто-то ответил ему.

— А что? Зачем тебе Гризз? — фыркнула Уиллоу.

Монстр подался вперед, словно добавляя веса своим словам.

— Что ж, сука, — сплюнул он, — слушай. Я хочу выразить Гриззу мою благодарность за то, что позволил мне стать членом клуба. Слыхала, что-то вроде подарка в знак признательности. И вот этот подарок, — сказал он, махнув рукой прямо перед моим лицом.

Я словно была призом в каком-то дрянном шоу, а Монстр был ведущим, рассказывавшем зрителям о лотах. Разумеется, я не могла очутиться дальше от какой-нибудь съемочной сцены в Калифорнии, чем сейчас.

— Что-что это было? Подарок? Она? — фыркнула Уиллоу.

Мои глаза приспособились к плохому освещению, и я, наконец, смогла разглядеть источник этого раздражающе визгливого голоса. Уиллоу выбрала как раз этот момент и встала, указав на меня. Огонь осветил ее. Она была низенькой. Ее возраст я не могла предположить, но она, скорей всего, была моложе, чем выглядела. Ее светлого, мышинового оттенка волосы свисали у лица. Ничего особенного в нем не было, хотя я подумала, что когда-то она могла быть вполне симпатичной. Ее темный макияж на веках был размазан под глазами. Тонкие, нарисованные карандашом брови были чрезмерно изогнуты и делали ее образ жутковатым. Пожалуй, она и не нуждалась в таких выразительных бровях, чтобы дополнительно добавить жути. Тяжелый образ жизни, возможно не без наркотиков, состарил ее. Даже в неярком свете я могла разглядеть следы шрамов от акне на ее лице, а ее скулы были чрезмерно заметны. Они резко выделялись, контрастируя с впадинами, где раньше, вероятно, были полные щеки. На ней был малиновый топ и застиранные джинсы, сидевшие на ее тощих бедрах. И это меня она назвала костлявой? На обеих ее руках было множество браслетов из бисера и макраме. Практически везде, где была открыта взгляду ее кожа, она была покрыта татуировками, кроме лица и кистей рук. Я посмотрела ниже, она не носила обуви. Ее ноги и ногти были грязными.

И это была женщина Гризза? Кем бы ни был этот Гризз, ему и вправду нравятся грязные ноги у женщин?

— Да, она, Уиллоу. Я увидел ее у магазинчика «7-11», и мне показалось, что выглядит она, как девушка с наших жилетов. Потом я заметил эту чертову ленту на ее шее и решил, что просто обязан доставить ее Гриззу. Какие-нибудь проблемы на этот счет?

— Да, черт возьми. Он ее не захочет, и тебе, задница ты тупая, надо было об этом заранее подумать, прежде чем везти ее сюда.

— Почему бы Гриззу самому не решить?

— Решить что?

Я была так занята, следя за этим обменом мнениями между Уиллоу и Монстром, что не заметила огромного мужчину, подошедшего к нам. Перепугавшись, я посмотрела налево. На уровне моих глаз была ширина пары голубых джинсов. Я медленно перевела взгляд вверх, и вдох застрял в моем горле.

Я думала, Монстр и его злая улыбка были чем-то, чего стоит остерегаться. Мужчина, стоявший рядом со мной, был не просто массивен и впечатляющ, я чувствовала исходящую от него, как от сигнального маяка, чистую энергию и пробивную силу. То был человек

власти. Человек, с которым вы не захотите связываться.

Это был Гризз.

Из-за него меня похитили, и, боюсь, теперь я принадлежала ему.

В ту минуту мой разум пытался охватить миллион деталей происходящего. Помню какие-то обрывки разговоров насчет причин моего пребывания здесь. Видимо, Монстр, новоиспеченный член этой группы или банды, чем бы они там ни были, только что закончил иницирующий ритуал. Завершающая его часть не была обязательной, и, как я позже услышала, она редко практиковалась: похитить кого-нибудь и «вручить» главарю в качестве подарка, с которым можно делать все, что угодно.

Это была я. Знак благодарности. Если сейчас вернуться немного назад, то можно припомнить, что жилет Монстра выглядел совсем новым. Он не мог давно состоять в этой банде.

В это время мой взгляд достиг лица Гризза, он смотрел на меня сверху вниз. Я не могла понять выражения на его лице. Он не был красив в привычном смысле этого слова, но неприглядным его не назовешь. Он был силен и суров. Даже в полумраке я ощущала притяжение его взгляда. На нем была футболка с обрезанными рукавами. Он был мускулист и покрыт татуировками. Темно-русые волосы или, может, светло-коричневые, растрепанные, с небольшой длиной. Я не смогла предположить, сколько ему лет. Человек, несущий в себе такую авторитарность, должен быть старше, чем Гризз выглядел. Но ничего точней я сказать не смогла.

Тусклое освещение и страх стерли остатки ясного мышления в моей голове. Я едва могла думать или что-то чувствовать. Я была в оцепенении.

Он не улыбался. Не хмурился. Просто продолжал разглядывать меня. Голос Уиллоу разрушил чары.

— Этот тупой засранец, Гризз, считает, что ты захочешь этот мелкий тощий кусок дерьма. Я сказала ему, что она тебе не понравится. Так ведь, малыш? Ты же не хочешь ее, да? Ребята могут забрать ее себе, как думаешь? Если она твой подарок, ты ведь можешь делать с ней, что захочешь, например, отдать ее. Верно, малыш? И ему надо было дважды подумать, прежде чем привозить кого-то сюда? Ты же надерешь ему задницу теперь?

Он перевел взгляд на Уиллоу, не произнеся ни слова. Я видела ее лицо, в нем читалась мольба. Она не сведет с него глаз. Она будет смотреть на него так, словно понимает, что потеряла его мгновение назад.

Она обернула свой гнев против меня. Метнулась вперед, вытянув руки, собираясь вцепиться в мою шею.

Прежде чем она добралась до меня, Гризз схватил ее за плечико и одной рукой оторвал ее от земли. Она висела и трясла ногами, обе ее руки вцепились в его ладонь, пытаюсь разомкнуть пальцы. Булькающие звуки шли из ее горла. Не сказав ни слова, он бросил ее, и она упала на хлипкий садовый стул, сломавшийся под ней.

От группы отделился силуэт и направился к ней. Я узнала скрипучий голос, раздававшийся ранее.

— Уиллоу, дорогуша, все будет хорошо. Он поиграется с ней пару деньков и вернется в твою постель, не пройдет и уикенда, — мужчина попытался помочь ей встать, но она отмахнулась от него.

— Заткнись блять, Фрогги, — рявкнула Уиллоу. — Ты ничего не понимаешь! Я должна почувствовать себя лучше от мысли, что мой мужчина спит с каким-то куском говна из

белых отбросов? Просто оставь меня в покое. И перестань уже трогать меня! Я могу встать сама.

Она встала и поправила одежду. Задрал нос, словно королева, она пошла в сторону мотеля.

— Гризз, дорогой, я буду в нашей комнате ждать тебя, сладкий. Просто возвращайся обратно, когда закончишь, и я покажу тебе, что такое настоящая женщина под тобой.

Я смотрела, как она идет к мотелю, открывает одну из дверей и входит внутрь. Я снова посмотрела наверх, он разглядывал меня. Не сводя с меня взгляда, он произнес: «Мо, отведи ее в четвертый номер. Покажи все. Оставайся с ней».

Отвести кого? Меня?

Миниатюрная фигурка поднялась с земли. Она сидела близко к огню и смотрела сквозь него в течение всей этой сцены. Сначала мне показалось, что она была мальчиком-подростком. Помню, что подумала, раз у них тут есть дети, значит, не все так плохо. Теперь эта надежда исчезла. У нее были короткие угольно-черные волосы. Футболка Black Sabbath, черные джинсы и армейские ботинки. Пока она приближалась ко мне, я могла рассмотреть экстремально-черный макияж на ее лице. Наверняка под всей этой боевой раскраской у нее было милое личико. Уже будучи взрослой, я увижу всех этих юных девочек, увлекшихся готической культурой, но никто из них даже близко не сможет тягаться с Мо. Она была настоящей девушкой-готом.

Не сказав ни слова, она подошла ко мне и просто встала рядом. Она не встретилась со мной взглядом, все также смотрела на землю. Я посмотрела направо, где сидел Монстр. Он не обращал внимания на меня. За последние десять минут (или это был целый час?) Монстр раздобыл пиво и допивал его, закинув голову назад и урча. Справа от него сидел мужчина, которого называли Фрогги, тот, что пытался помочь Уиллоу. Он разглядывал сломанный стул, возможно, пытаясь придумать, как починить его. Больше никого конкретно я вспомнить не смогу, хотя точно знаю, что в тот вечер в сборе были все. Сидели вокруг костра, смотрели, ждали и не смели сказать слово против.

Я поднялась и Мо, не торопясь, пошла к мотелю. Я прижала сумку к груди и смотрела прямо перед собой, следуя за Мо. Не было нужды оборачиваться, я и так была полностью уверена, что эти гипнотизирующие глаза проследят за мной до последнего момента, пока я не закрою за собой дверь в номер четыре.

Мо подошла к двери номера, на которой виднелась потерянная цифра четыре, я шла следом за ней. Внутри работал шумный кондиционер, потрескивающий и покашливающий словно человек. По крайней мере, здесь будет попрохладней. Там на улице я не ощущала, что меня заживо съедают комары.

Когда мы дошли до двери, я впервые заметила двух огромных псов. Они лежали по обеим сторонам от двери и с любопытством подняли головы, когда мы прошли мимо них. Не опознав в нас угрозы, собаки вернулись к дреме. Тогда я еще не знала, что эти звери станут моими тюремщиками, а позже — защитниками. Мощные ротвейлеры, названные Дэмиеном и Люцифером.

Я уже успела вообразить, как будет выглядеть номер четыре изнутри, но сильно ошиблась. Такое ощущение, что я попала в другой мир. Там, где должна была стоять старая ветхая кровать, потасканный ковер, с полвека назад сделанная мебель и витать запах гнили, я вместо этого обнаружила полностью современную жилую зону. Две комнаты были разделены маленькой кухней. Было чисто, хорошо и со вкусом обставлено. Выглядело, как мечта.

По всей видимости, два, а может, даже и три номера были перестроены в один, чтобы предложить своему хозяину чуточку больше комфорта. Гадать, кто был хозяином, не приходилось.

Первой моей мыслью было найти телефон. Но Мо, должно быть, читала мои мысли. Мы обе глянули на телефон, стоявший на столешнице, и переглянулись. Она медленно покачала головой. Я оглянула ее сверху до низу. Она была небольшого роста. Меня тоже не назовешь крупной, но я была сильной и чувствовала, что уверенно справлюсь с Мо при необходимости. Оставлю это на будущее, если понадобится. Я решила, что нужно попытаться понравиться ей. Достучаться до ее лучших качеств. Вызвать в ней сочувствие. Заставить ее захотеть помочь мне.

— О, здесь и вправду неплохо. Все комнаты выглядят также хорошо?

Она не ответила, но посмотрела на меня, словно говоря: «Шутишь что ли?».

Я присела на край маленького дивана. Она разместилась на краю огромного кресла и просто уставилась на меня.

— Так ты должна помочь мне осмотреться? Что в точности это означает?

Ответа не последовало. Мо встала и прошла на кухню, затем открыла холодильник и достала содовую. Она вскрыла банку, подошла и вручила ее мне. Сказав «спасибо», я поставила напиток на низкий кофейный столик, не сделав ни глотка. Хотя, если подумать, во рту у меня пересохло, пожалуй, глоток был бы кстати. Так что я отпила из банки.

Думаю, она заметила, что я расчесываю места укусов комаров, потому что она снова встала и прошла через кухню в следующее помещение, я полагаю, это была спальня, совмещенная с ванной комнатой. Вернулась она быстро и без слов передала мне бутылку антисептика и ватный шарик. Она кивнула на мои руки, и я поняла, что мне предлагается обработать укусы. В голове немедленно пронеслось: «Хорошо, значит, она не совсем бесчувственная. Только внимательный человек побеспокоился бы о такой глупости, как комары». Я тогда даже близко не понимала: не будь она внимательной, ей бы пришлось серьезно поплатиться за это.

Я продолжила болтать ни о чем, протирая укусы смоченной в лосьоне ватой. Мо по-прежнему отказывалась отвечать мне, как я ни пыталась вовлечь ее в разговор. Никогда прежде я не встречала кого-то, столько лояльного к своему лидеру. Наверное, у них есть какое-то негласное правило — с пленниками не брататься.

Ох, в таком контексте я не думала об этой ситуации, но по сути — вот оно, точное определение. Пленница. Меня удерживают против моей воли. Я обязана добраться до телефона. У меня появился план. Не самый лучший, но если я буду вести себя, как ни в чем не бывало, возможно, смогу проверить задуманное. Кто знает? «Может, я и не пленница на самом деле», — одернула я себя. Возможно, я чрезмерно эмоционально реагирую. Все это не по-настоящему. Просто похоже на сюжет из какого-нибудь фильма.

Я жадно приложилась с содовой. Когда в банке почти ничего не осталось, я встала и непринужденно сказала: «Допила, спасибо. Мусорное ведро на кухне?». Не дожидаясь ее ответа, я пошла на маленькую кухню, делая вид, что ищу, куда выкинуть банку.левой рукой я, словно невзначай, потянулась к телефону на столешнице. Не успев поднять трубку, я почувствовала ее позади и замерла, как вкопанная. Одна рука все еще на трубке, другая с банкой зависла над раковиной. Маленькая, тихая Мо держала нож у моей шеи.

— Ээй, Мо, в этом нет нужды. Я просто хотела сделать звонок. Сказать родителям, где я. Они будут беспокоиться и все такое.

Она убрала нож, я повернулась и увидела, что она смотрит на меня также, как когда я спрашивала, все ли комнаты так хорошо выглядят. Нет, маленькая скромница Мо не была душой. Она была легкой, неслышной, но вполне в состоянии навредить мне. Блин, она ведь могла быть в моем положении несколько лет назад. Но этого я точно не знала.

Запинаясь, я пыталась объяснить: «Я просто напугана. Я не знаю, что со мной будет теперь. А ты знаешь? Почему ты ничего мне не говоришь? Если бы ты просто рассказала, что происходит, или чего мне ожидать, я бы смогла взять себя в руки».

Она была ниже меня, но мы стояли совсем близко, и я могла детально рассмотреть ее лицо. У нее были красивые глаза, даже под всем этим макияжем, и я убедилась, что у нее прекрасная кожа. Ее улыбки я еще не видела, так что ничего не могла сказать о ее зубах.

Ни одна эмоция не отразилась на ее лице, пока она изучала меня. Я была потеряна. Я осталась одна. Эта мелкая «потенциальная подружка» вовсе не была мне другом. Она просто делала свою работу.

Она приоткрыла рот, словно собираясь сказать что-то. Наконец-то, хоть какой-то ответ. Слово утешения. Хоть что-то.

И вот тогда я заметила, что у Мо нет языка.

Впервые за всю жизнь я произнесла слово, прежде не сходявшее с моих губ: «Мама». Я хотела к своей маме.

Я родилась на Валентинов день в 1960 году. Моя мать назвала меня Джиневра Лав Лемон*. Да, это мое настоящее имя. Чтобы понять, как я его получила, вам придется понять мою мать Делию — безнадежного романтика и хиппи. Но прежде, чем вы осудите ее за то, что она так нелепо назвала меня, вам стоит знать: в конечном итоге, мое имя приведет Армию Сатаны к краху.

- Джиневра/Guinevere — очень старомодное английское имя, Лав/Love — «любовь», фамилия Лемон/Lemon — «лимон». Замешательство героини насчет своего имени можно понять — Джиневра Любовь Лимон, если буквально.

Делия Лемон забеременела мной в период ее жизни в коммуне хиппи и никогда не пыталась установить, кто в точности являлся отцом. Она встретила моего отчима Винса на протестах против войны, когда мне было около шести лет. Они поженились три года спустя на Вудстоке. О да, я была на Вудстоке. Я сказала вам, что они поженились, но я не знаю, было ли это событие официально зарегистрировано. Она по-прежнему использовала свою собственную фамилию — Лемон.

Она была слишком крутой, чтобы называться мамой, поэтому я всегда звала ее Делия. Делия Лемон была чудаковатой. Мне нравится сравнивать ее с миссис Джонсон из песни «Harper valley PTA». Помните ту песню? Где Ассоциация учителей и родителей передает через маленькую девочку записку ее матери, в которой выражается крайнее неодобрение ее воспитания. Эта мама отправляется на следующее собрание Ассоциации и устраивает там выволочку каждому присутствующему.

- В песне миссис Джонсон появляется на собрании в провокационной мини-юбке и обращается поименно к членам собрания, упоминая их собственные грехи, — кто-то пьет, кто-то домогается своей секретарши и тому подобное. В конце песни она обращается к собранию с вопросом: «И у вас хватает наглости заявлять, что я, как мать, плоха?».

Я думаю, нестыковка в этом сравнении заключается в том, что мама из песни больше заботилась о своей дочери и о ее репутации, чем Делия заботилась обо мне. Делия не была плохим человеком. Просто все правила ей были безразличны. Ее действительно не волновало, что подумают люди. «Дети цветов» — так называли хиппи, и Делия была классическим их представителем. Она просто плыла по течению.

Я все еще помню ужас на лице моей первой учительницы, когда она узнала, что я не зову свою мать «мамочка». Я называла ее по имени. Так было всегда. Помню, однажды я спросила Делию, кто такие «мамочки», потому что у всех моих друзей они были, а она со смехом отмахнулась, добавив, что в ярлыки она не верит. Я была слишком маленькой, чтобы понять, что это значило.

Делия работала в магазине здоровой еды еще до того, как подобные магазины стали популярны. Она выращивала собственные травы и марихуану. Подбирала бродячих

животных. Она никогда не носила бюстгалтеров, а в ее гардеробе были сплошь топы и длинные волнистые юбки с растягивающимися поясами. Она ходила босой так часто, как предоставлялась возможность. Ее темно-русые волосы были разделены посередине пробором и всегда заплетены в две косы, доходившие ей почти до талии.

Ей нужно было убедиться, что я накормлена и всегда одета в чистую одежду для школы. Ну, почти всегда. Мятую, но чистую. Это была вершина ее материнства.

Дома всегда было множество горшечных растений, подвешенных на замысловатые держатели, сделанные вручную в технике макраме. Всегда тлели ароматические свечи и благовония. И хотя Делия работала в магазине здоровой еды, сама она выкуривала по пачке сигарет в день, пока Винс не заставил ее, наконец, бросить. Я привыкла зажигать свечи, чтобы их аромат перекрывал запах табака. Позже это станет моей привычкой, не зависящей от того, что Делия бросила курить.

Винс был водителем грузовика, доставлявшего пиво. Он был на этой работе столько, сколько я помню его. Не могу сказать ничего плохого о Винсе. Он был нормальным парнем.

Делия и Винс никогда не били и не унижали меня. Я даже не припомню, чтобы кто-то из них повышал на меня голос или как-то наказывал. Им просто было все равно. Меня не любили, со мной не возились.

Думаю, они по большей части игнорировали меня. Не помню, чтобы Делия или Винс хоть раз помогали мне с домашней работой. Они ни разу не показывались на школьных мероприятиях, не занимались с другими родителями сбором средств для фондов. В моих воспоминаниях я всегда сама заботилась о себе, даже будучи совсем маленькой. Как сейчас помню: я стою на стуле на кухне, чтобы достать до плиты и вскипятить воду на макароны с сыром. Одно из любимых блюд, что я себе готовила. К сожалению, я слишком часто ела одно и то же, поэтому по сей день я смотреть не могу на макароны с сыром, томатный суп и на любую газировку с вишневым вкусом.

Да, кстати, Винс и Делия были алкоголиками. На мое счастье, они не опустились. Для меня было нормой ждать их в баре «У Смитти» после школы. Обычное дело. Форт-Лодердейл тогда был совсем небольшим, все жители знали друг друга. Вот так я и росла. Форт Лотердейл, штат Флорида.

В средней школе про таких, как я, говорили: «Сама по себе». Каждый день я в одиночестве возвращалась домой от Парклэндской школы. Сама отпирала дверь и закрывалась. Делия не ждала от меня звонка убедиться, что я благополучно добралась до дома.

Я была не одинокой, но одиночкой. Мои успехи в учебе были великолепны, и я погружалась в книги все больше. В работе с цифрами у меня обнаружился настоящий талант. Я любила цифры. И по-прежнему люблю. Мне нравится то, что они никогда не врут. И всегда сходятся. Всегда есть постоянная составляющая.

К тринадцати годам я полностью взяла на себя семейные финансы. Хотите, верьте, хотите — нет, но и Делия, и Винс, обналичив зарплатные чеки и купив себе необходимое, отдавали мне остатки. Каждую неделю на своем желтом десятискоростном велосипеде я отправлялась в местный банк, чтобы пополнить депозит. Я платила по всем счетам, подделывая подпись Делии на чеках. Я упивалась тем чувством, что делала нечто значимое. Мне нравилось быть на позиции бухгалтера в нашей маленькой семье.

Я ощущала себя невероятно важной, когда Винс обращался ко мне: «Эй, Гвинни, у меня ботинки совсем изношены. Можно я придержу двадцатку, чтобы купить новые? Остатков

хватит, чтобы заплатить по счетам?»).

Вроде бы и небольшие полномочия, но лучше так, чем совсем ничего. Управление семейным бюджетом укрепляло мое чувство уверенности и важности. Я что-то значила в этой семье. По-другому этого чувства добиться не удавалось.

Они величали меня «Гвинни», когда пили, то есть почти все время. Когда мне исполнилось десять, я стала настаивать, чтобы вместо «Гвинни» они обращались ко мне «Джинни». Мне казалось, что Гвинни больше подходит котяткам-найденышам, которых Делия пригревала. Звучало по-детски, и мне это не нравилось.

В итоге Джинни сократилось до Джин. Да, Джин. Прямо, как алкоголь. Есть тут некая ирония, верно?

Мо улыбнулась. Возможно, ее позабавило, что я заметила отрезанный язык, а может, смутило. Открылась дверь и мужчина, которого они называли Гризз, вошел внутрь.

Первое желание было забросать его вопросами. Но что-то меня сдерживало. С мужчинами у меня никакого опыта не было, но мой внутренний голос нашептывал держать язык за зубами. Мне стало интересно, потому ли у Мо не было языка? Она сказала что-то не то, и его отрезали, или это с рождения? За всю свою жизнь я ни разу не слышала о людях, рожденных без языков.

Не сказав ни слова, Гризз подошел к кофейному столику и схватил мой рюкзак. Он вытряхнул его содержимое на диван. Тяжелые библиотечные книги упали последними и были отброшены Гриззом в сторону. Он взял мои таблетки и также отбросил их. Затем рукой разгреб остальное. Когда в его пальцах оказался один из двух тампонов, я неестественно высоким голосом сказала: «У меня менструации. И я на таблетках только из-за сильных судорог. Они не для контроля за зачатием».

Ну вот. Я выпалила несколько подробностей, но если честно, не знаю, в плюс мне это или в минус. Кому приспичит насиловать девушку, у которой идут месячные? У меня не было ни малейшей догадки, что вообще может двигать насильником. Или как в этой ситуации — что может сдержать его. Во-вторых, я попыталась объяснить, что таблетки мне нужны только из-за болей. Это была правда. Я не вела сексуальную жизнь. Но что, если он хотел девственницу? Понятия не имею, что я для него значу.

Он никак не прокомментировал мое заявление, только схватил кошелек. Он открыл его и посмотрел на мое водительское разрешение.

— Джиневра Лав Лемон? — спросил он с усмешкой.

— Джин. Меня вполне устраивает Джин, — ответила я. Он не взглянул на меня.

— Никогда больше ты не воспользуешься этим именем. Уяснила? Ты никому его не скажешь. Никогда. Это ясно?

Я не ответила, и он взглянул на меня. Я согласно кивнула, но просто спускать происходящее на тормозах не собиралась. В глубине души я и не думала повиноваться. То, что я вела себя осторожно, будучи сильно напуганной, вовсе не означало, что меня все устраивало. Я не хотела демонстрировать свою непокорность, но все же сделала это.

— Ну, Мо знает мое имя, — сказала я немного саркастично.

Он отложил кошелек к прочим моим вещам и медленно подошел ко мне. Не трясись, не трясись, не трясись. Смотри ему в глаза, Джин. Голову выше. Не слишком дерзко, но и тряпкой не смей казаться.

Он приблизился настолько, что мне пришлось поднять голову, чтобы продолжать смотреть ему в глаза. Вот тогда я заметила их цвет: чистый, яркий зеленый. В свете комнаты этот взгляд был просто неотразим. Он поднял правую руку и нежно провел ей по моей щеке. Я испытала шок. Хотя я и стояла ровно, не дергаясь, я уже успела приготовиться к удару.

Почти шепотом он ответил: «И кому она скажет его? Она поплатилась, когда открыла свой рот в последний раз». После короткой паузы он добавил: «Ты не удивлена, девочка. Уже выяснила, почему Мо не разговаривает?».

— Ты сделал это? — прошептала я.

— Да, я. Ну, так есть еще какие-нибудь вопросы по поводу твоего старого имени?

— Как ты собираешься называть меня?

— Никак. По крайней мере, пока.

Он вернулся к моим личным вещам, взял кошелек с правами и четырьмя долларами и кинул его Мо.

— Сожги это.

Чтобы обзавестись новым именем, много времени не понадобилось. Из банды ко мне никто практически не обращался. Но если и случалось такое, это обычно была Уиллоу, называвшая меня «уродливой сукой». Хотя и это недолго длилось.

Я пробыла там уже несколько дней и начала узнавать некоторых из них по именам. Был полдень, мы сидели за потертым столиком для пикника, обедая. Я, впрочем, не ела. По очевидным причинам аппетита у меня не было. Я сидела слева от Гризза, Уиллоу была справа.

Так прошли последние несколько дней. Я всегда находилась рядом с Гриззом. Всегда в поле его зрения, кроме ванной комнаты. Уиллоу не могла переварить, что я все время была рядом с ним, и при любой возможности пыталась оказаться поблизости. Она бы и на полу в его комнате спала, если бы он разрешил.

В общем, мы продолжали есть, и Уиллоу открыла рот, начиная фразу: «Ну, уродливая сука, так когда ты собираешься...».

Гризз ударил ее наотмашь так сильно, что она слетела бы со скамейки, но сидевший рядом Грант поймал ее за левую руку и уберег от падения.

Моложе всех в этой компании был Грант. Он много не говорил, прикинуть его возраст у меня не получалось, но, казалось, что он был немногим старше меня. Меня не покидало чувство, что он наблюдал за мной, но каждый раз, когда я смотрела на него, он занимался чем-то другим.

Рука Уиллоу метнулась ко рту. Когда она отвела ее в сторону, на ладони лежал зуб. Кровь стекала из ее носа и рта. Это была не обычная оплеуха. Рука Гризза сжалась в кулак, и силы, намеренно вложенной в удар, хватило, чтобы выбить этот зуб, а может, и нос сломать. Если раньше я думала, что Уиллоу ненавидит меня, то вот теперь стало ясно — уровень ее враждебности достиг нового пика.

Пара человек из сидящих засмеялись. Мо оставалась безучастной, но, думаю, я уловила намек на улыбку, прежде чем она вернулась к своей тарелке.

Чики, сидевшая напротив Уиллоу, сказала: «Господи, Гризз, ну что за нежности, вступаешься за свой «подарочек»? С чего тебя вдруг волнует, как Уиллоу ее называет?».

Едва она произнесла это, как в ее глазах я разглядела сожаление о сказанном. Но, видимо, Гризз не собирался реагировать так, как она опасалась. Несколько секунд спустя напряжение покинуло ее. Он дожевал и, проглотив еду, как ни в чем не бывало, сказал: «Просто надоело слушать это».

Уиллоу пыталась не плакать, но ее тело содрогалось. Она подскочила и попыталась быстро выбраться из-за стола. Выглядело неуклюже. Будучи зажатой между Гриззом и Грантом, ей приходилось отступать спиной. Грант попытался помочь ей, но гордая Уиллоу лишь шикнула на него и, не сказав больше ни слова, зашагала обратно в мотель.

Она, должно быть, отыскала Фрогги, которого не было за столом, потому что несколько минут спустя мы услышали двигатель байка, а затем увидели, как они вдвоем медленно проезжают мимо нас в сторону трассы-84.

Во второй раз я увидела, как Гризз жестоко обошелся с Уиллоу. Я уже знала, что она спала с Гриззом, или спала, пока я не появилась. Впрочем, мне этого все еще не приходилось делать, но не думаю, что кто-то был в курсе ситуации. Я все еще не могла

сообразить, почему он не стал насиловать меня. Он уж точно выглядел, как человек, способный на такое. Может, ждал, пока у меня закончатся менструации? Не знаю. Совершенно очевидно, что он был жестоким человеком, неспособным испытывать иные чувства, кроме гнева. Вдобавок к его равнодушию ему оставалось лишь поднять на меня руку.

Я не знала, заботило ли его, что думают остальные о его отношении ко мне. Кажется, всем было в новинку видеть своего главаря, заступающимся за пятнадцатилетнюю пленницу. Складывалось впечатление, что он предоставил им всем возможность думать, что пожелают на этот счет. Поубивай они тут друг друга, он вряд ли бы вмешался или как-то выразил заинтересованность.

В предстоящие годы я увижу, как он на многих людях дает волю своей бесчеловечности, независимо от их пола, возраста и физических возможностей. Это не имело значения. Интересно, было ли это обычным делом для его женщин — быть избитой или лишиться языка. Позже я пойму, что жестокость ради жесткости он никогда не проявлял. Он не получал от этого удовольствие. Причинение боли другим людям не радовало и не развлекало его, однако, не было заметно ни грамма сожаления, когда он делал это. Он был твердо убежден, что они получали то, на что напрашивались. Идти наперекор ему даже по малейшему поводу означало столкнуться с последствиями. Лишь раз за все годы, проведенные с Гриззом, я услышала от него слово сожаления.

Он требовал подчинения, неважно, каким бы ни был повод. Ты ослушался — значит, ты заплатишь. Я увижу множество примеров того, как самые разные люди жесточайше расплачивались за неповиновение или за поступки, которые ему не нравились.

Уже этой ночью я увижу, как кое-кто поплатится.

День шел к закату, и я прикинула, что кто-то должен был разжечь костер в яме, как и в предыдущие ночи. Так они называли то место, где я в первую ночь встретилась со всеми: яма.

Сидя в комнате Гризза, я читала одну из своих библиотечных книг, пытаюсь, как и во все последние дни, вести себя обыденно, насколько это вообще было возможно. Но, по правде говоря, я просто таранилась на страницы. Мой разум безостановочно метался, пытаюсь выдумать, как сбежать отсюда.

Впервые с момента моего прибытия, Гризз пожелал, чтобы я покинула комнату. Что-то ему нужно было сделать. Может, телефонный звонок? Не знаю.

Он подошел к двери, открыл ее и крикнул: «Грант. Сюда». Он стоял там, пока не появился Грант. Гризз кивнул на меня и сказал: «Отведи ее к яме. Я буду через несколько минут».

Я удивленно посмотрела на него. Что-то новенькое. Я захлопнула книгу и надела сандалии. Ненавижу ходить босой. Забавно, росла-то я с матерью, которая ненавидела ходить обутой.

Я запомнила, какими прохладными здесь бывают ночи, и попросила: «Можно мне накинуть что-нибудь?».

— Да. Грант, дай ей свою куртку.

Грант снял и без слов передал ее мне. Одевшись, я последовала за ним к яме.

Мы присели на два стула, стоявших рядом. Уиллоу и Фрогги нигде не было видно. Мне не очень хорошо запомнился мотоцикл Фрогги, чтобы точно сказать, был он тут припаркован или нет. Они, возможно, и не возвращались обратно. Мо сидела на земле

напротив огня, как и в первую ночь. Еще несколько человек расположились на покосившихся стульях, вытянув ноги. Все пили пиво.

Грант, глядя, как я рассматриваю остальных, спросил, не хочу ли я тоже пива. Я ответила отрицательно, но, может, и стоило взять одно. Наверное, это помогло бы расслабиться, но я терпеть не могла пиво на вкус.

Грант дошел до кулера, достал себе банку и сел обратно рядом со мной. Я заметила, что он хлопнул себя по руке. Комары.

— Спасибо за куртку, — сказала я ему.

— Не думаю, что у меня был особый выбор, — он сказал это безо всякого сарказма, просто констатируя факт. Я начала снимать куртку, но он тут же положил свою руку на нее и сказал: «Нет, надень обратно. Лучше тебе быть в этой куртке, когда он придет сюда. Вернешь ее завтра».

— Да ладно, думаешь, он сделает тебе что-то, если я верну куртку обратно?

— Ты ее попросила. Просто носи. Он не будет зол на меня. Он будет зол на тебя, потому что ты сказала ему, что мерзнешь, и он решил эту проблему. Так что если он придет сюда, а ты опять мерзнешь, он, вероятней всего, будет разозлен.

— Почему его вообще заботят такие глупости?

К этому моменту за нашим разговором, оставив свою болтовню, следили все остальные, сидевшие в яме.

Прежде чем Грант ответил, нас прервал громкий рев мотоцикла. Монстр. Интересно, где он был весь день. Не то чтобы меня это волновало. Люди, казалось, уезжали и возвращались сюда, когда им вздумается. Все, кроме меня.

После того, как он припарковался и заглушил двигатель, разговор продолжился. Но вопрос с курткой я предпочла больше не обсуждать. О многом было любопытно узнать, но я уже уяснила, что чем меньше знаю, тем лучше для меня. Я хотела обратно мою свободу. Если я буду постоянно задавать вопросы и узнаю лучше всех этих людей, это может повлиять на решение позволить мне покинуть их или нет.

Монстр подошел и взял пиво из кулера, прежде чем присесть. Он открыл банку и сделал большой глоток. Затем одной рукой он достал пачку сигарет из куртки и прикурил одну. Остатки пива он прикончил меньше чем за тридцать секунд, громко рыгнул и потом встал.

— Забыл, у меня есть еще один подарок для Гризза. Вернее, для псов Гризза.

— У тебя за байком припрятана еще одна цыпочка? — спросил кто-то. Все рассмеялись.

Оставив вопрос без ответа, он пошел обратно к байку. Глаза присутствующих следовали за ним, стремясь удовлетворить свое любопытство. Он открыл одну из сумок, зацепленных на мотоцикл, пошарил рукой и вытащил что-то оттуда. В темноте сложно было сказать, что это, но оно было маленьким и помещалось в ладони.

Монстр вернулся, но мы все еще не видели, что он принес. Он плюхнулся обратно на стул, едва не выронив сигарету изо рта и доставая «презент».

Это был маленький черный котенок. Котенок? Гризз захочет себе котенка? Затем я вспомнила, что он предназначался собакам. Он собирался отдать котенка псам, чтобы тем замучили его до смерти? О нет. Не думаю, что смогу спокойно смотреть на это.

Кто-то, думаю, это был Блу, сказал: «На кой черт он нужен Гриззу?».

— Я подумал, что он захочет скормить его своим адским тварям, — засмеялся Монстр. Он все еще держал его за шкуру, и крошечное несчастное животное могло только

болтаться, не издавая ни звука.

— Я точно тебе говорю, ты зря это делаешь. Избавься от котенка, прежде чем он придет, — предупреждающе сказал Блу.

— Ну и зачем мне избавляться от такой отличной верещалки? — спросил Монстр.

— Что ты имеешь ввиду? — спросил Грант.

Не ответив, и прежде чем кто-нибудь мог остановить его, если бы захотел, Монстр вытащил сигарету изо рта и прижал ее к боку котенка. Животное взвыло от боли, пытаясь вывернуться и освободиться. Он просто засмеялся.

— Видишь — верещалка! Черт, а кто-нибудь хочет выяснить, будет ли его глаз шипеть, как бекон на сковороде? — и он снова захохотал.

Никто не присоединился посмеяться над этим ужасом, но я была слишком расстроена, чтобы заметить реакцию остальных. Я вскочила и побежала обратно в комнату. Грант нагнал меня, но я отбивалась от него.

— Просто оставь меня в покое! Отстань! — я заорала изо всех сил. — Вы все больные. С вами что-то не то, если вы находите это смешным.

Грант пытался остановить меня, чтобы я не заходила в комнату, он что-то говорил, но я не слышала. Я была в истерике.

В этот момент дверь открылась, и Гризз вышел к нам: «Что, черт побери, тут происходит?».

— Что происходит? Я скажу тебе, что происходит. Твой больной друг, Монстр, отрывается там, мучая бедное, беззащитное животное, вот что происходит. Вы все больные. Поверить не могу, что это происходит. Поверить не могу, что люди могут находить удовольствие в таком дерьме. Я обязана выбраться отсюда!

Позади Грант сдерживал меня, прижимая мои руки к бокам. Я ждала удара от Гризза. Я видела, как он и по меньшим поводам приходил в ярость. Это, по крайней мере, тянуло на пощечину. Но она не последовала. Он смотрел в сторону ямы сквозь меня и Гранта. Затем он сказал: «Отведи ее внутрь. Оставайся там с ней».

— Чтобы ты мог присоединиться к веселью? — с издевкой спросила я. — Этим собираешься заняться? Здоровый, сильный паренек, да? Собираешься котенка терроризировать? Ну надо же, как смело!

Пока я кричала, Гризз уже шел к яме, так что не знаю, как много он услышал из сказанного, спасибо Боже. Грант продолжал повторять, чтобы я заткнулась. Затем, с силой, которой я не ожидала от него, он схватил меня, забросил на плечо и занес в комнату, захлопнув дверь за собой, прежде чем отпустить.

Грант почти вышиб из меня дух, и я согнулась вдвое, пытаясь вдохнуть. Он повторял, чтобы я успокоилась, пока вел меня к дивану. Потом включил телевизор, прибавил громкости и посмотрел на меня.

— Не думай о плохом, — сказал Грант. — Все будет нормально. Постарайся отдышаться.

Я не смогла ответить. Впервые с моего похищения что-то надломилось внутри, и я заплакала.

Он собирался сесть рядом и положить руку мне на плечи, но отказался от этой затеи, едва встав. Вместо этого он сел на кофейный столик и смотрел мне в лицо, просто наблюдая, как я хнычу.

Грант пошел в ванную и вернулся обратно с полотенцем, намоченным холодной водой.

Я взяла его, уткнулась лицом и заплакала еще сильнее.

Когда дверь открылась, я подняла голову, вошел Гризз. Он глянул на меня, затем — на Гранта.

— Иди.

Грант кивнул, встал, прошел мимо Гризза и скрылся за дверью. Я уставилась на свои коленки. Во мне росло чувство опустошения, истерика вымотала меня физически. Я слышала, как Гризз подошел ко мне, и прежде чем я взглянула на него, он аккуратно положил мне на колени котенка.

Я замерла, потом посмотрела на него, и он, должно быть, прочитав вопрос на моем лице, сказал:

— Блу рассказал, что сделал Монстр. Что он планировал сделать.

На ум не шел ответ.

— Кое-что нужно прояснить. Можешь оставить котенка здесь и присматривать за ним, но держи его подальше от Люцифера и Дэмиена. Не знаю, что они с ним сделают. Я серьезно. Придумай сама, как уберечь его от них. Увижу, что он где-то нагадил, и скажу Гранту отвезти его в приют для животных. Поняла?

Меняхватило лишь на кивок.

— Ты никогда больше не позволишь себе так разговаривать со мной. Кит, ты уяснила?

— Да. Спасибо, — шепотом ответила я. — Ты накричал на Монстра? Сказал ему, чтобы он держался подальше от котенка? Что он теперь мой?

— Нет, я не кричал на Монстра, и — нет, он его больше не тронет.

Три вещи произошли этой ночью. Я получила свое новое имя. Кит*. Я увидела Гризза с другой стороны. И этой же ночью члены банды, сидя у огня, спорили о том, чему стали свидетелями.

Кто-то сказал: «Да, глаз и впрямь шипит, как бекон на сковородке». Другие ответят ему: «Да нет, не похоже было».

Но в одном они сойдутся: было сложно в точности расслышать этот звук сквозь крики боли Монстра.

● Кит — сокращение от котенка по-английски. Kit=kitten

В ту ночь я уснула с крохотным котенком, свернувшимся клубком у моей груди. Как и в каждую проведенную здесь ночь, я спала поверх покрывал, лежа на невероятно удобной, огромной кровати. На кровати Гризза. Он тоже спал на простынях, оставаясь в футболке и джинсах. Наши спины почти соприкасались. Каждое утро, просыпаясь, я обнаруживала плед, накрывавший меня.

Монстра на следующий день я не видела. Удивительно, но все вели себя, как ни в чем не бывало. В каком бы ужасе я ни была от того, что сделал Монстр с животным, еще больше меня потрясло то, как Гризз поступил с ним.

Наутро в комнату вошел Блу, я сидела на кровати, играя с котенком. Блу был вторым по старшинству в этой группе и также старшим братом Гранта. Он сказал Гриззу, что Монстр уехал, и они не были уверены, вернется ли он. Я в тайне надеялась, что он будет настолько зол на Гризза, что пойдет в полицию и расскажет о моем похищении. Не тут-то было.

Он въехал во двор позже в полдень, как будто ничего не произошло. Единственным свидетельством прошлой ночи была повязка на глазу.

Я по-прежнему находилась под бдительным взглядом Гризза и никогда, ни на минуту, не оставалась один на один с телефоном. Однажды он заметил, как я смотрю на него, и сказал мне даже не пытаться бежать или звонить и просить о помощи.

— Глупо будет даже не попытаться выбраться отсюда.

— Нет, — парировал Гризз. — Глупо будет, если ты попытаешься.

— Серьезно? Это почему?

— Если сбежишь, пострадает твоя семья. Вот почему.

Мне уже было известно, на что был способен Гризз. Я видела, как грубо он обходился с Уиллоу, знала, что он сделал с Монстром. И, тем не менее, я ничего не могла поделать с собой. Я не смогла удержаться от попытки поставить его слова под сомнение.

— И что ты знаешь о моей семье? — спросила я чрезмерно насмешливо.

Я знала, что мое водительское разрешение было сожжено, и быть того не могло, чтобы он запомнил адрес в ту ночь, когда смотрел на мое имя на документе. И хотя вызывало опасение то, что он знал мое имя, фамилия Лемон в адресной книге не значилась. Наш телефон шел под фамилией Винса.

— Лучше притормози, Кит, — все, что он ответил.

Но я не притормозила. Я продолжила подкалывать его. Удивительно, но Гризз не стал отвечать на мои заявления о том, что он ни за что не сможет разузнать обо мне больше, и уж тем более разыскать мою семью. Несколько минут спустя я заметила вену, пульсирующую у него на лбу.

— Ты хочешь доказательств, Кит? Об этом ты просишь меня?

— Да, именно об этом. Знаешь, почему? Потому что я знаю, у тебя их нет. Я была просто каким-то дурацким, наугад выбранным подарком, прихваченным Монстром у магазинчика. И моего дома нигде поблизости не было.

Не отвечая, он несколько минут смотрел на меня. Наконец он сказал: «Возможно, тебе нужен урок, как научиться верить мне без доказательств. Возможно, ты должна осознать, с кем в действительности имеешь дело».

Он сказал это так спокойно, так невозмутимо, что я испугалась. И сдалась.

— Ладно, ты в состоянии навредить моей семье, если захочешь, — мой голос был тихим. — Хорошо, я верю. И не буду пытаться сделать что-нибудь глупое.

Так закончился наш разговор. Спасибо, Господи, я вняла собственным словам и не стала пытаться бежать или звонить по телефону. Остаток дня я провела в комнате с моим котенком и тремя библиотечными книгами.

Поздно вечером я неохотно шла за Гриззом к яме. Я встала, как вкопанная. Страх засочился вниз по моему позвоночнику, как капли воды из протекающего крана. Вот оно. Доказательство, которое, как я говорила Гриззу, он не был в состоянии предоставить. Там, на детской площадке, прислоненным к пошатывающейся горке, стояло самое ценное, чем я владела: моя гитара. Последний раз, когда я видела ее, она опиралась о кресло-качалку в моей спальне. Как? Как она могла оказаться здесь? Был только один вариант. Гризз знал, где я жила. Он мог что-нибудь сделать Винсу и Делии. И хотя я их не любила так, как другие дети любят своих родителей, я за них переживала и не хотела, чтобы с ними что-то случилось.

Я вернулась в четвертый номер, трясаясь от страха, чувствуя, что потерпела полное поражение. Я схватила и прижала к себе котенка. Как глупо я чувствовала себя. Когда Гризз отдал мне животное, я понадеялась, что смогу забрать его с собой, когда сбегу. Что буду спасительницей этого маленького существа. Да кого я обманывала? Как я спасу котенка от этих людей, если я даже себя не могла спасти?

Нужно было дать ей имя. Это самое большее, что я могла для нее сделать. Раз уж ее «имя» дали мне, я дам ей взамен единственное прозвище, которое, как я думала, станет последней моей связью с домом. Я не была счастлива в нем, но это единственный дом, который я когда-либо знала.

Я назвала ее Гвинни.

Через несколько дней после моего прибытия у меня закончились менструации. Прошла неделя или около того, но Гризз по-прежнему никак не пытался сблизиться сексуально. Уиллоу продолжала ненавидеть меня, но уже на расстоянии. К концу первой недели я даже стала спать в течение всей ночи. До этого я просыпалась по нескольку раз и с трудом засыпала.

Было тревожно, вдруг Гризз попытается что-нибудь сделать со мной, но он ничего не предпринимал. Я сообразила, что он вставал и уходил в комнату какой-нибудь из женщин, когда я стала хорошо засыпать по ночам. Вот и хорошо. Надеюсь, «этим» он там и занимался. Я совершенно точно не хотела, чтобы он вымещал на мне свои потаенные желания.

Я также занималась тем, что выхаживала Гвинни. Дело было нетрудным. Единственным пережитком той страшной ночи был скверный волдырь, постепенно подсохший до корочки. Гвинни была жизнерадостной крохой, и даже после того, что сделал с ней Монстр, не проявляла страха. Я по-прежнему была под присмотром, но мне позволялось бродить беспрепятственно по мотелю и притом без сопровождения Гризза. Теперь он не всегда был со мной, как поначалу. Очевидно, что я никуда не собиралась сбегать.

Как по волшебству, все, в чем я нуждалась, появлялось у меня, включая годовой запас таблеток для контрацепции. Я пыталась мысленно отрицать, что это выглядело, как индикатор того, сколько мне предстоит здесь пробыть. Неважно, я по-прежнему не знала, зачем мне они понадобятся. Будут ли они торговать мной словно проституткой? Придется ли мне работать в топлесс-баре, как Чики и Уиллоу?

Я не знала, как Гризз все приобретал. Постепенно вещи просто появлялись в его комнате. На следующий день после того, как мне досталась Гвинни, я обнаружила лоток, еду и кошачью игрушку у двери в комнату. Я держала котенка в номере и смотрела, чтобы лоток вычищался так скоро, как только она его использует. Мне не хотелось давать Гриззу повод отобрать ее у меня.

На другой день появились пять пар нижнего белья, зубная щетка, толстовка и кеды — все по моему размеру. До этого момента я вручную стирала одни и те же трусики и оставляла их на ночь высыхать. Я спала в одной из футболок Гризза и в своих джинсах, которые не стирала. Утро я обычно начинала, надевая недосохшее, но чистое нижнее белье.

Еще один день принес мне новые джинсы, пару ночных рубашек и шорты. За месяц я обзавелась новым гардеробом. Все это были качественные, стильные вещицы, к тому же, на них все еще висели этикетки из магазинов. Почти все сидело идеально. Мне было любопытно, купили их или украли. Я никогда не спрашивала, но все же была уверена, что это Чики и Мо выбрали для меня вещи. Если бы это сделала Уиллоу, я, без сомнений, проходила бы до конца жизни в старом холщовом мешке.

Я точно была уверена, что Мо достала таблетки. У нее была подружка, работавшая в гинекологическом кабинете, и у этой подружки были серьезные проблемы с наркотиками. Гризз хотел был уверенным, что все девочки принимают контрацептивы, и Мо поставляла подруге наркотики по ее выбору, а та предоставляла таблетки из запасов бесплатных образцов, которые всегда были в офисе доктора.

Дни были однообразны, я до слез скучала. Странно, но испуг прошел. Не знаю, почему.

Не должен был. Меня не отправили на работу в топлесс-бар, как других девочек. Меня также не заставляли заниматься сексом с другими парнями. Меня не просили готовить, убирать или стирать. Нужно было найти себя дело, чтобы не сойти с ума. Я прибиралась в собственном жилище, решив делать хоть что-то, чтобы занять себя.

Вот так я и узнала, что Дэмиен и Люцифер были моими тюремщиками. Будто угрозы смерти, нависшей над Делией и Винсом, не было достаточно. К этому моменту собаки уже оставили в покое котенка. Им разрешалось находиться в комнате Гризза в любое время. Они были прекрасно выдрессированы, никогда не забирались на мебель и спали только на полу на своих подстилках. Псы съедали свой обед и уходили на поросший лесом участок недалеко от мотеля, чтобы отдохнуть там, возвращаясь и уходя тогда, когда им пожелается.

Однажды я собралась вымыть пол в четвертом номере. Закончив, я вынесла ведро с грязной водой из комнаты, но мне не хотелось оставлять его в коридоре, где могут пройти мимо люди и занести его обратно. Поэтому я пошла ближе к лесу, граничащему с участком, занятым мотелем.

Приближаясь, я заметила, что фактической границей участка были болота. Я и забыла, что находилась в Эверглэйдсе. Погодите. Разве в болотах не водятся аллигаторы? Я не успела поразмыслить над этим вопросом, поскольку уже дошла до границы и закинула ведро, собираясь вылить воду. Неожиданно появились оба пса — один позади, другой слева. Оба они приняли атакующую стойку и зарычали. Я замерла с ведром в руках.

Господи, они решили, что я пытаюсь сбежать, и хотят меня остановить. Просто не верилось. Откуда они знают, что дальше мне нельзя? Я видела, как кое-кто из ребят отходил прямо к краю лужайки, чтобы отлить, но собаки никогда за ними не следовали.

Я стояла, парализованная страхом. Затем я услышала, как Гризз свистнул им и скомандовал, идя ко мне навстречу. Собаки осаждали и радостно завилляли короткими хвостами, словно маленькие щенки. Дойдя до меня, Гризз взял ведро и вылил его.

— Я не собиралась уходить, ты же знаешь.

— Я и не думал так. Зато они подумали.

— Твои псы выдрессированы напасть на меня, если я попытаюсь уйти?

— Не напасть. Просто остановить. Видишь, ты была достаточно умна, чтобы не двигаться. Так и поступай впредь, и все обойдется, — его тон был обиденным.

— Ты хотел, чтобы они меня покусали?

— Нет, я не хотел этого, и они бы не напали. Они бы остановили тебя.

— Напав? — мой голос становился выше, и я ничего не могла с собой поделать. Эта ситуация задела меня. Я думала, что Дэмиен и Люцифер привыкли и хорошо относились ко мне. Они ведь не трогали Гвинни, позволяли ей нападать на них и жевать кончики их хвостов. Иногда она даже пыталась кусать их за уши, пока они спали. Они никогда не обращали внимания.

— Кит, ты слишком эмоционально реагируешь. Они и защитники для тебя. Если кто-либо позволит себе поднять на тебя хотя бы руку, они его убьют.

— Правда? Так и сделают?

— Да. Будь они рядом, когда этот отморозок попытался изнасиловать тебя в родительском доме, они бы оторвали ему яйца.

Я подняла голову, встретившись с ним взглядом. По выражению на его лице было понятно, что он не собирался этого произносить.

— Это случилось больше года назад, — сказала я, мое сердце глухо стучало. — Как ты

об этом узнал? Гризз, как ты узнал об этом парне?

Он пошел обратно в сторону мотеля. Держа пустое ведро и пытаясь не отставать, я продолжила палить по нему вопросами, как такое возможно, что он в курсе того инцидента. Он не ответил. Просто продолжил идти.

Следом за ним я зашла в четвертый номер и, захлопнув за нами дверь, тихо сказала: «Пожалуйста. Пожалуйста, расскажи мне».

Гризз обернулся и посмотрел на меня, словно пытаясь решить, говорить или нет. До этого дня мы так подолгу не разговаривали. Он много не болтал, и я не знала, собирался ли он вообще что-то рассказывать. Одна за другой шли секунды. В итоге он махнул рукой в сторону дивана. Я села, сложив руки на коленях. Гвинни запрыгнула мне на плечо и стала играть с волосами. Едва ли я заметила ее.

Я не могла поверить в то, что услышала дальше.

Якобы случайное похищение меня Монстром вовсе не было таковым, как я узнала. Это был целенаправленный приказ от Гризза. Остальные члены банды по-прежнему считали, что я была акцией «скажи спасибо» Гриззу от Монстра.

Все началось в октябре 1973. Мне было тринадцать. Гризз был по соседству, когда увидел меня, выходящей из школьного автобуса. Я была в восьмом классе, водитель высадил меня почти у дверей моего дома.

Гризз рассказал, что стоял на подъездной дорожке у дома Гвидо, когда я прошла мимо, поднялась на крыльцо и зашла в дом. (Гвидо? Он знает Гвидо?)

Настоящим именем Гвидо было Тони Боно, и он работал на Гризза. Что-то, связанное с наркотиками. Гризз увидел меня и возжелал в тот же момент. Он не знал, что мне всего тринадцать. Когда Гвидо сказал ему, он разработал план. Гвидо должен был присматривать за мной и сообщать о любых странных, необычных вещах. Это был приказ, и Гвидо был рад пойти ему навстречу. Он передал информацию о случае с Джонни Тилманом, плюс множество деталей о моей жизни и семье.

Пока я слушала, кое-что дошло до меня.

— Это был ты, разве не так? — спросила я, озаренная догадкой. — Из-за тебя Мэтью оборвал нашу дружбу.

Гризз сжал челюсти, не глядя на меня: «Он стал слишком интересоваться тобой. Ты была с ним? С тем мальчишкой. У тебя что-то с ним было?».

— Не то чтобы это твое дело, но нет. Мы не зашли дальше поцелуя на моем крыльце.

— Ему же лучше.

— Почему?

— Потому что я предупредил, что если узнаю, что он коснулся тебя, то вернусь и отрежу его яйца.

— Зачем тебе это? — мои щеки горели. — Он бы не смог тебе противостоять. Он сразу же прекратил наши отношения. Так зачем тебе понадобилось, чтобы Монстр забрал меня?

— Я не мог допустить риск, что ты будешь с кем-то еще. Ты выглядишь старше пятнадцати. Я не могу этого допустить.

Много лет спустя Мэтью расскажет мне, как он сожалел, что не поговорил со мной до моего исчезновения. Он был уверен, что знал, кто несет ответственность за это. Он извинялся, что не пошел в полицию рассказать о Гриззе. Сказал, что был лишь ребенком и действительно боялся мести. Я ответила, что ему не стоит винить себя. Я и вправду так считаю.

Он был прав в своих опасениях. Гризз вернулся бы за ним.

У меня кружилась голова. Мне действительно было нехорошо от этого роя мыслей. Похищение не было случайным. Оно было хорошо спланированным и аккуратно исполненным. Затем он объяснил, как моя гитара попала в мотель. Было больно услышать, что Гвидо отдал пять баксов за нее на одной из гаражных распродаж Делии — конкретно эта распродажа была организована вскоре после моего исчезновения.

— Выходит, в первую ночь, когда ты посмотрел на мое разрешение и засмеялся над моим именем, — это был спектакль. Ты уже знал мое имя, — это не был вопрос.

— Это не было спектаклем. Я не знал насчет части с «Лав».

Теперь у меня не возникало сомнений, что это я была изображена на символике банды. Он давно был одержим мною. Думаю, это ужаснуло меня больше, чем тот момент, когда я поняла, что похищена.

Гризз продолжил рассказывать. После того, как увидел меня впервые, он знал, что вернется за мной однажды. И я буду с ним. Он признал, что даже несмотря на надзор Гвидо, он от раза к разу лично приезжал удостовериться, что со мной все хорошо. Гризз бывал в баре «У Смитти», когда я была там. Он незаметно наблюдал за мной почти два года. Но он настаивал, что не был растлителем детей или каким-то извращенцем, что он ждал, когда я стану старше.

Я прервала его: «Но мне все еще пятнадцать».

— Ты достаточно взрослая. И я устал ждать.

Перед глазами поплыло, и я боролась со слезами: «Так каков замысел моего пребывания здесь? Я буду работать, как и другие девушки? Как ты полагаешь, я должна зарабатывать себе на содержание? Что будет со мной, когда я надоем тебе?».

Взгляд Гризза был очень серьезным: «Ты никогда не будешь работать. Свое содержание ты зарабатываешь, оставаясь со мной. И никаких мужчин, я имею ввиду, ни один мужчина тебя не коснется. Кроме меня».

Вот и выяснилось: он собирался изнасиловать меня. Почему он до сих пор не сделал этого?

Прежде чем я спросила, он добавил: «Последний мужчина, что пытался коснуться тебя, заплатил за это. Так будет с любым другим, кто приблизится к тебе».

— Последний мужчина? — переспросила я. — Не Мэтью, правильно? Скажи, что ты ему не навредил.

— Мальчик? Нет, я не трогал его. Тот парень, что пытался изнасиловать тебя.

— Джонни Тилман?

— Да, Джонни Тилман.

— Он знал моего отчима. Мы вызвали полицию, и родители собирались выдвинуть обвинения, но он улизнул из города так быстро, что полицейские не успели его арестовать. Его грузовик обнаружили напротив супермаркета. Все решили, что он на попутках уехал из города.

Я опустила часть насчет того, что подозревала — единственной причиной, по которой Винс и Делия вызвали копов, было их беспокойство за заначку Делии, хранившуюся в кастрюле. Тилман мог добраться до нее. Разумеется, этого они не сказали полиции. Они просто хотели, чтобы его арестовали, и им бы не пришлось больше нервничать из-за его вероятного повторного появления. Думаю, был кусочек искреннего беспокойства в их версии насчет того, что он попытается добраться до меня, но главной их заботой была

зачка в кастрюле.

Гризз посмотрел на меня, и я кое-что уловила в его выражении. Я узнала этот взгляд.

— Он не покинул город, так? Ты избил его и дал уехать? Это с ним произошло? — шок переполнял меня.

— Нет, я не дал ему уехать, но я избил его, а когда закончил, он молил меня избавить его мучений.

— Ладно, тогда, где он?

— Не знаю, где он прямо сейчас, но могу сказать, где был.

Я закатила глаза.

— Хорошо, так где он был?

— Примерно в метре от того места, где ты выливали грязную воду.

Я жила в мотеле уже около месяца, когда Грант рассказал мне о том, что случилось в ночь появления Джонни Тилмана. После услышанного даже мне было жаль его.

Это было ужасно от начала и до конца. Джонни Тилман по сути лишился каждой выдающейся части тела. Его уши, губы, нос, даже его яички. Гризз медленно нарезал его на кусочки, пока, как он сказал мне раньше, тот не начал молить о смерти. Грант не был уверен, был ли Джонни мертв или отключился от боли. Гризз приказал сбросить его в болото, аллигаторы закончили работу. Таким был конец Джонни Тилмана.

Когда Грант окончил рассказывать, я была в шоке и оцепенении. Я не могла поверить в это. Что это за человек такой, который может в один день погромсать взрослого мужчину на куски, а в другой — спасти котенка?

Я сидела на кровати Гранта, разговаривая с ним. Он пригласил меня послушать имеющиеся у него альбомы. Я была удивлена, что Гризз разрешил. Он казался таким ревнивым, когда речь шла о Мэтью и когда он рассказывал о Джонни Тилмане. Даже не знаю, может, я что-то не так поняла. Или, возможно, он просто доверял Гранту. Как бы то ни было, я сидела на постели Гранта, скрестив ноги и попивая содовую, которую он предложил мне. The Moody Blues фоном исполняли нам серенату «Nights in white satin». Я впервые оказалась в его комнате и была удивлена. Она не была такой же роскошной, как у Гризза. Скорее выглядела, как обычный номер в мотеле, но была при том аккуратной и прибранной.

Самым удивительным, однако, были книги. Там, где в обычном номере стояли бы две односпальных кровати, у Гранта была одна кровать, а к стене, отделявшей комнату от ванной, была прибита огромная книжная полка, так плотно заставленная книгами, что стену за ними не было видно. Книги заняли каждый свободный сантиметр на полке. К тому же они не были втиснуты, как попало. Когда Грант заметил, что я глаз не свожу с полки, он объяснил, что все книги рассортированы по жанрам, а потом в каждом жанре — по алфавиту по именам авторов. Я повернулась к нему, удивленная. Кем был этот молодой байкер? Он сказал, что я могу взять любую из книг, что захочу.

Я заметила шахматную доску в углу на телевизионной тумбе.

— Играешь? — спросила я.

— Да, а ты?

— Нет, но хотелось бы научиться. С кем ты играешь?

— С Гриззом. Иногда с Фессом. Но между визитами Фесса проходит слишком много времени, чтобы мы могли играть регулярно. Сейчас у меня на доске партия с Гриззом. Хочешь, чтобы я научил тебя?

— Безусловно.

«Почему бы и нет?» — подумала я про себя. Это поможет скоротать дни до того момента, пока я не смогу убраться отсюда. Со временем Грант научил меня играть в шахматы. Я преуспела настолько, что время от времени у меня получалось побить Гризза. Гризз был хорошим игроком, и шахматы были, вероятно, единственной его страстью помимо меня и банды. Однако у меня ни разу не получилось выиграть у Гранта.

Тем вечером Грант рассказал мне о себе, включая часть о его появлении в банде. Он рассказал обо всем, что я хотела знать, кроме одной вещи. Его настоящего имени. Таков был их кодекс: никаких настоящих имен.

Грант был младшим из троих детей. Он родился в Майами в 1959 году. Всего на год старше меня. Он родился в семье, которую сейчас бы назвали неблагополучной. Отец умер после его рождения. Утонул по неосторожности. До этого случая его мать была домохозяйкой и, со слов Гранта, совершенно бестолковой при том. Ее бесило, что она осталась одна с тремя детьми. С двумя, на самом деле. Блу практически не появлялся дома.

Она работала официанткой в местной закусочной, известной своим хот-догами, приготовленными на пивном пару. Сдав смену, она зависала в ресторанчике на всю ночь вместе со своими разведенными подружками, тратя заработанные чаевые на пиво.

Воспитание Гранта она скинула на плечи его старшего брата и сестры. Вскоре после этого Блу стал попадаться законникам, в основном на кражах. Его сестра Карен была немногим лучше. Он помнил, как она запирала его в комнате, приводя своих бойфрендов домой. Она должна была присматривать за ним, но можно было назвать удачным днем тот, когда ему доставался сэндвич с ореховой пастой или джемом.

Если бы не школьные ланчи, он бы изголодал до смерти. Его беспризорность не прошла незамеченной соседями, и за все годы служба опеки звонила им несколько раз. Иногда они забирали его и помещали в какую-нибудь приемную семью.

У него не было ужасных воспоминаний от приемных семей. Проблемой стало то, что его то выдергивали, то возвращали обратно в эту систему опеки, и новая семья означала новую школу в другом районе. В жизни Гранта не было возможности где-то осесть.

Карен вышла замуж за своего двадцатидвухлетнего бойфренда едва ли не в тот же день, когда ей исполнилось восемнадцать, и незамедлительно подала заявление о полной опеке над Грантом. Жаль, но она сделала это не из доброты или любви к ее младшему брату. Ему было всего девять. Ее волновала возможность получать деньги за него. Но она не знала, что, как приемную мать, ее не оформят. Поэтому штат не собирался доплачивать ей детские алименты.

Разобравшись с этим, она попыталась спихнуть его обратно на мать. Но к этому моменту их мать сбежала из города со склонным к насилию и алкоголю водителем грузовика, которого она встретила на работе. Больше они не слышали ни слова о ней.

Грант не знал тогда, что Блу по-прежнему был в его жизни. Ему было неизвестно, что Блу периодически появлялся и давал Карен и ее мужу деньги на содержание Гранта. Он всегда заезжал ночью, когда Грант спал. Блу полагал, что Карен и ее муж Нэйт воспитывали их маленького брата, и не хотел вмешиваться.

Одной ночью, случайно, когда Блу появился с наличными для сестры, десятилетний Грант проснулся и вышел на кухню за стаканом воды.

Грант сказал мне, что запомнил выражение на лице своего старшего брата той ночью. Блу увидел десятилетнего мальчика, выглядевшего, словно ему семь. Грант был одет в одни пижамные штаны, и он был таким тощим, что приходилось затягивать их поясом, чтобы они не сползли с его худого тела. Но не это заметил Блу в первую очередь. Тело Гранта было в кровоподтеках и ожогах от сигарет. Было совершенно очевидно, что над этим ребенком регулярно издевались.

В дом зашел Нэйт, вернувшийся после работы. Пришел бы десятью минутами позже — и это могло спасти ему жизнь. Тогда Грант стал свидетелем первого своего убийства. Вернее, двух убийств. Не сказав ни слова, Блу вытащил оружие и всадил между глаз пулю своей сестре. Нэйт повернулся, чтобы выбежать из дверей, но Блу был быстрее. Он выпустил еще одну в затылок Нэйта, не успев тот сделать и двух шагов.

Блу посмотрел на брата и сказал, чтобы тот не боялся. С этого момента он собирался сам заботиться о нем. Грант ответил, что он не испугался. Блу улыбнулся и снял куртку. Укутав в нее ослабшее тельце своего младшего брата, он взял его и вышел через двери.

С той ночи Грант жил с бандой в мотеле «Глэйдс».

Сидя там, в мотеле, на постели Гранта, я не могла поверить в то, чем он поделился со мной. Меня осенило, что теперь, когда я слышала о таких страшных историях, я точно не покину это место. Я тотчас спрятала эту мысль подальше.

— Так ты получил свое имя — Грант — потому что был самым младшим, и тебе приходилось делать всю паршивую работу, работу низшего по рангу?*

- Grunt/Грант здесь означает «сошка, рядовой».

Грант засмеялся.

— Нет. Мое имя — это укороченная версия изначального прозвища, когда я только попал сюда. Я был слишком маленьким для своего возраста, и кто-то из банды стал называть меня низкоросликом. Самым мелким среди всех. Со временем они начали замечать, насколько я сообразителен. Кто-то бросил, что я самый взрослый недоросль, которого они встречали. Думаю, я не был средним, в плане ума, десятилеткой. «Взрослый низкорослик» в итоге превратился в «Гранта».*

- Непереводимая игра слов. Т. е. при своей слабой конституции и возрасте всего десяти лет Грант отличался сильным умом. Если дословно, то Взрослый низкорослик = Grow-up runt, и это сократилось до Grunt — Грант. Runt у американцев также может использоваться в значении самой мелкой особи в помете.

Я посмеялась над расшифровкой. Он был умен. Интересно. Мне хотелось понять, была ли в нем та жилка жестокости, какую я видела у остальных, у Гризза в особенности.

— Итак, ты Грант. Мне нравится. Особенно теперь, когда я знаю, что означает, — поддразнила я его.

— Полагаю, это легче выговорить, чем «Взрослый низкорослик», это звучит, как своего рода оксюморон.

— Окси-что?

— Оксюморон. Вот, взгляни, — сказал он, передавая мне словарь.

Тогда, невинно вчитываясь в словарь, пытаюсь отыскать слово, в существовании которого не была уверена, я еще не знала, что была приглашена в спальню Гранта не за тем, чтобы слушать музыку. Я была приглашена в комнату Гранта, чтобы потерять девственность.

Гризз был готов к любовной связи со мной. Проблемой стало то, что он не хотел делать это с силой. Он не хотел стать тем, кто причинит мне боль первого раза. Мне было назначено стать его женщиной, и он не хотел быть напоминанием, что это он забрал мою девственность, каждый раз, когда будет заниматься со мной сексом. Он распорядился, чтобы Грант сделал это.

Меня не только разозлило то, как он приказал сделать это Гранту, скажу больше — это поставило меня в тупик. Я не сразу увидела разумное основание за этим странным указанием Гризза. Спустя какое-то время мне станет понятней.

Этим же днем, раньше, он вызвал Гранта в четвертый номер. Не знаю, где я была тогда. Возможно, гуляла с Гвинни. Он сказал Гранту привести меня в свою комнату, подсыпать мне какое-то снотворное, чтобы я отключилась, и лишить меня девственности. Но не пользуясь своим телом. Он передал Гранту нечто фаллообразное, сказал, чтобы он смазал это кремом или чем-то подобным и сделал все аккуратно. Он хотел, чтобы я спала. Он не хотел, чтобы у меня остались воспоминания.

Оглядываясь назад, я понимаю, почему Гризз не поручил это кому-нибудь из девочек. Он не хотел информировать их, что еще не спал со мной. А что касается той фразы, что ни один мужчина не коснется меня, — он не рассматривал Гранта, как мужчину. Грант был здесь с его десяти лет. Гризз просто не обратил внимания, что мальчик вырос в здорового, мужественного парня шестнадцати лет. Он не видел угрозы в Гранте. Почему Гризз не сделал это сам? Все просто. Он не мог перенести необходимость причинить мне боль.

Итак, я оказалась здесь, чтобы быть опоенной и изнасилованной кем-то, кого я считала своим новым другом.

Меня брала сонливость. Чуть раньше Грант предложил мне содовую, и я пила ее, пока мы болтали и слушали его записи. Я не сообразила, откуда взялась эта сонливость, встала и сказала ему, что мне нужно вернуться в четвертый номер. Я стала совсем вялой.

Он поднялся и мягко схватил меня за руку: «Не уходи пока, Кит. Останься здесь со мной».

— Зачем? Не думаю, что Гриззу понравится, если я вздремну в твоей комнате, Грант.

Он выглядел неловко, и я тут же почувствовала неладное, но я бы никогда не подумала, насколько все было прискорбно.

— Пожалуйста, просто сядь. Вернее, ляг. Ты вполне можешь поспать здесь. Все будет нормально. Я обещаю.

Мой рассудок бил тревогу, адреналин прорывался, временно приглушая дурман.

— В чем дело? Скажи мне, что происходит, Грант. Ты должен сказать мне. Ох! — мое сознание словно переключилось на четвертую передачу, я запаниковала. — Ты собираешься убить меня, пока я сплю, да? Он решил, что не хочет меня и не может позволить мне уйти? Я умру сегодня ночью, так?

— Кит, я не собираюсь убивать тебя. Гризз не хочет, чтобы ты погибла. Я хочу, чтобы ты уснула, так у тебя не останется ужасных воспоминаний. Пожалуйста, не спрашивай меня больше ни о чем, просто спи. Верь мне. Ты не умрешь, — Грант сжал ладони в кулаки. — Блять! Хотел бы я, чтоб он сам сделал это.

— Сделал что? — я моргнула, заставляя себя оставаться в ясном уме. — И нет, я не буду

ложиться. Не лягу, пока не скажешь, в чем дело. У меня получится не заснуть. Ты что-то подсыпал в напиток, да? Что ж, я его не допила и не собираюсь. Тебе придется объясниться.

Он вздохнул и подошел к шкафу. Выдвинув нижний ящик, он достал то, что выглядело, как какая-то палка. Он сказал, что это был старого образца полицейский жезл. Он был небольшим и коротким, на одном его конце была петля, такая, что можно было надеть его на запястье.

— Ты собираешься избить меня этим? — если он собирается убить меня, то потребуются очень много ударов. Мне стало дурно.

— Нет, Кит. Гризз хочет, чтобы с помощью этого ты потеряла девственность сегодня ночью. Он не хочет делать этого. Он приказал мне. С помощью этого, — он опустил взгляд на то, что держал в руках. Его лицо горело.

— И ты должен делать все, что он тебе скажет? — мой голос стал выше.

— А как ты думаешь? Если бы ты просто уснула, то проснулась, чувствуя лишь небольшую слабость. Я бы сделал все лучшим образом, чтобы тебе не было больно.

Я села на край кровати и посмотрела в пол. Он просто стоял там, напротив шкафа, все еще держа в руках эту отвратительную вещь. Я не смогу долго оставаться в сознании. Я должна принять решение.

— Сделай это, — сказала я ему. — Сам, не этим. Пожалуйста, Грант. Я не могу потерять девственность таким мерзким способом. Ты сам сделай это.

— Он убьет нас обоих, если узнает.

— Он никогда не услышит этого от меня. Я клянусь. Пожалуйста, я не могу смириться, что ты будешь это в меня вводить. Это ужасно. Пожалуйста. Мы никогда больше не будем говорить об этой ночи. Пожалуйста, Грант.

Он ничего не сказал, и я добавила: «Я на таблетках, так что я не забеременею. Ему не нужно будет ни о чем знать».

Что ж, такого я точно никогда не ожидала. Здесь и сейчас я умоляла быть изнасилованной. Я по-прежнему не могу справиться с иронией насчет того, как такое могло случиться, но оно случилось.

Затем он подошел ко мне, и я встала. Он сделал нечто, чего я не ожидала. Он обнял меня. Примерно на минуту Грант притянул меня к себе. Я едва стояла, и он, в конце концов, отпустил меня.

Я стала снимать джинсы, и он стал снимать свои. Я легла на спину, на кровать, пытаюсь стянуть свои трусики. Адреналин сходил на нет, и меня снова клонило в сон. Грант помог мне снять джинсы и белье. Я знала, что он снял и свое тоже, но не смотрела. Он потянулся за каким-то кремом для рук, стоявшим у него на прикроватной тумбочке, и смазал себя. И снова — я не смотрела, но поняла это по его движениям.

Теперь он был надо мной, деликатно раздвигая мои ноги коленом. Я просто смотрела на него.

Мы посмотрели друг другу в глаза, и я сказала: «Ты можешь назвать меня по имени, хотя бы один раз? Можешь назвать меня Джинни?».

— Я постараюсь не сделать тебе больно, — и затем после паузы он прошептал, — Джинни.

— Пожалуйста. Пожалуйста, скажи мне свое имя. Я никому не скажу. Клянусь, — попросила я.

— Я не могу. Ты знаешь это. Тебе вообще не следовало говорить мне, как тебя зовут.

Я стала отключаться, успев почувствовать, как он медленно входит в меня. Я закрыла глаза и открыла их, когда он вошел полностью, отметив неприятное ощущение, жгущее, но не то чтобы настоящую боль.

Меня снова куда-то уносило. Я быстро открыла глаза, пытаюсь оставаться в сознании. Безрезультатно. Они снова медленно закрывались. И когда мои веки опускались в последний раз, и я теряла сознание, уверена, что я увидела слезы в его глазах.

И я услышала, как он сказал: «Томми. Меня зовут Томми».

Глава 11

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я очнулась, но когда я пришла в себя, Гризз и Грант стояли там, в полуметре от кровати, разговаривая.

— Ты что блять имеешь в виду? Она была в сознании? Она знать ничего не должна была. Черт тебя побери, Грант!

— Она недостаточно выпила и хотела вернуться обратно в свою комнату, чтобы лечь спать.

— Так она не отключилась и почувствовала это? Ты сделал ей больно?

— Блять, я не знаю, Гризз. Она отключалась. Я не знаю, что она запомнила, если вообще хоть что-то.

Я пошевелилась и поняла, что прикрыта. Грант надел мое белье обратно на меня. Они, должно быть, почувствовали, что я проснулась, потому что оба прекратили разговор и посмотрели на меня одновременно.

— Ненавижу вас обоих, — все, что я сказала.

Я заставила себя приподняться с кровати, и пока я дотягивалась до джинсов, я заметила, что Грант отводит взгляд от меня. У Гризза, однако, с этим проблем не было. С выражением на лице, которое я не смогла интерпретировать, он сказал: «С тобой все будет в порядке», — и покинул комнату.

Натягивая джинсы, я даже не взглянула на Гранта. Я проскользнула ступнями в сандалии, сказала «спасибо за содовую» с таким сарказмом, на который только была способна, и вышла из комнаты. Было темно. Как все-таки долго я пробыла в комнате Гранта? Уже неважно. Уверена, это теперь единственная комната, которую я никогда больше не увижу.

Я подошла к четвертому номеру и поняла, что замерла перед ним, уже готовая открыть дверь. Что если Гризз захочет меня сейчас? Мне не было больно, но тело ныло. Я закрыла глаза, сделала вдох и открыла дверь.

Он разговаривал по телефону, когда я вошла. Гвинни свернулась в уголке на диване. Я проверила ее лоток и, поскольку он не нуждался в чистке, подошла к дивану и подхватила котенка.

Кое-что дошло до меня. А вдруг я пахну Грантом? Он пользуется каким-то одеколоном. Несколько раз я даже думала, что приятно он пахнет, когда была рядом. Мне нужно было принять душ, но последнее, что хотелось делать — так это снимать с себя одежду неподалеку от Гризза. Придется сделать это быстро.

Я метнулась к ванной, быстро захлопывая за собой дверь. Оказавшись внутри, я разделась так быстро, как смогла, и включила душ. Когда вода стала достаточно теплой, я встала под нее и стала мыться. Открылась дверь, и душевая занавеска была отодвинута в сторону. Я попыталась прикрыться руками. Это был Гризз, и он смотрел на меня.

Насколько я знала, это был первый раз, когда он видел меня обнаженной. То, что я увидела в его глазах, напугало меня до смерти. Это была не та жестокость, которую я запомнила на лице Джонни Тилмана. Это был взгляд мужчины, воледевшего женщиной. Гризз не собирался причинять мне боль, как Джонни, но было очевидно, что он меня хотел. Я просто смотрела в ответ на него.

— Тебе больно?

— Да, очень. Болит.

— Ты запомнила? Ты была в сознании?

— Немного. Я стала отключаться, когда это случилось.

Кажется, это удовлетворило его, потому что он, не сказав больше ничего, покинул ванную. Я закончила мыться и вытерлась полотенцем. Обернувшись полотенцем, я вошла в комнату и взяла кое-что из одежды в шкафу. Я собралась зайти обратно в ванную комнату, чтобы одеться, когда он сказал: «С этого момента переодевайся в моем присутствии. Больше нет необходимости скрывать что-то».

Он позволил мне одеться. А что, если это будет происходить прямо перед ним? Сомневаюсь, что он даст мне одеться, если он намеревается заняться со мной сексом.

Я проскользнула в трусики, не снимая полотенца. Затем я попыталась надеть ночную рубашку через голову, одновременно придерживая полотенце. Было непросто. Меня потряхивало. Не знаю, в нервах ли дело или это последствия снотворного. Возможно и одно, и другое. Неохотно, я скинула полотенце и максимально быстро надела ночнушку. Затем я вернулась в ванную, чтобы почистить зубы и расчесать влажные волосы.

Вернувшись, я заметила небольшой рюкзак на кровати. Что это было? Я слышала, что он разговаривал в другой комнате. Кажется, я услышала голос Блу. Потом Гризз вернулся обратно в комнату и взял рюкзак.

— У тебя есть три дня, чтобы прийти в себя. Я вернусь в среду. Блу за старшего. Я предупредил его, что Грант может прокатить тебя по местности. Всё те же правила. Если замыслишь сбежать от него, просто знай, я найду тебя, Кит. Даже не сомневайся.

Я не могла поверить в это. У меня была отсрочка от секса с ним, и мне можно было покинуть мотель? Лучшее, что случилось с того момента, как он позволил мне оставить Гвинни.

— Куда ты собираешься?

— Дела, — ответил он, выходя из спальни.

Он остановился и обернулся. Затем подошел ко мне и приподнял мой подбородок, глядя в глаза. Он ничего не сказал, и я не была уверена, собирался ли он вообще что-то произнести или поцеловать меня.

— То, что я заставил Гранта сделать, было к лучшему. Ты никогда и никому не скажешь, что он сделал. Слышишь меня? И не забывай, Кит, ты моя. Только моя. И я получу тебя, когда вернусь обратно.

Оставив легкий поцелуй на моем лбу, он повернулся и вышел из спальни. Дойдя до входной двери, он крикнул мне: «Не забывай кормить моих собак», — и затем исчез.

Следующей ночью я спала, как ребенок. Четвертый номер был в моем распоряжении, но Гризз всегда оставался поблизости. Теперь же у меня было целых три дня в одиночестве. Утром я встала и поигралась в домохозяйку. Я не позволю себе думать о прошлой ночи. Прибираясь, я притворялась, что была в своем собственном жилище. В любом случае я уже занималась большей частью домашних дел, и, думаю, Чики и Мо это ценили, но только не Уиллоу. Забота о Гриззе была единственной вещью, которую ей нравилось брать на себя. Полагаю, после потери зуба она чувствовала себя уже не так уверенно. Она регулярно появлялась у ямы, но ее визиты в четвертый номер в итоге прекратились. Я заняла себя протиранием пыли, подметанием, чисткой ванны. В одном из номеров была стиральная машина и сушилка. Стиркой я тоже занялась. Я даже вымыла изнутри холодильник.

Часа через полтора мне стало скучно. Чем заняться? Гризз сказал, что я могу поехать куда-нибудь с Грантом, но я не была уверена, что смогу посмотреть ему в лицо. Я запуталась в своих противоречащих друг другу чувствах.

Но чем дольше я размышляла об этом, тем больше злилась. До меня дошло, что это, вероятно, единственная причина, по которой Гризз сказал, что я могу покататься с Грантом, — он думал, что я не стану этого делать. Ведь проснувшись, я сказала, что ненавижу их обоих. Должно быть, в этом все дело. Гризз был уверен, что моя неприязнь не даст мне воспользоваться предложенной возможностью. Что ж, я ему еще покажу.

Вся эта история с Грантом меня не радовала. Посмотрим в лицо фактам. Я должна была благодарить его за то, что он меня «изнасиловал по-доброму»? Абсурд. Но скука и неусидчивость выиграли у гордости и злости, и я оказалась у его дверей в десять утра, стуча.

Он открыл мне, одетый в одни джинсы. Я потеряла дар речи. Не знаю, чего я ожидала, но точно не Гранта в джинсах. Я никогда прежде не видела его без футболки, и, думаю, я рассчитывала увидеть торс тощего ребенка. Он не был крупным, но и тощим его никак не назовешь. Он был в тонусе, его живот был подтянутым, демонстрировавшим пресс. Его руки не были такими огромными, как у Гризза, но они, определенно, были мускулистыми.

Я не придавала прежде большого значения тому, как выглядит Грант, но разглядывая его сейчас, я поняла — этот парень прекрасно смотрится. В нем было примерно 175 сантиметров роста. Я бы сказала, что весил он около 77 килограмм. Его волосы были темными, в карих глазах были зеленые вкрапления. Как и у меня, у него был высокий лоб, и я по этой причине всегда носила челки, но ему шло. Впервые я заметила два маленьких серебряных колечка в его левой мочке. Уверена, что раньше он их никогда не надевал. У Гризза тоже был сережка. Я видела ребят на Вудстоке, которые носили серьги, но тогда, в семидесятые, это не было распространено повсеместно. Особенно, чтобы сразу у двоих парней.

Но что больше всего привлекло мое внимание, так это татуировка. Руки и шея Гранта были покрыты чернильными рисунками, как и у всех здесь, — даже у женщин. У Гранта была одна татуировка. Огромная птица с головой, расположившейся на правой его руке, не доходя до локтя. Ее крылья распростерлись веером поперек его груди и по руке. Они были большими, вся композиция масштабно покрывала его грудь. Прямо под крылом был выраженный шрам. Мне стало интересно, родом ли он из его страшного детства.

Он ничего не сказал мне, просто развернулся и вошел обратно в комнату. Последовав за

ним, я не могла не заметить продолжение татуировки на его спине. Птица словно охватывала его крыльями вокруг. Красиво.

— Вот это да. Твоя татуировка хороша, — попыталась начать я разговор. Он не ответил, но подошел к стерео и выключил его. Я и не заметила, что оно вообще играло. Так сильно меня отвлекло его тело и татуировки.

Потом он взглянул на меня: «Ты в порядке?».

— Да, думаю, все со мной нормально, — прежде чем он добавил что-нибудь, я продолжила. — Гризз сказал, ты можешь съездить со мной куда-нибудь. Куда-нибудь за пределы мотеля. Ты в курсе?

— Блу сказал мне.

— Так ты согласен? Отвезешь меня куда-нибудь? Куда угодно.

— Не знаю. Все это может плохо закончиться. Не лучшая, пожалуй, идея.

— Слушай, я думала, мы друзья. Думала, у нас есть что-то, какая-то связь.

Он приподнял бровь на это заявление.

— Думал, ты меня ненавидишь.

— Я тоже так думала, когда очнулась. Посмотри на это с моей точки зрения, Грант. Я просыпаюсь, вы с Гриззом стоите там. Я понимаю, что ты одел меня и накрыл. Это было унижительно. Но можем мы просто забыть об этом и двигаться дальше? Я умираю, как хочется заняться чем-нибудь. Хоть чем-то. Пожалуйста.

Он улыбнулся и сказал, чтобы я дала ему десять минут принять душ и переодеться. Он сказал, что я могу пока посмотреть его альбомы и взять себе какие-нибудь, если захочу.

У Гранта была прорва музыкальных альбомов, и я остановилась на подборке Флитвуд Мэк*. Я сидела на краю кровати и рассматривала комнату. Когда я была здесь в первый раз, меня заворожила книжная полка, и больше я ничему особенно не уделила внимания. Сейчас мой взгляд остановился на стопке почты на тумбочке. Почта? Он получает здесь почту?

● Флитвуд Мэк / Fleetwood Mac — британо-американская группа, исполнявшая музыку в различных жанрах от блюза до поп-рока.

Я слышала, что вода в душе еще льется, и подошла к письмам. Все они были адресованы Майклу Фриману. Майкл Фриман? Это его имя? Я могла бы поклясться, что слышала совсем другое имя, когда теряла сознание. Я отметила, что все они были из разных образовательных учреждений, но адресованы на один почтовый ящик в Дэйви. Дэйви в те времена еще не отстроился. Он скорее был сельским городком для людей, которые любили лошадей. Самый провинциальный городок в Южной Флориде, и находился он восточней того места, где я сейчас жила. Итак, в Дэйви было почтовое отделение, и там он получал письма. В голове смешалось столько информации. Интересно.

Я не сообразила, что душ уже выключился. Я даже не услышала, как он открывает дверь ванной и выходит. Обнаружив, что он смотрит на меня, я подскочила и положила почту обратно.

— Твое настоящее имя — Майкл Фриман? Ты ведь сказал, что...

— Нет, не Майкл Фриман, — прервал он меня быстро. — Это вымышленное имя, Кит. Мне оно нужно, чтобы я вообще мог существовать. Я не могу использовать свое настоящее имя, ну, знаешь, просто потому, что мы их вообще не используем, но еще и потому, что я числюсь, как ребенок, пропавший шесть лет назад. Возможно, похищенный или убитый

человеком, покончившим с моей семьей.

— Зачем тебе нужна вымышленная личность?

— Ну, смог бы я смог поступить в колледж с именем Грант?

— Колледж? Ты подавал заявление на поступление в колледж? Как ты собираешься это воплотить?

— После того, как я стал Майклом Фриманом, я закончил школу заочно — корреспондентский курс.

— Как ты уже мог закончить школу? Ты что, в десятом или одиннадцатом классе?

— Я должен был быть в одиннадцатом классе, но нет. Я на первом курсе в Университете Коул.

— Да ты шутишь? Ты в колледже? Уже поступил?

— Да, я буду учиться там, и да — я там не по возрасту, но я всегда был очень умен и хочу, чтобы из меня что-то вышло.

— Как ты можешь быть настолько умен? Ты рассказывал, какое у тебя было детство. Как получилось, что при такой жизни, как у тебя, ты так не по годам развит?

И снова он приподнял бровь. Он подошел к письмам и вытащил одно. Открыв его, он передал мне один из листков. Уверена, моя челюсть отвисла, когда я прочла напечатанное. Это были результаты из испытательного центра, в которых Майкла Фримана поздравляли с количеством баллов, набранных на IQ-тесте.

Судя по всему, мой новый приятель Грант был самым, что ни на есть, гением от природы.

Прежде чем мы покинули комнату Гранта, он расспросил меня, во что я была одета в день похищения. После того, как я описала свой внешний вид, он был удовлетворен: сейчас я ничего из той одежды не носила. На мне не было даже бархатки со знаком мира. Он прихватил бейсболку, лежавшую у него на шкафу, сказал мне убрать челку под кепку и собрать волосы в хвост. Затем он выбрал мне солнечные очки и сказал: «Носи мои, пока мы не достанем тебе собственные».

Уходя, я увидел его жилет, висящий на спинке стула.

— Ты не собираешься надеть свой жилет?

— Нет необходимости привлекать ненужное внимание к банде, — он взял кошелек и связку ключей, и затем мы вышли.

Я шла за ним вокруг мотеля к той его части, где был расположен офис. На самом деле, я не успела здесь раньше обследовать здание. Когда мы обошли мотель, там стояли две машины. Отличные машины. Одна — черный Корвет, который, как я знала, принадлежал Гриззу. Наверное, он взял один из своих байков в поездку.

Мы подошли ко второй. Это была светло-синяя Камаро. Не уверена насчет года выпуска, но модель была не новой. Достаточно старой, чтобы выглядеть стильно.

— Мы не поедem на твоem байке?

Кажется, я была разочарована. По какой-то причине мысль о том, чтобы сидеть на заднем сидении байка Гранта, была привлекательной. Откуда это вообще взялось в моей голове?

— Шлема для тебя пока нет. Не думаю, что ты захочешь заимствовать чужой, — засмеялся он. — Вообще-то этим мы и займемcя. Давай достанем тебе шлем.

— У меня нет денег.

— Они тебе и не нужны.

Он открыл пассажирскую дверь, позволяя мне сесть. Забравшись в машину сам, он завел ее и включил кондиционер. Затем он поставил в проигрыватель кассету, длительностью в восемь песен. Выезжая на трассу-84, мы слушали Саймона и Гарфанкеля. Саймон и Гарфанкель? Я посмеялась про себя. Я начинала подозревать в Гранте ботаника.

● Саймон и Гарфанкель / Simon and Garfunkel — дуэт, исполнявший музыку в смешанном стиле — партии в стиле церковного хора, электрогитары, лирико-философские тексты. Психоделический фолк, этника.

Продвигаясь на восток по 84му, мы не разговаривали. Он дал левой на шоссе-441, и мы поехали на север. Я была так близка к дому, что почти чувствовала его запах. Странно было проезжать мимо знакомых мест. Несколько миль спустя мы проехали отрезок дороги, где я жила, и чувство тревоги ослабло.

— Куда мы направляемcя? — я откинулась на сиденье, пытаюсь расслабиться.

— Небольшой магазин рядом с Ривервью. У них есть шлемы.

Я смотрела на сменяющиеся пейзажи, чувствуя себя с каждой минутой спокойней.

— Любопытства ради, где банда проводит свои встречи?

Он глянул на меня.

— Встречи? Ты имеешь в виду, когда они собираются у ямы?

— Нет. Ну, знаешь, сатанинские ритуалы и все такое. Банда названа именем дьявола. Даже у собак Гризза имена нехорошие. Я думала, может, вы используете какой-нибудь из старых заброшенных номеров в мотеле. Знаешь, для поклонений.

Он закинул голову и рассмеялся.

— Кит, мы не поклоняемся дьяволу.

— На твоём жилете так написано, — думаю, я покраснела.

— Да, чтобы людей до чертиков пугать. Это не религия.

— Вы не дьяволопоклонники? — я уже какое-то время переживала на этот счет и в тайне интересовалась, вдруг Гризз позволил оставить черного котенка по какой-нибудь более мрачной причине.

— Нет, черт возьми! — теперь он засмеялся еще громче.

— Но в ад вы верите. Я имею в виду, что на вашем символе все в таком духе.

— Нет, Кит, — он покачал головой, все еще улыбаясь. — Я не верю ни в дьявола, ни в ад. Ни во что, на самом деле, не верю.

— А как же Бог? — повернулась я к нему. — В Бога ты веришь?

— Нет, обо всех этих вещах, связанных с религией, я много не знаю.

— За все твоё обучение ты не взял ни одного религиозного курса? — мои глаза расширились. — Ну, вроде мировой религии, религиозной философии, хоть что-то?

— Ничего из этого, — он замолк, а потом продолжил. — То, что ты делаешь перед едой, это к религии относится?

— Ты говоришь о благословении? — будучи католичкой, я всегда перед едой вместе с молитвой обозначала знак креста.

— Я не знаю, как это называется.

Теперь была моя очередь улыбаться.

— Ты сказал, что научишь меня шахматам. Позволишь мне научить тебя кое-чему?

Он помедлил.

— Да, конечно. Почему бы и нет?

Так начались религиозные уроки Гранта о христианстве.

Я позволила себе насладиться остатком времени в поездке, пока мы болтали. Я даже смогла убедить его выключить кондиционер и опустить окна. Меня наполняло странное чувство радости. Мы добрались до магазина, и я быстро выбрала себе шлем. Парень, работавший в магазине, знал Гранта. Он никаким образом не подал знака, что ожидает оплаты от нас. Мы вышли из магазина меньше чем через пятнадцать минут.

Я не очень хорошо знала эту местность. Чтобы добраться, мы свернули с шоссе, и сейчас находились на каких-то мрачных улочках. Район выглядел странной смесью старых зданий и деловых предприятий, словно кто-то основательно запутался в попытках зонировать это место. Рядом с магазином я увидела парня, строящего деревянную изгородь. Интересно, была ли это его изгородь или он был нанят. Он бросил на меня грязный взгляд, когда мы заходили в магазин.

Сейчас, когда мы выходили, он крикнул: «Эй, сладенькая. Если хочешь провести немного времени с настоящим мужчиной, почему бы тебе не подойти поближе? Скажи своему младшему братишке, что он может вернуться и забрать тебя через час. Десяти минут тебе хватит?». Затем он мерзко рассмеялся, смех перешел в хрипы и покашливания. Отвратительный тип.

Я посмотрела на Гранта, проигнорировавшего его. Что ж, это хорошо. Если бы я была с Гриззом, то вероятно, стала бы свидетелем убийства. Хотя, если честно, будь я с Гриззом, мистер «Строю Заборы» не сказал бы ни слова. Все же хорошо, что я была с самым младшим из банды. Я не хотела неприятностей.

Когда мы сели в машину, Грант сказал, что в этот раз хочет, чтобы работал кондиционер. Мы закрыли окна, и он завел машину, включая попутно кондиционер. Он вытащил запись с Саймоном и Гарфанкелем и поставил Пинк Флойд. Затем повернулся ко мне.

— Оставайся здесь. Не выходи из машины. Поняла?

Прежде чем я ответила, он прибавил громкости, вышел из машины и направился к мистеру «Строю заборы». О нет. О Боже правый. Грант собирается сделать что-то жесткое, надрать ему задницу. Я огляделась, пытаюсь придумать, что буду делать, если случится что-то очень плохое.

Они скрылись за участком уже построенного забора, я не видела происходящего. И музыка играла так громко, я ничего не могла расслышать. Через несколько нервных минут я решила, что возможно, мне стоит приглушить ее. Не успела я этого сделать, как объявился Грант, обходивший ограду. Он выглядел нормально. Без признаков травм. Возможно, он сказал парню, что за ним кто-нибудь вернется и разберется с ним. Грант запрыгнул в машину, и не успела я сказать ни слова, как мы уже отъехали от магазина. Я решила не возвращаться к этому вопросу.

Следующие несколько часов мы провели, разъезжая по поручениям, — заехали в продовольственный, купили топливо, зашли в аптеку. К полудню мы вернулись в мотель, и Грант ушел в свою комнату. Я отправилась в четвертый номер проверить Гвинни и убедиться, что собаки накормлены. Грант напомнил мне, что я могу взять любую из его книг, когда захочу. Я поблагодарила его за этот день и сказала, что точно воспользуюсь предложением.

Наступил вечер, я решила остаться в номере. Яма меня не привлекала, и я, сделав себе тарелку овсянки, сидела на диване и смотрела телевизор. Выбор пал на местные новости. Я всегда была полна надежды, что увижу сюжет о себе, но прошло слишком много времени, уверена, мое похищение так и не оказалось среди топ-новостей. Полиция, скорей всего, не восприняла его всерьез. Один визит Делии в участок, и они решат, что я была беглянкой. Вот в этом не было никаких сомнений.

Я нетерпеливо переключала те несколько каналов, что у нас были. До появления кабельного еще было много лет, тогда бы вы смотрели то, что было в зоне покрытия. Звук был выключен, и мне показалось, что я увидела журналиста, стоящего на знакомом мне месте. Я прибавила громкость.

— Мы находимся у дома Рэймонда Прайса, — докладывала очаровательная репортерша. — Ранее этим днем мистер Прайс был спасен парой, выгуливавшей свою собаку и услышавшей приглушенные крики. Когда они обследовали местность, они обнаружили мистера Прайса, подвергшегося жестокому нападению. Он стоял спиной к забору с руками, растянутыми в стороны, — репортер сделала эффектную паузу. — Руки мистера Прайса были прибиты гвоздями к деревянному забору, который он строил. В каждую ладонь были вбиты по три гвоздя. Он не мог освободиться, не разорвав себе руки в клочья. У него во рту был кляп, затруднявший попытки позвать на помощь».

Затем репортер сощурилась, прислушиваясь к вопросу, который задал кто-то из

небольшой толпы, собравшейся рядом.

— Я только что спрашивала, сможет ли мистер Прайс опознать человека или людей, напавших на него, — сказала она, ее милое лицо нахмурилось. — Странное обстоятельство, но Департамент Полиции Ривервью сообщил, что мистер Прайс отказался сотрудничать. Они убеждены, что ему угрожали, и он боится расправы. Полиция также сказала, что эта местность известна своими байкерскими бандами. Выяснено, что одна из таких банд, в частности, неоднократно посещала соседний магазин.

Камера взяла в фокус план позади репортера, и мой желудок скрутило. Теперь я видела, почему сцена выглядела знакомой. Прямо там, в телевизоре, я разглядела магазин, в котором сегодня днем мы выбрали мне шлем, и новую отстроенную ограду, отделявшую магазин от соседнего дома.

Я поверить не могла в то, что увидела. Мое сердце глухо и тяжело забилося. Я сглотнула и глубоко вдохнула.

Я не смогла распознать Гранта. Он не был беспомощной шестеркой.

Он был одним из них.

Вдруг открылась дверь, и вошел Блу, направлявшийся прямо ко мне.

— Подъем. Сейчас. Ты едешь со мной.

Не успела я что-нибудь уточнить, как он прошел мимо меня в спальню и нашел мой рюкзак, висевший на дверном крючке. Я проследовала за ним, забрасывая его вопросами насчет того, что происходит. Он был слишком сосредоточен, чтобы отвечать. Он продолжал осматривать комнату.

— Где твои вещи, Кит? Что-нибудь личное ты тут хранишь? Допустим, если бы тебе понадобилось переночевать где-нибудь, что бы ты взяла?

Мои руки тряслись.

— Куда я еду?

— Нет времени объяснять. Что бы ты взяла?

Не отвечая, я зашла в ванную, взяла контрацептивы, зубную щетку и расческу. Затем я открыла шкаф и выбрала кое-что из нижнего белья и ночную рубашку. Перейдя к другой полке, я схватила шорты и несколько топов. У меня по-прежнему оставался всего один бюстгальтер, который сейчас был на мне. Полагаю, это единственный предмет одежды, который мне надо будет выбрать самой. Я быстро побросала все в сумку.

— Молодец, девочка, — он заметил мой новый шлем, лежащий на кофейном столике, и взял его. — Надевай обувь. Мы уходим. Сейчас.

Я метнулась на кухню взять очки для чтения, после чего засунула их и журнал в сумку, одновременно надевая сандалии. На мне все еще была надета дневная одежда — джинсы и неприметный топ. Он нес мой шлем, я шла следом.

— Гвинни! — вскрикнула я, вспомнив о кошке.

— С ней все будет в порядке. Мо позаботится о ней и собаках. Пошли!

Сидя на его мотоцикле, мы уже отъезжали от мотеля в сторону трассы-84, а я все еще возилась со шлемом. Я крепко обняла его, и мы растворились в ночи. С трассы-84 мы двинулись восточней и свернули направо «У Пита». Это была дорога Фламинго, и, как и по 84ой в семидесятые годы, мы ехали по слабо освоенной территории. Фламинго была дорогой, по большей части, пролегавшей через пастбища.

Страх меркнул. В какой-то момент я почти рассмеялась, когда мы проезжали мимо двухэтажного дома с большой табличкой на нем. На куске фанеры, прибитой на балконе второго этажа, владелец черной краской и большими буквами написал: «Разыскивается жена. Обязанности — готовить и прибираться. Муж платит по счетам». Этот мистер «Хочу жениться» с тех пор уже продал собственность. Точно помню, что сейчас там стоит торговый центр.

Мы двигались на юг по Фламинго, пока не добрались до маленького городка Пемброк Пайнс. Мы свернули налево на Тафт-стрит и внезапно очутились среди красивых, со вкусом благоустроенных жилых застроек. Еще несколько поворотов и мы подъехали к очень симпатичному дому. Кто-то внутри, должно быть, услышал мотоцикл, потому что гаражные ворота, как по сигналу, открылись. Блу заехал внутрь и заглушил двигатель.

Слезая с заднего сиденья, я заметила, что в дверном проеме, ведущем из гаража в дом, стоит привлекательная, высокая, очень загорелая брюнетка. Ее палец жал на кнопку ворот, и они опускались вниз, пока я ждала Блу, слезавшего с байка. Она подошла прямо ко мне и

протянула руку.

— Привет. Я Джен. Жена Блу, — сказала она, тепло улыбаясь. — Ты как раз к ужину.

Что могло поразить меня больше, чем Мо в первый день в комнате Гризза? Жена Блу? Меня никогда не посещала мысль, что Блу или кто-то из других членов банды могли быть женаты или просто жили где-то за пределами мотеля. Я просто не придавала большого значения тому, чем занимались остальные.

Мы с Блу прошли вслед за Джен в дом. Двое маленьких мальчиков выбежали навстречу Блу и вцепились в его ноги. Оба они были одеты в одинаковые комбинезоны без футболок под ними. Мальчишки были малы, казалось даже, что один из них еще шатко стоял на ногах. Возможно, ему было чуть больше года. Его старшему брату было около трех лет.

— Папа! Папа! Поиграй с нами, — завопил старший.

— Дайте ему поужинать, мальчики, потом папа с вами немного побудет, — сказала им Джен, посмеиваясь.

— Кто она? — спросил старший.

— Это Кит, — терпеливо ответил Блу. — Она мой друг. Вы, мальчики, ведите себя хорошо, пока мы едим, и попозже я к вам зайду.

Довольные, они прыжками унеслись в комнату, выглядевшую, как уютная гостиная. Был включен телевизор, везде лежали игрушки.

— Я уже покормила их, — объяснила Джен. — Давайте. Пошли есть.

Поскольку меня прервали на овсянке, мне не терпелось съесть, лежащий перед нами ужин. Я обозначила знак креста и мысленно произнесла благословение. Затем, пока Блу говорил, я хорошенько насладилась домашним мясным рулетом, картофельным пюре и зелеными бобами. Он объяснял причину, по которой мы внезапно покинули мотель.

Пока я смотрела новости о нападении на мистера «Строю Заборь», Блу получил сообщение от Гризза. Гриззу слили информацию, что полиция собирается появиться в мотеле. Судя по всему, у Гризза везде были свои люди, включая множество полицейских департаментов в Южной Флориде.

Тогда еще не все пользовались пейджером. Они были относительной новинкой, но я не удивилась, когда узнала, что Гризз и члены банды уже освоились с ними. Вся суть общения через пейджер в том, чтобы найти телефон и перезвонить по номеру, который отобразится на дисплее. Для Блу было легче легкого дозвониться до Гризза. В тот момент он был прямо на телеграфном столбе, заканчивая ремонтные работы. Он подключился к линии связи и немедленно набрал Гризза.

Еще одна вещь, о которой я не подозревала. Блу работал в телефонной компании?

— Но зачем полиция решила наведаться в мотель? — спросила я, придерживая остальные вопросы.

— После маленькой выходки Гранта полиция бы однозначно появилась, — ответил Блу, качая головой.

— Но как они поймут, что это был Грант? — добавила я еще один вопрос удивленно. — Мы не были на мотоцикле. Он был без жилета. Блин, мы даже за шлем не платили, по квитанции не отследить. И главное — откуда ты знаешь, что это был Грант?

— У Гризза повсюду глаза, — сказал Блу. — Да это и не имеет значения, был ли это Грант или нет. Одно упоминание о байкерах, и несколько полицейских отделений готовы под любым предлогом приехать и перетряхнуть мотель. Они знают, что это наша база, и Гризз хотел вывести тебя оттуда.

Джен передала картофельное пюре. «Я смотрела новости. Надо было догадаться, что твой младший братишка как-то здесь замешан, — сказала она Блу с улыбкой. — Грант тот еще изобретательный палач».

В ее голосе были нотки гордящейся матери. И как ни в чем не бывало, она доложила себе бобов. Я уставилась в тарелку. Изобретательный палач? Странное описание. Я глянула на Блу, тот смотрел на Джен с нечитаемым выражением на лице. Прежде чем кто-то из нас прокомментировал ее слова, она стала болтать о чем-то забавном, что сделал один из детей сегодня с утра. Я посмотрела в сторону гостиной, где играли те двое милых ребят. Да уж миссис «Неуместная Гордость», твой «сын» виноват в том, что мотель вдруг стал популярным у копов местом на сегодняшний вечер. Ты должно быть так горда. Эти люди — просто загадка для меня.

В недоумении я покачала головой.

— У Гранта будут проблемы с полицией?

— Нет, — Блу звучал буднично. — Тот парень не станет опознавать его. Больше его ничем со случившимся не свяжешь. Даже если опознают машину, это неважно. Они никогда не подумают, что подросток может совладать со взрослым мужчиной. Копы объявятся с мотеле с ордером и попытаются откопать хоть что-нибудь на Гризза. До него они и хотят добраться.

— А что насчет Гризза? С ним у Гранта будут неприятности?

— Не знаю. Как-нибудь объяснится. Потом — на усмотрение Гризза.

До меня не доходило.

— Но разве ты не напуган случившимся, не волнуешься за него? Он ведь твой брат.

Блу пожал плечами и зачерпнул еще бобов себе на тарелку.

— Грант достаточно взрослый, чтобы встретиться лицом к лицу с последствиями. Он знает, за что сможет ответить, а за что — нет. С некоторых пор ты просто позволяешь людям разбираться со своими проблемами самостоятельно и нести ответственность за свой выбор.

Той ночью, уютно устроившись на кровати в гостевой комнате, я никак не могла перестать переживать за Гранта. За моего друга.

Рейд состоялся. Будь обстоятельства другими, меня, возможно, могли спасти. Если бы кто-нибудь вспомнил, что пропавшая девушка разговаривала у магазина с парнем на мотоцикле. Если бы кто-то припомнил, что видел меня, забиравшей на байк Монстра, пусть они и не заметили его жилета. Тогда, возможно, у офицеров, обыскивавших комнаты Гризза, промелькнула бы мысль. Будь хоть одна догадка, что меня могли похитить байкеры, они бы заметили, за что зацепиться взглядом.

Например, за три библиотечных книги, лежащие на шкафу вместе с коричневой бархаткой со знаком мира.

Но они не заметили. Они не искали жертву похищения. Они пытались обнаружить наркотики или любую ниточку, связывавшую Гризза с незаконной деятельностью. Меня не было на их радарх.

Следующим утром Блу сказал, что отвезет меня в мотель до работы. Все было чисто. Полиция уехала.

Джен сделала альтернативное предложение: «Кит, знаешь, я буду рада, если ты проведешь день с нами. Блу должен ехать на работу, но мы с мальчиками будем дома сами по себе. Можно было бы полежать у бассейна и чем-нибудь еще заняться, пока Тимми и Кевин будут играть. Проведем время по-женски, если хочешь».

Я взглянула на Блу, ожидая его разрешения. Он не успел ответить, как Тимми стал прыгать и кричать: «Кит! Кит может остаться с нами. Кит может поплавать в бассейне и побыть здесь, и стать с мамой друзьями!»

Тимми выглядел миниатюрной версией Блу. Я посмотрела на младшего Кевина. Мне показалось, что так выглядел Грант в его возрасте. Я определенно могла заметить семейные сходства.

Я улыбнулась им. Грант никогда не упоминал, что у него есть два очаровательных племянника. Как единственному ребенку в семье, мне было тревожно принимать предложение Джен. Но решение оставалось за Блу.

Он поначалу выглядел нерешительно, но затем сказал: «Конечно. Я отвезу тебя вечером или пошлю кого-нибудь. Просто не покидай дом, ладно? Достаточно с нас драмы».

Он поцеловал Джен в губы, наклонился и чмокнул каждого из сыновей в макушку, потом взъерошил им волосы и вышел в дверь. Я не слышала, чтобы заводился мотоцикл, и подошла к окну.

— Удивлена, да? — спросила Джен. Должно быть, она читала мои мысли. — Мир клином не сошелся на банде. Многие из них имеют семьи, как Блу. И мотоциклы не отнимают все их время.

Она кивнула на что-то за окном, и я увидела, как Блу уезжает на маленьком золотистом пикапе. Я не заметила его вчера.

Она улыбнулась и продолжила: «Хочешь помочь покормить этих монстров? Мне надо кое-что сделать по дому, а потом можем провести остаток дня на заднем дворе у бассейна».

Я была только рада помочь, и не успела я оглянуться, как мы уже накормили мальчиков и прибрались на кухне. Джен отправила меня смотреть телевизор или отдохнуть, пока она закончит с делами. Она отвела детей в гостиную и подошла к гардеробу.

— Так, мальчики, время для особенных игрушек, — сказала она, доставая нечто, выглядевшее, как большая корзина для белья. Она вытряхнула огромную кучу кубиков на пол. Тимми и Кевин выглядели взбудораженными. Очевидно, что с этими кубиками они любили играть. Дети подпрыгивали и хлопали в ладоши, пока кубики сыпались на пол. Джен улыбнулась мне: «Удивительно, но стоит ограничить их в чем-то, как оно тут же становится особенным. Они часами будут складывать и рушить эти кубики, повторяя все то же снова и снова»,

Я решила, что Джен мне очень нравится. Я спросила, могу ли я еще чем-то помочь. Телевизора уже было достаточно. Мне хотелось заняться чем-то девичьим. Мы провели утро,

болтая, попеременно между небольшими домашними делами и детьми. Я сложу постиранные вещи, пока она будет гладить пару рубашек Блу. Я протру пол на кухне, пока она разгрузит посудомоечную машину. Я полью ее цветы в горшках, пока она перестелит кровати мальчиков. Мирное, уютное утро. Она поделится со мной вещами, о которых я, вроде бы, должна была знать, но фактически никогда даже не задумывалась.

Например, я не обращала внимания на то, когда члены банды приезжают и уезжают. Я сразу решила, что почти все из них живут в мотеле, и их работа — это все то, во что ввязана банда. И была неправа. Постоянно в мотеле жили только Гризз, Грант, Мо и Чоудер.

Я прервала ее: «А как же Уиллоу? В первую ночь, когда я там оказалась, она сказала что-то насчет их с Гриззом комнаты». Джен объяснила, что Уиллоу не жила в мотеле, но в ее распоряжении была одна из свободных комнат в любое время. Так и с остальными.

Чоудер был тихой, незаметной частью банды. Я о нем особенно не задумывалась. Не думаю, что даже слышала его речь раньше. Нет, о его языке я не беспокоилась. Уверена, он просто был спокойным, тихим парнем. По профессии он был плотником, и был ответственен за перепланировку номеров Гризза. В мотеле он был мастером на все руки и занимался материально-техническим обеспечением. Он приводил в порядок двор и вообще что угодно, что нужно было починить — забившиеся туалеты, разбитые окна, предохранители электричества. Он даже лампочки менял, когда те перегорали. Конечно, ведь это был мотель старой постройки, и работы здесь ему хватило бы до конца жизни. Он не был обязан заниматься только детской площадкой, заправочными колонками и пустующим бетонным бассейном.

Джен не стала рассказывать мне о Мо. Я пыталась выудить, как она потеряла свой язык. Лоб в лоб я не собиралась спрашивать, но сделала несколько намеков о своем любопытстве. Не знаю, либо она не закусила наживку, либо решила, что не она станет тем, кто расскажет мне эту историю. Она перепорхнула с Мо на своего любимчика в банде — на своего деверя Гранта.

Джен и вправду обожала Гранта. Она сказала, что в этом доме ему всегда рады, и он мог бы жить с ней и Блу, но он отказался. Он был так мал, когда Блу привез его в мотель. Блу в те времена жил там. Грант пробыл в мотеле уже год, когда Блу встретил Джен и съехал.

— Он не боялся оставить младшего брата с Гриззом?

— Нет, никогда, — ответила Джен, взгляд ее карих глаз был задумчивым. — Гризз всегда был добр и справедлив к Гранту. Не думаю, что у Гризза есть семья. И как он спас твоего котенка, так он присматривал и за Грантом, пока Блу не был рядом. Да, я слышала, что случилось с котенком», — добавила она, когда я пытливо посмотрела на нее.

Она продолжила: «Грант всегда был мудр не по годам. Старая душа. Я думаю, что он разочаровался в семейной жизни с его-то прошлым и приемными семьями. Уверена, ему нравится быть самому по себе. Но ему всегда здесь рады. Я любила его с самого начала».

То немногое, что я знала о Гранте, вынуждало меня согласиться с ней. Старая душа? Однажды Делия сказала мне, что я была старой душой. Я не слышала прежде, чтобы кого-нибудь так называли.

Наконец мы покончили с делами, малыши без проблем задремали. Джен сказала, что разница между ними была всего в тринадцать месяцев. Такие милые. Она отвела меня в хозяйскую спальню, открыла шкаф и стала доставать купальники. «Давай подберем тебе что-нибудь, — сказала она. — Выбери, какой нравится, и примерь. Мой любимый комплект сушится на душевой перекладине. Я вернусь через минутку».

Она прошла в ванную и закрыла за собой дверь. Порывшись в ворохе купальников, я выбрала желтое бикини с завязками на бедрах. Их длина регулировалась, значит, это мне подойдет. Джен была высокой и худощавой. Я была невысокого роста и тоже стройной, пожалуй, моя фигура была немного соблазнительней. Я надела купальник и затягивала узелок на левом бедре, как раз когда Джен вернулась.

Джен замерла и посмотрела на меня: «Еще разок, сколько тебе лет?».

— Пятнадцать, а что? — я почувствовала себя немного смущенной.

— На пятнадцать ты не выглядишь.

Я повернулась и посмотрела в зеркало, висевшее на шкафу. Я видела, что она имела ввиду. Нижняя часть бикини сидела идеально. Верхняя часть, однако, была маловата. Кажется, моя грудь была больше, чем у нее, и сидела в бикини так, словно боролась с желтой тканью за свободу.

— Ты в этом выглядишь лучше меня. Можешь оставить себе.

Я поблагодарила ее. Мы взяли несколько полотенец и пошли на задний двор, провалявшись там на солнце большую часть дня. Джен оставила открытым окно в спальню мальчиков, и, услышав, что Тимми и Кевин проснулись, мы вошли обратно в дом и собрали им ланч. Потом мы сменили им одежду на плавательные шорты и пошли вместе во двор. Дети были слишком малы, чтобы спуститься в наземный бассейн самостоятельно, поэтому они играли в небольшом надувном на траве, рядом с бетонным покрытием.

Я наслаждалась днем, и было так жаль, когда Блу вернулся домой. Джен, кажется, не следила за временем и продолжала извиняться, что не успела накормить меня обедом до отъезда в мотель. Я ответила, что это не проблема. У меня было предостаточно еды там. Она сказала Блу, что подаст ужин сразу, как только он отвезет меня и вернется обратно.

Я пошла переодеться в гостевую спальню и уже паковала вещи, когда Джен легонько постучала и вошла. Я улыбнулась ей и сказала, что вроде бы все собрала, но если и оставила что-то, то возможно, у нас получится как-нибудь провести вместе еще день, и я заберу, что забыла. Я улыбалась и ждала, пока она произнесет что-нибудь.

Но Джен, все еще в купальнике, плотно завернувшись в полотенце, лишь продолжала стоять там.

— Блу сказал мне, что видел, как Грант смотрит на тебя, — лед в ее взгляде совпадал с тоном ее голоса. — Лучше не толкись рядом с ним, раз не хочешь ничего серьезного. Если сделаешь что-нибудь, что угодно, что заставит Гризза думать, будто у вас с Грантом есть связь, и он навредит или причинит ему боль, я постараюсь лично убедиться в том, что ты будешь страдать.

Я была так поражена переменами в ее личности, что даже ответить не смогла.

Она продолжила: «Я знаю, о чем ты думаешь. Я таких, как ты, повидала. Думаешь, раз ты с этим приматом неповоротливым, то можешь избежать последствий чего угодно? Ну, ты просто знай, вечно ничто не длится. Немного времени понадобится, чтобы Блу начал всем заправлять, и тогда твоя задница окажется двумя метрами ниже травы. И если хоть подумаешь рассказать Гриззу об этом разговоре... Что ж, скажем так, Кит, — она почти сплюнула мое имя, — случаются несчастные происшествия. Поняла? Поняла, с кем имеешь дело?».

Да, я поняла, с кем имела дело. С главной психопаткой столетия, вот с кем.

С меня за этот месяц было достаточно драмы. Я взяла и перекинула сумку через плечо. Потом я посмотрела ей прямо в глаза и голосом, свидетельствующим о том, что она не

более чем букашка на дороге, сказала: «Иди нахер, Джен».

Я прошла мимо нее и, будучи на полпути к холлу, ведущему к главным дверям, не удержалась от одного последнего «выстрела».

— А знаешь, Джен, — сказала я со всей сладостью, которую смогла выдавить из себя, — если Блу припозднится к ужину, я уверена, это потому, что он наслаждается одним из тех фантастических минетов, которыми известна Чики.

И на этом я прихватила шлем со скамейки у входных дверей и вышла вон.

На подъездной дороге Блу заводил байк. Я надела шлем и запрыгнула на заднее сиденье. Мы отъехали. Я не оборачивалась.

Нам понадобилось почти тридцать минут, чтобы вернуться обратно в мотель, и всю дорогу я сражалась со своими внутренними демонами. Кто была та девушка, что бросалась ругательствами в Джен? Заслужила ли их Джен? Однозначно. Была ли я из тех, кто такое произносит? Ни в коем случае. Я даже в мыслях не употребляла такие слова. Это была не я.

Я понятия не имела о достижениях Чики в спальне или за ее пределами, но комментарий про нее уже был брошен на ветер. Я сказала это. Если месяц с Гриззом так повлиял на меня, то что же вся жизнь с ним — а он неоднократно говорил об этом — сделает со мной?

Неважно. От шока перемен в ее поведении я осудила Джен слишком поспешно. Разумеется, я не эксперт, чтобы судить о ее душевном здоровье, но у нее определенно были проблемы. Бедные Тимми и Кевин. Бедный Блу. От меня не ускользнула ирония: я переживаю за человека, не раздумывая убившего свою сестру и ее мужа.

Опять же, возможно, Джен и не страдала ни от каких заболеваний. Может, она просто злобная карга. Ну, со всеми своими угрозами и злорадством она не ту себе в жертвы выбрала. Я не была жертвой. Никогда не была. И никогда не буду.

Уверена, что кто-нибудь, оценив мое положение, не согласился бы. Два неосмотрительных поступка совершила я в прошлом. Первый — впустила Джонни Тилмана. Другой — забралась на байк к Монстру. Но оба раза я понимала риски и выбор делала осознанный. Оба раза мой мозг просчитывал вероятности негативных последствий, как результат моего выбора. Я не утверждаю, что делала правильный выбор, разумный. Но говорю, что знала о риске в каждой из тех ситуаций. Счет в итоге был не в мою пользу. Я принимаю это.

Я также не была наивной девственницей, как кто-нибудь мог подумать. Да, по собственной воле я оставалась сексуально неопытной. Но я совершенно точно была просвещена о большинстве интимных деталей сексуальных отношений. Вспомните, я жила с Делией. Я была на Вудстоке. Я видела вещи, которые бы даже Гризза заставили покраснеть.

- Вудсток — грандиозный фестиваль, организованный представителями хиппи. Музыка, алкоголь, наркотики, многообразие любви за каждым кустом.

Делия поощряла меня на это задолго до того, как Гризз появился, чтобы распробовать мою сексуальность. Она считала, что мне стоит завести любовника. Она настояла на таблетках. Да, они очень помогли с судорогами во время менструаций, но не это было мотивом Делии. Думаю, на самом деле она хотела, чтобы я отсутствовала дома. Чем скорей в моей жизни появится парень, тем скорей я перестану быть ее заботой. Полагаю, этого она и желала.

Кое-что еще дошло до меня, пока мы с Блу бороздили Фламинго на пути в мотель. Интересно, вдруг Гризз ринулся и вывез меня именно тогда, когда он это сделал, не из-за Мэтью, а из-за Делии? Понимал ли он, насколько взбалмошной она была, и что моя невинность находилась под угрозой?

Ну, я-то знала, что опасности не было. Вы, возможно, удивитесь, узнав, что я планировала подождать, пока не буду замужем. Мне хотелось полной противоположности жизни Делии.

Я была христианкой. И в этом случае тоже спасибо Делии говорить не нужно. Во втором классе я стала посещать церковь с Кэти, подружкой, жившей по соседству. Делии это нравилось, потому что так они с Винсом могли остаться воскресным утром в постели, накуриться, заняться любовью и вообще делать, что пожелают. Не поймите меня неправильно, они делали все тоже самое и в моем присутствии, но ей, пожалуй, нравилась эта свобода утра воскресенья. Мое отсутствие позволяло ей хотя бы на несколько часов забыть, что она несла за меня ответственность.

Через несколько лет Кэти переехала. На своем велосипеде я стала ездить в ближайшую церковь Святого Сердца. Большая, впечатляющая католическая церковь рядом с моей начальной школой. Сама по себе я посещала мессу каждое воскресенье, пока Монстр не увез меня.

Нет, я не из тех девушек, что могут сорваться на чьей-то чокнутой жене. И все же я сорвалась.

Я сосредоточилась на реальности, когда Блу въехал на территорию мотеля. Я огляделась в поисках байка Гризза. Все еще отсутствовал. Только вечер вторника. Полагаю, он вернется завтра, как и было сказано первоначально. Думаю, я, в самом деле, расстроилась, что он не вернулся быстрее.

Блу дал мне первой слезть с байка. Потом проводил меня в четвертый номер.

— Аа, дерьмо, — он смотрел на пейджер.

Я продолжила идти. Он прошел за мной в четвертый номер прямо к телефону и набрал номер. Я вошла в спальню и стала выкладывать вещи, но мне были слышны его реплики.

— Успокойся, Джен. Нет, она ничего не сказала мне. Что ты сказала ей? Заткнись блять и объясни, что ты наговорила, — пауза. — Потому что у меня нет ни единого сомнения, что ты первой открыла свой гребаный рот, — еще одна долгая пауза. — Нет, Чики не будет мне отсасывать.

Я подошла и встала в дверном проеме, глядя на него. Он бросил на меня один взгляд, продолжая говорить. Не знаю, был ли он зол на свою жену или на меня. Мне было плевать. Я прошла мимо него в гостиную и стала прибирать остатки моего ужина, который я бросила на кофейном столике меньше, чем двадцать четыре часа назад.

Еще крики. Затем Блу повесил трубку. Я чувствовала, что он смотрит на меня.

— Не хочешь рассказать? — все, что он спросил.

— Да, — я поставила тарелку на столешницу. — Я расскажу тебе.

Так я и сделала. Я передала ему все, что было сказано, слово в слово. Извинилась за комментарий про Чики, потому что чувствовала вину, вовлекая ее в это без ее ведома.

Блу вздохнул и пробежался пальцами по волосам: «Ну, теперь ты знаешь настоящую причину, почему Грант не живет с нами».

Я не ответила.

— Собираешься сказать Гриззу?

— Почему бы и нет? По мне так при всех мерах предосторожности, которые здесь принимаются, чтобы сохранить анонимность, твоя жена — самая большая угроза этому.

— Что ж, ничего нового ты ему не скажешь.

Это меня удивило.

В этот момент Мо постучала и вошла. Она держала Гвинни, Дэмиен и Люцифер стояли позади. Она показала, что уже покормила их, и два пса вошли вместе с ней.

Дэмиен и Люцифер любили Мо. Она всегда брала их к себе в комнату и баловала вкусностями. Временами они даже спали с ней. Собакам позволялось лежать на ее постели, и они это обожали.

Когда Мо ушла, я повернулась к Блу. Не могу точно сказать, в каком состоянии теперь были наши отношения. И продолжая смотреть на него, я решила, что откровенно говоря, меня это не заботит.

Я ушла принять душ и услышала, что он уходит, когда проходила через спальню. Душ был долгим, горячим, и я блаженствовала под водой, пытаюсь стереть воспоминания последних дней: потеря невинности, нападение Гранта, психованная жена Блу.

Когда горячая вода закончилась, я неохотно вышла из душа. Я вытерлась насухо и собрала волосы под полотенце. Другое полотенце я оборачивала вокруг себя, входя в спальню.

И я замерла.

Гризз был там. Он сидел на кровати, откинувшись на изголовье, наблюдая за мной, и на нем не было футболки. Вообще-то я уверена, что на нем ничего не было надето. Белая простыня была накинута как раз достаточно, едва покрывая его бедра.

Я оглядела, как он сложен. Он был таким крупным, мышечным, грудь и руки были покрыты татуировками. На его груди было немного светлых волос. Кожа загорелая. В свете прикроватной лампы поблескивало золотое колечко в его левом ухе. На его лице было тоже самое выражение, что и в первую нашу встречу: он не улыбался, он не хмурился. Он просто смотрел на меня своими зелеными глазами.

— Время пришло, Кит. Подойди сюда.

В горле стоял ком, я едва прошептала: «Нет».

— Это не то, что ты подумал, — быстро добавила я, краснея. — У меня только что начались месячные, и нет тампонов. Я хотела найти Мо, может, у нее есть.

Прежде чем он ответил, я отогнула край полотенца и показала светло-розовое пятно. В первый день у меня не идет много крови, но мне, тем не менее, что-нибудь понадобится.

— Блять! — Гризз сорвал простынь и вскочил, останавливая меня. — Ты не можешь идти к Мо в одном полотенце.

Я отвернулась, пока он надевал джинсы, но уже после того, как я увидела то, что было скрыто простыней. Видимо, та старая присказка правдива, по крайней мере, в случае с Гриззом. Большой мужчина, большой — ну, вы понимаете. Небольшой жезл был, в самом деле, меньше его. Я вздрогнула.

Он быстро вернулся с неполной упаковкой тампонов, и я ретировалась в ванную. Где-то на подсознании у меня уже мелькала мысль, что месячные вскоре начнутся. Блистер с таблетками закончился, так что их следовало ожидать. Но из-за пережитых волнений эта мысль затерялась.

Я вышла из ванной, одетая в ночную рубашку. Спасибо Боже, Гризз не ждал меня в постели. Хорошо, что вариант с менструациями ему не подходил. Надеюсь, это означает еще неделю отсрочки.

Я нашла его в гостиной. Он сидел в кресле, листая несколько доступных каналов.

— Ты рано вернулся. Как все прошло? — спросила я, усаживаясь на ручку дивана.

Он выключил телевизор и посмотрел на меня: «Слышал, у тебя тут развернулась небольшая драма, пока меня не было».

— Да, насчет этого. Я хочу объяснить, почему Грант...

— Неважно. Я говорил с ним. Тот парень напросился.

Я испытала облегчение. Я все еще злилась на Гранта за то, как он разобрался с возникшей ситуацией. Это было жестоко. Но Гризз, казалось, выглядел удовлетворенным, так что я просто покончила с этой темой.

— Мне пришлось познакомиться с женой Блу, — сказала я вместо этого, оценивающе глядя на него. — Очаровательная женщина. Спасибо, что попросил его привезти меня к себе домой. Думаю, я бы лучше себя чувствовала, запертой в клетке со львом в зоопарке.

Гризз засмеялся, и внезапно я, не в силах противиться, рассмеялась вместе с ним. Я плюхнулась на диван, и несколько минут спустя он ввел меня в курс дела насчет Джен.

Блу познакомился с Джен пять лет назад. Он был с другой женщиной в то время, но она была «чокнутой», если верить Гриззу, и Блу разорвал те отношения. Бедный Блу. Что с ним не так, если рядом появляются только эмоционально нестабильные женщины? Он встретил Джен в баре несколько месяцев спустя, и это была любовь с первого взгляда. Это понять можно. Блу не был так привлекателен, как она, но думаю, образ «плохого парня» компенсировал впечатление.

Их роман был быстрым, так же быстро последовала свадьба. Они приобрели небольшой дом в старом районе Пемброк Пайнс. Я поняла, о чем он говорил. Местечко называлось Саммер Вуд. Там стояли дома постарей и поменьше, но соседи были хорошими, молодые семьи влекло основаться там.

Вскоре после свадьбы Блу заметил перемены в ней и незамедлительно пожалел о

скором решении жениться. Она быстро выходила из себя. Она устраивала драки и ссоры с ним. Она будет вынуждать его поднять руку. Она будет бесконечно провоцировать его, пока он не уйдет из дома. Когда он вернется, она зайдется в истерическом плаче, моля о прощении.

В конечном счете, она начала ввязываться в ругань с соседями. Положение ухудшилось, когда она начала угрожать им положением своего мужа, как второго по старшинству в байкерской банде.

Это дошло до Гризза, и он велел Блу принять меры. Я не уверена, что поняла значение этих слов. Но это и не имело значения. Джен вытащила туз из рукава как раз в нужный момент. Она была беременна.

Блу решил переселить Джен в район получше. Я не была экспертом по недвижимости, но все же меня не покидала уверенность, что зарплата телефонного мастера и высококлассный дом, что я посетила, не были сопоставимы. Думаю, тут-то и сказалась «внеурочная работа» в банде, благодаря которой Блу мог позволить себе такие расходы. Джен наблюдалась у врача и принимала медикаменты, которые, вроде бы, помогали. Проблемы возникли снова только тогда, когда она забеременела и прекратила прием лекарств. Блу фактически приходилось контролировать ее 24 часа в сутки и семь дней в неделю, а Чики, Уиллоу и Мо проводили с ней много времени, пока Блу был на работе.

— Так значит, она сорвалась на тебя, да? Неужели снова беременна и слезла лекарств? — Гризз выглядел задумчиво.

— Не знаю. Беременной она не выглядела и ничего такого не упоминала, — я сказала ему все, что услышала от Джен и что сама ей ответила.

Он усмехнулся: «Ты действительно сказала ей это?».

— Да, и не могу сказать, что горжусь собой. Совершенно очевидно, что ты на меня отвратительно влияешь.

Он лишь засмеялся.

— Ну, если все, как в прошлые разы, то ее настроение пойдет на спад, она начнет рыдать и захочет увидеть тебя, чтобы умолять о прощении, — казалось, что угрозы Джен в мой адрес и ее сомнения в его статусе главаря банды, не тронули его ни малейшим образом.

Мы с Гриззом провели остаток вечера, смотря телевизор, и отправились спать. Я больше не спала на покрывалах, но все еще лежала спиной к нему. Он тоже более не спал на покрывалах.

Но и в джинсах он больше не ложился спать. Я знала, что он оставался нагим, но, не считая предыдущего вечера, я больше не разглядывала его. Я старалась притворяться спящей, если он просыпался до меня. Встав сама раньше, я просто старалась оказаться вне спальни до момента его пробуждения.

Следующим утром я проснулась в луже пота. Бог мой, какое пекло.

Гризза рядом не было, я поднялась и пошла искать его. Я выглянула из-за двери и увидела его в коридоре несколькими номерами дальше разговаривающим с Чоудером. Он услышал открывающуюся дверь и сказал мне: «Кондиционер сломался».

Это объясняло жару. Июнь в Южной Флориде — и совсем неважно, что на часах всего девять утра. На улице палило, а уровень влажности в помещении мог прикончить кого угодно.

Я вернулась в спальню и переоделась в самую легкую одежду, которая у меня имелаась: обрезанные джинсовые шорты, верх от желтого бикини Джен и сандалии. Сделав тост, я присела на диван съесть его. Покончив с тостом, я допивала апельсиновый сок, и в этот момент вернулся Гризз.

— Давай, поехали, — сказал он, встав надо мной.

— Куда?

— Просто собирайся. И прихвати шлем и солнечные очки.

Мы подошли к одному из Харлеев, припаркованных у мотеля. Он снял с ручки синюю бандану и повязал ее на голову, затем оседлал огромный байк и завел его. Надев очки, он посмотрел на меня. Глядя на него, я вынуждена была признать: он тот еще умопомрачительный экземпляр. Одет также, как в первую нашу встречу, — голубые джинсы, байкерские ботинки, футболка с обрезанным рукавом. Его волосы стали длиннее за последний месяц. Я надела шлем, очки и запрыгнула на байк.

Гризз повез меня в сторону пляжа. Трасса-84 оставалась кратчайшим путем к океану. Мы двинулись левей на Федеральное шоссе, а затем направились к мосту, начинающемуся с Семнадцатой Улицы. Поворот направо, и мы уже едем по огромному мосту, соединяющему побережья. Справа — все виды грузовых и военных кораблей и круизных лайнеров. Слева — пристань для частных яхт.

Я любила этот район Форт Лодердейла. Мы съехали с моста ближе к линии пляжа, где начиналась трасса-А1А, и медленно двигались на север по А1А, лежащей параллельно пляжу Форт Лодердейла. Лето, пляж был забит.

Я тут же поняла, что нас заметили, особенно девушки. Должна признаться, я распрямила спину, обняла Гризза крепче и положила подбородок на его плечо. Я не из тех, кто любым способом хочет добиться внимания. Раньше я всегда предпочла бы сидеть в тени и заниматься своим делом. Я была абсолютно удовлетворена тем, насколько хорошо я знаю саму себя. Мне не нужны были никакие поиски вторых половинок. Я знала, кто я такая и чего хочу от жизни.

До этого момента.

Столько новых ощущений в том, чтобы сидеть на заднем сиденье байка Гризза. Я ездила один раз с Монстром и дважды с Блу, и это не сравнится с тем, как я чувствовала себя с Гриззом. Вся моя манера держаться переменилась. Мне нравилось, что мне завидуют. И мне нравилось то, как он тихонько сжал мою ногу, прямо над моим коленом, пока мы стояли на пешеходном переходе. Нравилось, как он взял мою руку и, поднеся ее ко рту, нежно поцеловал мое запястье с внутренней стороны. И особенно мне нравилось то, что на лице каждой мимо проходившей женщины читалось: «Хотела бы я сидеть там с ним».

До меня дошло, что минули несколько дней, а я ни разу не думала о возвращении домой. Я вспомнила слова Монстра в первую ночь в мотеле: «Пора встретиться с новой семьей». Возможно, он был прав. Возможно, мне суждено быть с Гриззом.

Мысль ошеломляла.

Мы, наконец, повернули на бульвар Санрайз, проехали городской парк, снова перебрались на другой берег и двинули по Федеральному шоссе на юг. Гризз подъехал к старому тату-салону. Мы припарковались, слезли с байка, я повесила шлем на ручку. Он сказал мне не снимать очки, пока мы не зайдем внутрь. Хорошо, что мне было позволено снять их в помещении, там царила крошечная тьма, и я врезалась в спину Гризза, не заметив его. Он обернулся и взял меня за руку, чтобы я удержала равновесие.

— Можешь снять очки, Кит. Эдди? Ты где?

Низенький, татуированный мужчина вышел из задней комнаты.

— Гризз, друг мой, — сказал Эдди, подходя к нам. Я почувствовала запах алкоголя еще до того, как Гризз ответил ему.

— Нужны документы, — Гризз указал на меня.

— Конечно, мужик. Данные?

Гризз сказал мне озвучить рост и вес.

Затем Эдди спросил: «Сколько лет?».

Я открыла рот, чтобы ответить, но Гризз оборвал меня: «Ей исполнилось восемнадцать в марте».

— Будет сделано, Гризз. Давай, пошли сюда.

Мы прошли в подсобку. Эдди сказал встать у пустой стены. Он был готов сфотографировать меня, но Гризз прервал его.

— Никакой челки.

Эдди подошел к столу и достал из ящика ободок. Я мысленно поблагодарила Бога, что ободок, а не ножницы. Я надела его так, чтобы челка была убрана назад. Один взгляд на зеркало — и показалось, что я выгляжу уже немного иначе, чем обычная я. Словно другая девушка. Она выглядела старше. По-другому. Такая девушка могла бы сидеть на мотоцикле Гризза, а его рука привычно бы сжимала ее бедро.

Эдди сделал снимок и сказал: «Дай мне час».

Мы шли к дверям, Гризз выхватил из ворса бандан на кассе одну розовую.

— Идем, пообедаем, — сказал он мне, подходя к мотоциклу. — Когда подъедем к ресторану, я хочу, чтобы ты сняла шлем и надела бандану так быстро, как сможешь. Очки не снимай даже в ресторане. Поняла?

Я поняла.

Мы поехали в маленькое местечко, называемое бар «Southside Raw». Мы сели снаружи у доков, с них открывался вид на воду. Помню, что не смогла понять выражение на его лице, когда благословляла пищу и тихо произносила молитву. Он и раньше смотрел, как я это делаю, но никогда не комментировал. Не помню, что мы ели. Мы болтали о разном, намеренно оставляя мое похищение и все связанное с мотелем вне разговора.

О личном мы заговорили, когда обсуждали, кому что нравится, а что не очень. Обычные вещи. Музыка, фильмы, книги. Легкий, простой разговор.

Потом мне в голову пришла мысль: «Слушай, мы же не сказали Эдди мое новое имя».

— И не надо, — ответил Гризз. — Эдди провел годы в бизнесе. У него все систематизировано, есть список предварительно утвержденных имен.

- Серьезно? Звучит, как у тех людей, что дают имена ураганам.
- Он улыбнулся мне. В животе затрепетало. Улыбка была очень красивой.
- Никогда не думал об этом в таком ключе, но да, похоже.
- Очень любопытно, какое имя он мне даст.
- Не переживай, Кит. Хуже, чем твое настоящее имя быть не может.

Гризз ошибался.

— Присцилла Рене Сэлэри*? — воскликнула я. — Ты же не серьезно? Я ни за что не буду носить имя Присцилла Сэлэри.

• Сэлэри/Celery — буквально «сельдерей».

Я посмотрела на улыбавшегося Гризза. Что за отвратительная фамилия? Перейти от фруктов к овощам? Забудьте.

— Она права, Эдди, это был так себе вариант. Выдай ей новое.

Менее чем через тридцать минут я стала гордой обладательницей водительских прав штата Флорида, идентифицировавших меня, как восемнадцатилетнюю Анну-Марию Морган. Фактический мой адрес был в Пемброк Пайнс. Интересно, был ли это адрес Блу?

Мне понравилось имя, и я сообщила Гриззу, что «Энни» звучит, как очень милое прозвище. Он ответил, что никто и никогда не будет звать меня Энни. Права были обыкновенной формальностью на случай, если они понадобятся. Еще несколько запасных вариантов документов отправят на почту в Дэйви. Фальшивое свидетельство о рождении и карточка социального страхования придут через неделю.

Я спросила, была ли у Гризза фальшивая личность, и он ответил, что его «звали» Рик О'Коннел. Разумеется, я ни разу не слышала, чтобы кто-то обращался к нему по этому имени. Стало понятно, что он имел в виду, когда говорил о запрете на другие прозвища. Меня звали только Кит.

К тому времени, как мы вернулись в мотель, Чоудер починил кондиционер в номере. Мне показалось, что теперь он шумел немного громче прежнего, но зато внутри стало прохладно, и мне не терпелось принять душ. Мои плечи обгорели на солнце, вода жгла кожу, но я оставалась в странно приподнятом настроении. Наверное, это были остатки эйфории от поездки на байке.

Следующая пара дней прошла без приключений. Я изредка появлялась вечерами у ямы. Если честно, никому из банды я не была интересна, не считая других женщин, достаивавших меня грязными взглядами. Женщины всегда появлялись и исчезали. Не считая Мо и Гранта, я ни с кем больше не сблизилась. К тому же мне совсем не хотелось видеть Уиллоу. Она по-прежнему периодически появлялась, но к счастью, держалась от меня подальше.

Я поймала себя на том, что рисую в воображении, какой может быть моя жизнь с Гриззом. Думаю, та дневная поездка на байке что-то значила. У меня по-прежнему были дни менструаций, и Гризз ничего не пытался предпринять в постели. Хорошо. Я знала, что мне нужно немного больше времени.

Одним из вечеров у ямы собралась небольшая толпа. Мне было скучно, и я вышла из номера найти Гранта.

— Не возражаешь, если я послушаю музыку в твоей комнате? — спросила я.

Я видела Гранта всего несколько раз с того дня, когда мы достали шлем. Я получила от него несколько уроков по шахматам и впечатлила его тем, как быстро вникла в игру. Он постоянно то приезжал, то уезжал. Было лето, и мне не доставало уверенности сказать, что

он пропадает на занятиях. Грант глянул на Гризза, кивнувшего в знак согласия. Хотелось закатить глаза, но я не стала. Грант встал и сказал: «Конечно, пойдём».

— Я не хотела отвлекать тебя от ямы, — пролепетала я, пока мы шли. — Необязательно идти со мной, если доверяешь мне оставаться в твоей комнате.

— Без проблем. Меня все равно съедали комары. Пойдём.

Вслед за Грантом я вошла в его комнату и провела там несколько следующих часов, слушая альбомы и продолжая свои шахматные занятия. Пока мы болтали и играли в шахматы, я внимательно присмотрелась к его книжной полке и остановилась на паре книг, которые хотела бы взять с собой в четвертый номер.

Грант вел себя по-джентельменски, и я почувствовала небольшое разочарование, что он не флиртовал со мной. Хотя я с ним тоже не флиртовала. Не знаю, была ли это моя возрастающая преданность Гриззу или смущение из-за той ночи с Грантом, может, и то, и другое сразу. Сама себе я сказала, что была рада отсутствию интереса со стороны Гранта в этом смысле, иначе бы все совсем запуталось.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Было совсем поздно. Удивительно, что Гризз не пришел за мной. Я зевнула и взяла книги.

— Спасибо за книги и за то, что перетерпел мои музыкальные предпочтения.

— Можешь в любой момент взять, какие захочешь. И помни, ты выбирала альбомы из моих запасов, а значит, мне нравится все, что ты включала. Проводить тебя до дома? — поддразнил он.

— Нет, думаю, я смогу добраться сама, — ответила я. Мы оба засмеялись, и я все еще улыбалась, когда он закрывал за мной дверь. Я добралась до четвертого номера и вошла.

Я едва не выронила книги при виде того, что «приветствовало» меня. Гризз лежал на диване, закрыв глаза.

И между его ног скорчилась Уиллоу, ее голова неистово двигалась вперед и назад.

Ни один из них не услышал звук открывающейся двери. Думаю, это из-за кондиционера, шумевшего громче обычного. Справа от меня была полка, на которой разместился телевизор. Я швырнула на нее книги с таким грохотом, какой только могла устроить.

Гризз открыл глаза, и Уиллоу остановилась, повернувшись ко мне. Гризз схватил ее за волосы и сказал: «Заканчивай».

Она подарила мне беззубую улыбку и вернулась к тому, чем занималась.

Я повернулась и выбежала из дверей. Не успев сама понять, куда направляюсь, я уже стучала в двери Гранта. Он открыл, и я бросилась к нему, обвивая его руками. Я не плакала, но была на грани слез. И не понимала почему.

Почему меня волновало, чем там занимались Гризз и Уиллоу? Я ничего такого с ним не делала и весь последний месяц сама себе говорила, что и не хочу. Так откуда взялось чувство предательства? Что бы я себе ни говорила, на самом деле, меня это уязвило.

— Ээээй, что случилось? — спросил Грант, крепче обнимая меня. — Кит, что не так? Что произошло?

Внезапно меня осенило. Ни за что в жизни я не скажу Гранту, и если уж на то пошло, ни кому-либо еще, что меня задело поймать Уиллоу, занимающейся оральным сексом с Гриззом. Ни за что. Я взяла себя в руки и отступила. Слава Богу, слезы не успели появиться. Грант держал руки на моих плечах.

— Ничего страшного на самом деле, — пролепетала я. — Я наткнулась на Гризза с Уиллоу и смутилась, всего-то дел.

Во взгляде Гранта читалось, что он знает о моей лжи, но, будучи джентельменом, он не стал давить на меня.

— Знаешь, он тебя дожидается уже какое-то время. Я единственный, кто в курсе. Не думаю, что даже Блу знает. Гризз очень горделив. И он всего лишь человек, а она слишком охотна до него. К тому же, до того, как ты вышла к яме, он пил и, скорее всего, сейчас слишком пьян.

— Я знаю и уже сказала, что просто смущена. Давай забудем, что я вообще приходила сюда, — я остановилась. — Эммм, как думаешь, сколько мне подождать, прежде чем вернуться обратно?

Моя неопытность стала очевидной, и я начала краснеть. Прежде чем Грант ответил, дверь распахнулась, и Гризз вошел.

— Подумал, что найду тебя здесь. Пойдем, — кивнул Гризз в сторону двери.

Я немедленно собралась и чуть надменно ответила: «Я просто хотела оставить вас в уединении».

С этими словами я прошла мимо него, что напомнило мне первую ночь в мотеле. Тогда я заменила Уиллоу, и она гордо продефилировала прочь от ямы.

Я вернулась обратно в наш номер и переоделась в ночное. Затем умылась, почистила зубы, расчесала волосы и забралась в постель. С собой в кровать я прихватила книги, взятые взаймы. Я выбрала одну из них и сделала вид, что читаю. Я смотрела в сторону, пока он раздевался и ложился рядом со мной.

— Тебя не должно было это задеть, Кит.

— И не задело, — ответила я слишком поспешно. — Просто было неловко прерывать

вас, это все.

Я лежала на спине, он — на боку, опираясь о правую руку и глядя на меня. Гризз приподнял бровь.

— Не задело, да? Полагаю, если бы все это время Уиллоу прикладывалась ко мне, тебе бы по-прежнему было все равно?

Я посмотрела прямо на него.

— А откуда мне знать, что ты и так не занимался с ней этим последние недели? Что мне с того? Вообще не мое дело. Уверена, ты все равно будешь делать, что хочешь.

— Чертовски верно, я делаю, что хочу.

Я не ответила и продолжила симулировать интерес к книге.

— Послушай, она пошла за мной к четвертому номеру и попросила воспользоваться телефоном. Ты знаешь, как Уиллоу может себя вести. Ей было, что доказать мне, а я был возбужден настолько, что позволил ей. Эта шлюха не значит ничего для меня.

— Мне все равно, значит ли она что-то для тебя, — я невозмутимо вглядывалась в страницы книги. — Разумеется, было неучтиво с твоей стороны позволить ей сделать это, покуда я могла находиться в соседней комнате.

— Но я знал, что тебя там не было. Я приглядывал за комнатой Гранта весь вечер. Знал, что ты не выходила.

— Как удачно для вас совпало, — я удерживала тон невозмутимым. — Что ж, как я и сказала, мне все равно. Продолжай делать, что хочешь. Для меня это значения не имеет.

— Не имеет значения, да?

— Нет. Совсем не имеет значения.

— Уверена на этот счет?

— Да, я уверена, Гризз. Почему ты вообще решил, что подобное меня заденет? — спросила я чуть самодовольно.

— Потому что твоя книга перевернута вверх ногами.

На этом я захлопнула книгу и уселась лицом к лицу с ним.

— Боже, Гризз, из всех девушек, почему это должна быть Уиллоу? Да даже Чики и Мо для меня проще понять, они ведь меня не ненавидят. Уверена, теперь Уиллоу считает, что ведет на одно очко вперед меня. Не то чтобы меня это волновало. Не знаю. Думаю, тут что-то женское. Я не ожидаю, что ты поймешь.

— Так все было бы нормально, войди ты и увидь Чики или Мо?

Я не ответила. Я сама не могла разобраться в своих мыслях. Была ли я расстроена, потому что Гризз увлекся процессом с другой женщиной? Или я была расстроена, поскольку другой женщиной оказалась Уиллоу? Женщина, ставшая моим врагом.

— Хочешь, чтобы Уиллоу исчезла? Если хочешь, тебе нужно лишь сказать. Ты никогда больше не увидишь ее.

— Да, Гризз, — ответила я тихо. — Я хочу, чтобы она исчезла.

Таково было окончание разговора. Мы оба отключились, и когда следующим утром я проснулась, его руки обнимали меня. Лежа к нему спиной, я стала аккуратно поднимать с себя одну его тяжелую руку. Потом я остановилась. Закрыла глаза и снова задремала.

Гризз был верен своему слову. Больше я никогда не видела Уиллоу.

Глава 21

С той ночи Гризз стал немного смелее в спальне, но по-прежнему никогда не давил на меня. Он начал настаивать, чтобы я спала нагой, как и он. Удостоверившись, что меня прикрывает полотенце, я забиралась в постель и снимала его с себя, уже будучи под покрывалом. Такое поведение не провоцировало и не злило Гризза. Он полагал, что это забавно, и лишь качал головой, обнимая меня из-за спины и подтягивая к себе.

Мне в самом деле хорошо спалось в объятиях Гризза. Может, чересчур хорошо. Одной, заслуживающей особого внимания, ночью, вскоре после инцидента с Уиллоу, я наслаждалась сном — главным образом, эротическим.

Мне снилась ночь, когда я потеряла девственность с Грантом. Одно отличие: во сне я не была под снотворным и вполне наслаждалась нашим соитием. Фоном играла «Nights in white satin». Он был на мне, во мне, толчки были ритмичными, и каждый раз я стремилась ему навстречу. Я чувствовала его дыхание у моего уха, он говорил расслабиться и наслаждаться. Я испытала оргазм: быстрый и сильный. Настолько мощный, что меня вырвало из сна.

В первый момент я была дезориентирована, не понимая, где или с кем я была. Лежа на спине, я посмотрела налево. И там был Гризз, довольный, словно кот, слопавший канарейку. Его рука была меж моих ног, все еще касаясь меня.

Ошеломленная, я убрала его руку в сторону и села.

— Прекрати. Ты что затеял?

— Выдохни, Кит. Мир не рухнет, если ты позволишь себе немного удовольствия. Это был твой первый?

— Не твое дело! — выпалила я, укладываясь обратно и перекатываясь на бок.

Он уложил меня рядом, и, пытаясь снова заснуть, я слышала, как он посмеивался. Но мне было тревожно. Почему во сне оказался Грант?

Остаток недели прошел словно в тумане. Я никак не могла выкинуть этот сон из головы, потом обнаружила, что под любым предлогом стараюсь оказаться рядом с Грантом. Я продолжала одалживать книги, играть в шахматы и просить послушать записи. Он разрешил мне висеть в комнате в его отсутствие, и пару раз я примеряла его жилет, глядя в зеркало в ванной комнате.

Забавно. Ощущения были иными по сравнению с первым разом, когда я надела вещь Гранта. Это была ночь, когда у меня появилась Гвинни. Теперь все было иначе. Мне нравилось, как я выглядела в жилете, и было любопытно, проедусь ли я когда-нибудь на байке Гранта. Я даже стала фантазировать, что была здесь для Гранта, а не для Гризза.

После пары дней ускользаний, чтобы послушать музыку, я обнаружила у себя в номере новую стерео систему. Гризз сказал, что я могу брать у Гранта альбомы, пока он не достанет мне собственные. Вы подумаете, что я была в восторге от собственного стерео, но я чувствовала разочарование, что у меня был отнят главный предлог находиться в комнате Гранта.

Вскоре туман в моей голове рассеялся. То было утро субботы несколькими днями позже. Гризз сказал, что проведет день вне мотеля, добавил, что я могу поехать по окрестностям с Грантом, но только не в знакомые места, и надев бейсболку и солнечные очки.

Идеально. Окрыленная, я собиралась попросить Гранта взять меня на пляж. Я была

уверена, что просто смешаюсь с тысячами девушек моего возраста и без бейсболки и очков. Я надела желтое бикини, укороченные шорты, сандалии и собрала волосы в высокий хвост, затем направилась в комнату Гранта.

Я подняла руку, чтобы постучать в дверь, как та сама открылась передо мной. Я так и замерла с занесенной в воздух рукой. Грант выходил из комнаты и внезапно остановился, увидев меня.

— Эй, Кит. Ты за книгами, музыкой или шахматными уроками? — спросил он, смеясь.

Грант был не один, и, очевидно, я прервала какой-то уединенный разговор. Его левая рука лежала на плечах девушки.

Прежде чем я ответила, он представил ее: «Кит, это Сара Джо. Джо, это Кит. Кит живет здесь с Гриззом».

Кажется, я заметила вспышку узнавания на лице Сары Джо. Вспомнила ли она во мне девушку, пропавшую в мае?

Она протянула руку и пожала мою: «Приятно познакомиться, Кит. Поверить, не могу, ты один в один похожа на мою лучшую подругу Келли. Она недавно переехала в Северную Каролину. Надеюсь свидеться с ней там следующим летом. Ты сошла бы за ее близняшку».

Я оглядывала Сару, пока та говорила. Небольшая. Ну, все женщины в мотеле выглядели некрупно, кроме Чики с ее чувственными формами, но эта девушка была миниатюрной. Не более 1,5 м. Милая, пропорциональная фигура для столь малого роста. Брюнетка с золотистыми бликами в прядях, голубые глаза, приятный загар и веснушки на носу.

Она была очаровательной. И это была ненависть с первого взгляда.

— Джо — дочь Фесса, — сказал Грант. — Она твоего возраста. У вас должно быть много общего.

Она захихикала и с обожанием посмотрела снизу вверх на Гранта: «Кит может поехать с нами на пляж? Нам не обязательно брать твой байк. Можем взять машину».

— Да, конечно. Кит, хочешь? Ты, похоже, уже готова и в пляжном виде.

— Эм, нет, я просто хотела захватить несколько книг, если не возражаешь, — пробормотала я.

— О, пожалуйста, поедem, Кит. Будет здорово, — попросила Сара Джо.

Она вправду такая милая или это спектакль? Я уже была один раз одурачена женой Блу, Джен. Неуверенная в своих чувствах, я не хотела довериться и провести весь день с ними.

— Возможно, в другой раз. У меня мигрень, и на солнце лучше не станет, — соврала я.

— Тогда не читай слишком долго, — Грант странно посмотрел на меня, давая понять, что не совсем верит моим оправданиям. — Чтение тоже мигрени не поможет. Но дверь не запираю, смотри, что хочешь.

Затем он повернулся к Саре Джо: «Пойдем, детка. Взяла шлем?».

— Да, он здесь, — она подняла левую руку. Ее правая рука покоилась на талии Гранта. Сара махнула мне, пока они удалялись: «Мне жаль, что ты неважно себя чувствуешь. Может, в другой раз?».

— Да, конечно. Определенно, — ответила я вслед, стоя у открытой двери Гранта.

«Определенно ни за что на свете», — подумала я, глядя в пустой проем, но не заходя внутрь, пытаясь разобраться в своих чувствах.

Не ее милая внешность меня беспокоила. Я тоже была хороша. Ее голубые глаза и игривая натура меня не волновали. Я всегда получала комплименты своим большим карим глазам. Люди всегда говорили, какой сообразительной я была. Закрыв дверь, я пошла

обратно в четвертый номер, размышляя на ходу. Я услышала, как заводится байк Гранта.

И замерла, как вкопанная. Вот что беспокоило меня так сильно. На Саре Джо был его жилет.

Остаток дня я провела, пытаясь занять себя делом, в целом довольная, что не выставила себя душой перед Грантом. У него была девушка. Не знаю почему, но никогда не возникало мысли, что такое возможно.

Я попросила Чоудера помочь подсоединить шланги, потом спустила Дэмиена и Люцифера в пустующий бассейн и вымыла их. Им это было по нраву. Около часу дня показалась Мо, и я спросила, может ли она свозить меня в магазин. Она скептически посмотрела на меня, и я добавила, что Гризз дал мне разрешение поехать с Грантом. Я не видела причин, почему будет проблематично, если Мо захватит меня с собой в пару мест. Она дала знак, что согласна и ей нужно десять минут. Этого времени было достаточно, чтобы вернуться в четвертый номер, проверить Гвинни, переодеться, прихватить головной убор, солнечные очки и достать немного денег.

Гризз недавно показал, где он хранил кое-какую наличку на случай, если мне что-то понадобится. Я впервые воспользовалась этим предложением. Мои глаза расширились, когда огромное количество купюр оказалось передо мной, выбор не стоял, пришлось взять стодолларовую. Меньшего номинала там не было.

Я присоединилась к Мо в ее машине, она водила Фольксваген Жук. Понятное дело, он оказался черного цвета. Я сказала, что мне нужны бюстгалтеры, единственный предмет одежды, который так и не появился в мотеле. Кроме того мне хотелось купить еще один купальник. Мы направились на незнакомый мне север Форт Лодердейла в Pompano Square Fashion Plaza.

Я зашла в JC Penney примерить бра и тут же с удивлением обнаружила купальники. Был конец июня, и в это время года коллекции купальников уже разбирали подчистую. Я остановилась на оранжевом и бирюзовом бикини, прикрывавшим низ лучше, чем модель, которую отдала мне Джен. Я ободряюще предложила Мо тоже что-нибудь примерить. Никогда я не видела, чтобы она носила что-то еще кроме черных футболок и черных джинсов. Она лишь улыбнулась и покачала головой.

Я спросила, можем ли мы по дороге назад отыскать продуктовый, она кивнула и отвезла меня в маленький семейный магазинчик. Не лучшая часть города, но я не опасалась находиться здесь. Только беспокоилась, что может подумать Гризз, узнай он о нашей поездке сюда. Пыталась ли я неосознанно угодить ему? Покупки в продуктовом были сделаны быстро и без происшествий, и не успела я моргнуть, как мы уже мчались обратно в мотель.

Мы были на 84 трассе, ехали на запад, как вдруг Мо свернула налево. Я сообразила, что мы едем в небольшой городок Дэйви. Я спросила, куда мы направляемся. Она указала на встроенную пепельницу, вытащила маленький ключик и помахала им. Затем до меня дошло. Мы ехали в почтовое отделение. Интересно. Было любопытно узнать, что кто-то еще помимо Гранта получает письма.

Вскоре мы подъехали и припарковались у крошечного строения. Я спросила, можно ли и мне пойти внутрь. Она пожала плечами, имея в виду: «Почему бы и нет?», и я пошла за ней. Мы вошли в тесный вестибюль, в котором разместились почтовые ящики. Прислонившись к стойке для посетителей, я огляделась и заметила доску объявлений. Там висели заметки о

потерявшихся собаках, лошадях на продажу, нянях и домработницах для найма.

Я услышала, как приближается Мо, и уже поворачивалась, чтобы пойти следом, как что-то привлекло мое внимание. Старое, пожелтевшее со временем объявление о пропавшей. Девушка на картинке выглядела знакомо. У нее были длинные черные волосы с пробором посередине. Кроме этого я не смогла определить, что еще вызвало мысль о знакомом мне человеке. Потом меня осенило, и моя челюсть отвисла. Я прочла текст:

Вознаграждение 25 000 долларов

Пропала девушка

Последний раз ее видели 12 ноября 1969 года

Мириам Паркер

20 лет

Это была Мо.

Я напрочь забыла пошпионить за почтой, которую несла Мо. Я шла за ней к машине, затем села. Должно быть, я вела себя необычно тихо, потому что она продолжала глядеть на меня, заводя машину. Я безмолвствовала. Не знала, что сказать. Тот плакат был напечатан шесть лет назад и гласил, что ей было двадцать лет тогда. Значит, сейчас двадцать шесть. Ее настоящее имя Мириам Паркер. Мне подумалось, что это и ее возраст — первая личная информация о Мо, которую я узнала, не считая отрезанного языка.

За ее возвращение предлагали огромные деньги. Такая сумма и сейчас внушительна. Значимое свидетельство, говорившее о том, что она была любима. Что кто-то по ней скучал. Сколько раз она бывала в этом отделении? Разумеется, она знала, что объявление висит там. Может и нет. Оно затерялось в множестве разных флаеров. Мне хотелось знать, была ли она родом из Дэйви. Если была, то насколько спокойно она себя чувствовала, направляясь в местный почтовый офис? Сомневаюсь, конечно, что с короткими волосами и тяжелым макияжем, ее кто-то опознает. Ее похитили? Ее семье угрожали, как и моей?

Мне так сильно хотелось расспросить Гризза, но я не была уверена, что стоило заводить этот разговор. Можно было спросить Гранта, но я все еще не определилась с вихрем эмоций, связанных с ним. Если она находилась в банде с момента исчезновения, значит, она прибыла в мотель одновременно с Грантом. Интересно, что было известно ему.

Мы ехали обратно, она вела по проселочной дороге. Сейчас мы находились в самом сердце Дэйви и свернули на грунтовую дорогу, долго следуя затем вдоль изгороди. По другую ее сторону располагались красивые пастбищные угодья. На поле я заметила лошадей. Машина остановилась в тени. За оградой росло гигантских размеров фикусовое дерево, под ним стояли две лошади. Мо улыбнулась и указала на них. Я взглянула на лошадей, потом на нее.

— Ты любишь лошадей?

Она кивнула и улыбнулась. Затем ее улыбка исчезла, она выглядела не опечаленной, но задумчивой. Словно вспоминала прошлое.

— У тебя были лошади? — спросила я, немного поднажав.

Последовал небольшой кивок. Она не сводила глаз с одной из них — большой гнедой.

— У тебя была лошадь, выглядевшая, как эта?

Я перевела взгляд с нее на лошадь и обратно, и уже поняла. У нее не было лошади, «выглядевшей, как эта». Это и была ее лошадь. Мы только что шагнули назад в прошлое Мо, и я одновременно гордилась, что меня удостоили такой чести, и печалилась, что она вынудила меня приобщиться к этому. И снова — я не знала, что сказать. Она вывела

маленького «жука» на проезжую часть и сделала резкий разворот. Мы направились обратно в мотель.

Унося продукты в четвертый номер, я сказала ей, что готовлю ужин, и она приглашена. Мо помогла донести мои покупки из JC Penney и оставила их на диване. Я не слышала, как она вышла.

Сдачу я вернула на место и пошла покормить животных. После я убрала в шкаф новое белье и купальники и занялась готовкой на кухне.

Не помню, я говорила, что умею готовить? Становясь старше, я сама этому училась и весьма преуспела. Думаю, сработал инстинкт выживания. Винс и Делия обычно перекусывали «У Смитти» или приносили домой еду на вынос из фаст-фуда. Довольно-таки быстро мне надоели макароны с сыром, томатный суп и еда из забегаловок, так что я стала экспериментировать. Судя по периодическим просьбам Винса и Делии, я отлично справлялась с готовкой.

Тогда я впервые почувствовала, что хочу сделать что-нибудь приятное для постояльцев мотеля. До сих пор я делала небольшие перекусы для себя, реже для Гризза. Он никогда не просил меня готовить для него и в основном питался едой на вынос из множества баров, которыми владел. Мо еженедельно закупала продукты из небольшого списка, составленного мною. Я жила на овсянке, сыре-гриль и сэндвичах с беконом, салатом и помидорами. Я хотела снова начать готовить.

И вот, стоя на кухне в мотеле, я на скорую руку управлялась со спагетти и свежеприготовленными фрикадельками. Кроме моей собственной пасты все было готово. Я не обследовала тщательно кухню Гризза и потому слишком поздно обнаружила, что нет дуршлага для пасты. Я отыскала Чоудера, и тот быстро смастерил мне нужную утварь из какого-то старого сита. Выглядело грубовато, но свою функцию исполняло. Я поблагодарила его и сказала, что ужин будет в семь.

Вот так Гризз застал нас троих. Мо и я сидели на диванчике. Чоудер в кресле. Мы держали тарелки на коленях, ели, смеялись над чем-то со слов Чоудера.

— Чем так вкусно пахнет? — спросил Гризз, положив стопку документов на рабочий стол.

— Лучшее, черт его возьми, спагетти с фрикадельками, что я когда-либо ел — вот, что пахнет так хорошо, — ответил Чоудер.

— Где взял? — спросил Гризз?

С набитым едой ртом Чоудер указал в мою сторону вилкой.

Гризз взглянул на меня.

— Кто-то свозил тебя до закуской? Надеюсь, на меня осталась порция.

— Приготовила. Мо отвезла меня в продуктовый. Там еще много, накладывай.

— Отлично, умираю с голоду, — сказал он, уходя на кухню.

Чоудер привстал, собираясь уступить место Гриззу, но тот махнул ему сесть обратно и дал нам с Мо знак подвинуться. Мы уселись на диване и так вчетвером в приятной тишине уплетали домашнюю еду.

Под конец ужина Мо и Чоудер разошлись по своим номерам, я начала мыть посуду. Показалось, что я слышала, как Гризз возится со стерео. И была права. Я еще не успела узнать песню, а соблазнительный голос Барри Уайта уже раздавался из колонок. Гризз хотел послушать Барри Уайта? Я на секунду замерла, но потом дала себе волю расслабиться. Мои руки были в горячей мыльной воде, музыка радовала слух, и я почувствовала Гризза позади

меня. Его руки скользнули по моей талии, и он нежно поцеловал меня в висок.

— Кит, милая, не знаю, как долго я смогу ждать тебя. Я старался быть терпеливым. Старался дать тебе время. Просто знай, что это на меня обычного не похоже.

Мои руки не двигались.

— Я немного опасаясь, Гризз. Больше нервничаю, чем опасаясь, на самом деле, — я повернула к нему голову, ладони все еще мокрые в воде. — Знаю, у тебя есть опыт. У меня совсем нет. Боюсь, ты в своей голове придумал какой-то идеальный образ, которому я не смогу соответствовать. Я не хочу разочаровать тебя.

До этого мгновения я и не осознавала масштаб моих чувств. Но я распознала истину в собственных словах.

Я влюблялась в Гризза.

Что касается Гранта — до сих пор не могу объяснить случившееся. Может, все это было нереально. Может, это просто крутилось в голове из-за сна. Я не знала. Да и не имело это значения, потому что, пока я говорила, Гризз целовал меня в шею, и я позволила себе наслаждаться ощущениями. Закрыв глаза, я прижалась к нему.

— Ты не можешь разочаровать меня, малышка, и я не хочу, чтобы у тебя был опыт. Все, что нужно, ты узнаешь от меня, — произнес он, обходя меня вокруг и затем целуя, — только от меня.

В поцелуях у меня тоже не было особого опыта, но я смогла следовать тому, как он направлял меня, и поцеловать его в ответ, как он того желал. Теперь я сильнее тянулась к нему, и если то, что упиралось в мой живот, могло послужить индикатором его чувств ко мне, выходит, я делала все, как надо.

— Все будет постепенно, малышка. Я обещаю.

Эмоции опьяняли. О Гранте я не думала. И о Саре Джо тоже. Я не вспоминала с похищении, Джонни Тиллмане, парне у забора, о Мо. Я растворилась в мужчине, что обнимал и целовал меня.

Я прервала его, взяла за руку и повела в спальню. Он был прав.

Время пришло.

Мой первый раз с Гриззом оказался лучше, чем я ожидала. Он был нежен, он был внимателен, он был терпелив. Столь разительно он отличался от привычного мне главаря отъявленной байкерской банды.

Остаток лета промелькнул без особых происшествий. Я записалась на тот же заочный курс старшей школы, что и Грант. Меня затянула домашняя рутина готовки и уборки. Я ухаживала за животными. Каждый вечер после ужина мы с Гриззом играли в шахматы на маленькой доске, приобретенной в одну из моих вылазок в магазин. Позже он уходил к яме, я читала, выполняла задания по учебе или тренировалась играть на гитаре.

Я никогда не задавала Гриззу вопросов о его делах, а он, в свою очередь, никогда не делился информацией. Изредка я выходила поздно вечером к яме, понятно, что Гриззу необходимо было оставаться там. Помимо обычного времяпровождения у огня, решались вопросы бизнеса. Люди постоянно приходили и уходили.

Два или три раза я ездила с Мо в Дэйви за почтой, и каждый раз мы останавливались под фикусовым деревом.

Думаю, я была счастлива, хотя что-то томило меня. Что-то не давало покоя. Я сражалась с собственными верованиями. Появлялось сильное чувство вины из-за секса вне брака. Я не осознавала, как сильно это тревожило меня до одного августовского вечера.

Мы с Гриззом лежали в постели и уже были готовы заняться любовью. Он был надо мной, целовал меня. Он начал медленно опускаться вдоль моего тела, поддразнивая меня языком и легкими поцелуями. Каждый раз, когда он уходил ниже, я тоже съезжала ниже, заставляя его дюйм за дюймом отодвигаться. Дойдя до моего пупка, он остановился и посмотрел на меня.

Я оперлась о локти, глаза широко открыты. Я наблюдала за ним.

— Черт, Кит, ты что вытворяешь?

— Что ты имеешь ввиду? Я ничего не делаю. А ты?

— Я пытаюсь добраться до твоей кис...

— Фу, прекрати. Не произноси. Ненавижу это слово, оно такое вульгарное. Просто не надо, пожалуйста.

— Кит, я тут сижу с задницей, съезжающей с конца кровати. Сделай одолжение, объясни, почему ты не позволяешь мне приблизиться к тебе там.

— Это слишком личное.

Он странно посмотрел на меня и забрался обратно лицом к лицу ко мне.

— Что означает «слишком личное»?

— Послушай, я просто не думаю, что твое лицо у моей... — я была уверена, что он собирался закончить предложение. — Не произноси это слово!

Правой рукой я машинально игралась с сережкой в его левом ухе, продолжая мысль:

— Твое лицо там — это самое личное, что может быть между мужчиной и женщиной. Даже интимная связь не кажется такой сокровенной в сравнении с этим.

Наконец я это озвучила.

Я избегала орального секса с ним с той первой ночи после ужина со спагетти. Гризз был верен своему слову о постепенности и никогда не делал из этого проблемы, не давил на меня. Когда мне казалось, что он собирается что-то такое сделать, я намеренно его

отвлекала. Когда начинались менструации, и я подумывала, что он, возможно, захочет орального секса, я избегала его. Мне кажется чудом, что я смогла так долго сдерживать его. Я была весьма хороша в выдумывании отвлекающих маневров. Сама я полностью не понимала, почему так. До этого момента. Я постаралась объяснить, как можно понятней.

— Слушай, Гризз. Спасибо Гранту — я никогда не буду девственницей в свою первую брачную ночь.

Он прервал меня прежде, чем я продолжила.

— Кит, я никогда не говорил, как сожалею об этом. Мне ни за что не надо было поручать Гранту сделать такое с тобой. Я не подумал здраво. Ты знаешь, что я больше, чем тот чертов жезл. Я думал, так будет меньше боли, а я даже на секунду не хотел тебя травмировать. Вот почему я дал Гранту сделать это. Я никогда не прежде не заботился о женщине.

Затем он отвел от меня взгляд, и я поняла, чего ему стоило сказать это. То был первый и последний раз, когда я слышала Гризза, вслух сожалеющего о чем-то.

— Я не об этом, — ответила я, мои щеки залились румянцем. — Я хотела сказать, что мне нужно что-то сохранить до того дня, когда я наконец выйду замуж. Должно быть что-то, что я смогу дать моему будущему мужу, что принадлежит только ему. Ведь есть в этом смысл?

Я умоляюще смотрела на него, он не ответил. На его лице показалась тень эмоции, которую я ранее не видела. Я не смогла прочесть ее. Он опустил лбом к моему лбу. Я обвила его шею руками и стала целовать его.

Мы занимались любовью той ночью, и я уснула, благодарная, что он не продолжил настаивать.

Мне казалось, что тема сошла на нет. Через два дня Гризз сказал, что мы едем в особое место, и мне нужно красиво одеться.

У меня не было ни одного платья, так что я надела летний сарафан и сандалии. На нем были новые джинсы и рубашка. На его Корvette мы направились в сторону пляжа. Я донимала Гризза всю дорогу. Что мы делаем? Что за сюрприз?

Я слегка расстроилась, когда мы остановились напротив тату-салона Эдди, и сказала, что не против подождать в машине, но он велел идти внутрь. Его дела здесь каким-то образом были связаны со мной.

Связаны со мной, несомненно. Видимо, у Эдди, ко всему прочему, был сан священника.

В тот день я стала миссис Ричард Дэвид О'Коннел. Оставалось полгода до моего шестнадцатилетия.

Там, в магазинчике у Эдди, были двое покупателей, выступивших свидетелями. Анне-Мэри Морган было восемнадцать, и ей не требовалось разрешение родителей на вступление в брак. Шок был слишком сильным, я даже церемонию вспомнить не могла.

Помню, как сказала, что у меня нет для него кольца, а он ответил не беспокоиться, что эта проблема уладится. Нервничая, я наблюдала, как Эдди, орудуя тату-машинкой, создавал на левом пальце Гризза чудесную свадебную чернильную ленту. Там было мое имя — Кит — и извивающиеся вокруг него стебельки. Пришла моя очередь.

— Я не могу, Гризз, — все, что я произнесла.

— Что значит не можешь?

— Не могу, — мой голос дрожал. — Ненавижу иголки. Я упала в обморок, когда мне прокалывали уши. Дважды! Делия делала проколы швейной иглой с кубиком льда, и я отключалась после каждого раза.

Эдди прервал меня.

— Да все не так страшно, Кит. Давай я, для начала, нарисую эскиз и дам тебе посмотреть, понравится или нет. Ну как? Что скажешь? — спросил он, показывая мне чернильную ручку. — У тебя такой маленький пальчик, что и чернил много не понадобится.

Нехотя я присела. Гризз держал мою правую руку и продолжал повторять, что не так уж все будет плохо.

Эдди, следуя своему обещанию и используя ручку с очень тонким кончиком, начал прорисовывать имя «Гризз» на моем пальце. В процессе он болтал со мной, пытаюсь снять мою тревогу.

— Потом мы проведем линию сюда вправо и нижнюю часть «з» сделаем в виде лозы, чтобы она сочеталась с пальцем Гризза, а дальше мы...

Остаток слов я не услышала. Я вырубилась, а когда очнулась, Гризз, широко ухмыляясь, стоял надо мной.

— И ничего не почувствовала, да?

Как же я опозорилась. Потеряла сознание еще до того, как в ход пошла игла. Сначала должна была появиться она. Я оставалась бездвижной все то время, что делалась татуировка. Уверена, что покраснела как свекла, хотелось просто уползти в норку.

— Давай, миссис О'Коннел, поехали домой.

Мы заехали в славный маленький итальянский ресторанчик по дороге обратно. Он продолжал поддразнивать меня насчет обморока. Я в итоге тоже оценила юмористичность ситуации, и посмеялась над собой.

— Я лишь одного не понимаю, — сказала я ему, пока мы ждали наш заказ.

— Чего, малыш? Чего ты не понимаешь? — спросил он, намазывая булочку маслом.

— Почему я? Ты можешь получить любую женщину, которую пожелаешь, — это очевидно. Почему ты хочешь меня, Гризз? Seriously. Почему?

Он притих и положил булочку, уже намазанную маслом, обратно на тарелку. Я не рассчитывала, что он ответит. Я не могла постигнуть глубину его чувств ко мне. Там, живя по соседству с Гвидо, я ничего такого не сделала, чтобы привлечь к себе внимание. Не сходилось.

Я спросила снова: «Почему я? Понимаешь, я говорю, что мне некомфортен оральный

секс с тобой, и ты женишься на мне. Кто так поступает?».

Именно тогда Гризз рассказал мне историю. Я сидела, замерев, храня молчание, пока он рассказывал мне об одиноком байкере и о маленькой девочке без присмотра родителей, с неаккуратным хвостиком и двумя недостающими передними зубиками.

Все полностью я не поняла, но да. Теперь сходилось.

Когда мы вернулись в мотель, у ямы было больше народу, чем обычно. Я хотела пойти в четвертый номер, но Гризз сказал остаться с ним на несколько минут.

Мы стояли лицом к людям, и он произнес: «У меня есть новость».

В тот момент Грант вышел из комнаты и пошел в нашу сторону. Он остановился справа от Гризза, ожидая объявления.

— Я только что узаконил это. Встречайте новую миссис Гризз.

Произнося эти слова, Гризз поднял мою левую руку, демонстрируя мое татуированное кольцо с его именем. Оно было слишком маленьким, чтобы легко разглядеть, и некоторые из присутствующих стали подсказывать, желая рассмотреть его поближе. Я была перегружена улюлюканьем и криками и взглянула на Гризза, давая понять, что с меня хватит, и я возвращаюсь в номер. Он кивнул мне, давая разрешение.

Я развернулась в сторону нашей комнаты и увидела Гранта, стоящего у своих дверей. Теперь, когда у меня было время поразмыслить над этим, я вспомнила, что его не было среди поздравлявших нас. Я изменила направление и пошла к нему. Не знаю почему, но я чувствовала, что мне нужно было объясниться с ним. Я смотрела под ноги, пытаюсь сообразить, что буду говорить ему, любопытствуя, откуда взялось это чувство, эта необходимость что-то сказать. Я почти дошла до его двери.

Но когда я подняла взгляд, его там не было.

Я стукнула в дверь и вошла, когда он крикнул: «Открыто». Он стоял у стерео, перебирая альбомы.

— Эй, — сказала я.

— Эй, — его голос был обыденным, нечитаемым.

Решившись, я выпалила: «Грант, не знаю почему, но я чувствую, что задолжала тебе объяснение насчет меня и Гризза».

— Нет, не задолжала, Кит, — Грант покачал головой. — Ты ничего мне не должна.

— Тогда почему я чувствую, будто должна?

— Не знаю. Может, из-за нашего секрета?

— Возможно, из-за этого. Я не знаю. Это был сюрприз, понимаешь? Он не сказал, куда везет меня. Не знаю, почему это не дает мне покоя, но ты-то в порядке на этот счет?

— И да, и нет.

Я посмотрела на него, ожидая продолжения.

— Я не знаю, почему ему понадобилось жениться на тебе. Ты очень юна. Но не только в этом дело. Я опасаясь за тебя.

Я хотела прервать его, но он предупреждающе поднял ладонь.

— У Гризза много врагов, Кит. Да, людей, боящихся его тоже много, людей, которые делают то, что он им велит. Но всегда, где-то за пределами поля зрения, будет человек, желающий добраться до Гризза. Сообщив всем о браке, он сильно подставляется. Новость разойдется, понимаешь? Люди узнают, что есть женщина, небезразличная ему настолько,

что он женился на ней. Я просто удивлен, что он сказал об этом всем. Я беспокоюсь о тебе, вот и все.

Я не знала, что ответить. Он не сказал, что расстроен из-за моего замужества, делающего меня более недоступной ему. Да что со мной не так? Я уже не первый месяц в постели Гризза. Я говорила себе, что Грант был с Сарой Джо, и если я и питала к нему какие-то чувства, то должна была подавить их. Ну, так откуда это все лезло?

— Я ценю твое беспокойство. Правда. Не знаю, меняет это что-то или нет, Грант, но с Гриззом я чувствую себя в безопасности.

— Просто сделай мне одолжение, Кит. Оставайся настороже. Никогда не отпускай своих охранников. С такой жизнью ты никогда не можешь быть уверена в том, кто стучится в твою дверь.

— Так и сделаю. Спасибо.

Мы оба шагнули навстречу обняться. Казалось, объятие длилось чуть дольше, чем должно было. Я подняла голову, он смотрел на меня. Мы стояли так еще несколько секунд, показавшихся часами. Он отступил первым и вернулся к своему стерео. Я вышла и направилась к четвертому номеру.

Приближался День благодарения, я вспомнила, что никогда не занималась традиционным для этого праздника ужином с индейкой и всеми обязательными гарнирами.

Гризз сидел за письменным столом, разбираясь с какими-то бумагами, а я в кресле, подшивая разошедшийся на одной из моих блузок шов. Мы, должно быть, смотрелись, как пара с афиши о счастливом браке. Если уж честно, то я действительно была счастлива. Я была увлечена составлением меню и мыслями о моей первой индейке, когда Гризз сказал: «Меня не будет. Можешь поехать с Грантом к Блу».

— Что значит, тебя не будет? Почему нет?

— Ничего такого. Дела, — он обернулся ко мне, положив руку на изгиб спинки стула. — Прости, Котенок, надо ехать, и я не могу взять тебя с собой. Джен из года в год готовит на широкую руку ужин. Тебе понравится.

— Ффух. Seriously? Ужин с Джен? Вот уж не думаю, — уверена, мое разочарование было явным.

— Слушай, она уже несколько месяцев не слазит с Блу, требуя привезти тебя обратно. Я говорил, как это с ней бывает. Она вся в угрызениях совести из-за своего поведения, и, вероятно, разложит перед тобой красную дорожку и будет вести себя лучшим образом, лишь бы заполучить твое расположение. Тебе, правда, стоит поехать. Мо и Чоудер каждый год ездят.

— Ни за что. Я лучше здесь одна посижу, чем снова покажусь в том доме. Нет. Определенно, я не еду.

Я поехала. Грант уговорил меня рассказами о том, как сильно ему нужна моральная поддержка. Он ненавидел бывать в доме своего брата, но, по правде говоря, обожал ребятишек, и Джен вела себя прекрасно в его присутствии.

Я стояла у дверей Мо, постукивая, чтобы узнать о ее готовности. Чоудер уже выдвинулся. Он был приглашен в гости к Чики и сказал, что не хочет ранить ее чувства отказом. Интересно, не соврал ли?

Мо открыла дверь ипустила меня внутрь комнаты. Я никогда толком не осматривалась в комнате Мо. И была поражена. Стены были покрыты прекрасными рисунками лошадей. Я заметила одну, особенно узнаваемую гнедую.

— Ого, Мо, это ты все нарисовала?

Она «произнесла» да и улыбнулась мне.

— Я и не знала, какая ты талантливая художница. Они просто великолепны. Можно мне взять какую-нибудь в свой номер?

Она заулыбалась еще шире и махнула рукой, приглашая меня выбрать одну из работ. Я остановилась на гнедой лошади, пасущейся под знакомым деревом.

— Спасибо. Я оставлю ее здесь, пока мы не вернемся с ужина. Готова ехать?

Она отрицательно качнула головой.

— Нет? Что значит нет? Ты должна поехать. Ты не можешь оставить меня с Джен один на один.

Она лишь пожала плечами и «проговорила» извинение.

— Поверить не могу, что ты не едешь. Ты мне крупно должна за это, — поддразнила я ее.

Она улыбнулась и проводила меня до двери. Я сказала, что привезу ей еды, и она показала мне большие пальцы в ответ.

Я нашла Гранта в его машине и объяснила, что Мо по неизвестным мне причинам не едет.

— Не страшно, — ответил он. — С ней никогда нельзя быть уверенным. Похоже, что только мы с тобой остались. Готова?

— Более или менее.

Мы двинули в Пемброк Пайнс. Я вдруг поняла, что не была наедине с Грантом с того дня, как мы с Гриззом поженились. Чувство неловкости не появилось, и я легко влилась в разговор с ним. Он рассказал мне о курсах в колледже, я рассказала ему, как обстояли дела с моим школьным курсом. Я ни разу не спросила о Саре Джо, и он тоже никогда не упоминал о ней.

У дверей нас встречали Тимми и Кевин, прыгая и крича: «Дядя Грант, дядя Грант, возьми меня на руки, возьми меня!». Меня они вспомнили, и вскоре повисли на мне с объятиями и поцелуями.

Как Гризз и сказал, Джен была сама любезность и доброта. Она суежилась словно с сестрой после долгой разлуки. Я позволила себе получить удовольствие от этого сестринства, но старалась близко не подпускать ее к себе. У меня и сейчас есть сомнения в ее искренности. Я даже позволила себе пару глотков вина за едой и почувствовала, что слегка «поплыла». Я никогда прежде не пила алкоголь и чувствовала себя приятно захмелевшей. Мы с Джен были на кухне, убираясь.

— Кит, я так долго ждала возможности сказать, как я сожалею о последнем твоём визите.

— Все нормально, Джен. Не беспокойся, — ответила я, отскабливая остатки еды в мусорное ведро.

— Нет. Не нормально. Знаю, ты слышала о том, почему я иногда веду себя так. Когда ты была здесь, я не принимала таблетки, думая, что могу быть беременна. Ты попала под удар. Мне очень жаль. Если я могу сделать хоть что-то для тебя, просто скажи. Мне хотелось бы остаться друзьями.

Хмм. С минуту я размышляла.

— Да, вообще-то есть кое-что, что ты можешь сделать, — ответила я.

— Что угодно. Просто скажи.

— Расскажи мне о Мо.

Мо выросла в Дэйви. Ее отчим, женившийся на матери Мо, когда девочке было около десяти лет, был богат и рад баловать новую падчерицу. Это объясняло непомерное вознаграждение. Мать Мо работала в то время на крупную авиакомпанию, хотя она неплохо зарабатывала, она смогла позволить себе уволиться и просто быть мамой для Мо. Вместе с отчимом Мо она родила еще троих детей. Все девочки.

Четыре года до рождения первой сестры Мо была в центре внимания. Ей было четырнадцать, и она взбунтовалась. Связалась с плохой компанией, принимала наркотики, спала с разными парнями. Она потеряла интерес к ее любимым лошадям. На шестнадцатилетие ей подарили новенькую машину, и та закончила свой пробег в озере. Двумя месяцами позже Мо вылетела из школы. В итоге ее поймали полицейские за воровство в магазине.

Родители не могли понять, откуда пошло такое поведение. Зачем нужно было воровать, когда они готовы дать ей все?

Джен не смогла пояснить, почему жизнь Мо покатила по наклонной. Так случается. На словах она в двадцать лет все еще жила дома, но на деле практически не бывала там. Ночевала на диванах у друзей и появлялась, только чтобы взять денег. Когда родители перекрыли ей денежное довольствие, она вломилась в собственный дом и обокрала его. Мне все еще было интересно, как она связалась с бандой.

По версии Джен Мо подцепил один из членов банды. Вроде бы его звали Чип. Сейчас он уже не появлялся тут. Она зависала в одном из местных баров, принадлежащих банде, оказывая сексуальные услуги в обмен на наркоту. Чип забрал ее в мотель и делился ею с парнями. Я посмотрела на Джен. Она знала, о чем я подумала.

— Да, уверена, Гризз и Блу оба были с ней, — сказала она.

Джен продолжила объяснять, что Мо в общем-то стала шлюхой при мотеле. Были и другие женщины, появлявшиеся и исчезающие, но Мо обосновалась там на постоянной основе.

Я не могла более сдерживать свое любопытство.

— Почему Гризз отрезал ей язык? — мне нужно было это знать.

— Похоже, что Мо договорилась, — сказала Джен тихо. — Она не переросла избалованную принцессу в себе, постоянно хвалилась, что ей не обязательно жить в мотеле в качестве шлюхи. Ее семья была богатой, и она могла отправиться домой в любое время, когда пожелает. Была только одна проблема с этим. Ей нельзя было верить. Она жила в мотеле и слышала слишком много секретов. Слишком многое повидала. Никто ее всерьез не воспринимал, но все же риск был.

Джен сказала, что над Мо постоянно глумились и унижали некоторые постояльцы. И как человеку справляться с этим? В случае с Мо она направила свою обиду на единственного человека, которого она считала слабей себя. На Гранта. Ему было всего десять или одиннадцать.

Блу только познакомился с Джен и не часто появлялся в мотеле, так что Гризз взял Гранта под крыло. Не было ясно точно, но Джен пребывала в уверенности, что хотя Мо и не вредила ему в физическом смысле, она вела себя мерзко с ним. Там, где остальные добродушно подтрунивали над ним из-за его некрупного внешнего вида, она была жестокой и стала помыкать им. Обращалась с Грантом, как с рабом, заставляя дожидаться ее указаний и исполнять их. Она осторожничала и не делала этого, если вблизи были Блу или Гризз.

Но Мо не подозревала, что Гризз был в курсе всего происходящего. Все произошло через пару недель после того, как Мо стала доставать Гранта.

Позже Гризз рассказал Блу, что позвал Мо к себе в комнату ради секса. Она всегда извивалась лишь бы угодить Гриззу. Джен думает, что она в тайне была влюблена в него. Когда они зашли в комнату, Гризз растегнул джинсы и сказал ей опуститься на колени. Мо оскорбило его нежелание полноценно заняться с ней сексом. Он просто хотел, чтобы она ему отсосала. Она бросила неуместный комментарий насчет того, что «минеты — работа мелкого». Она, видимо, думала, что это было мило и забавно, но у Гризза перемкнуло.

Я была в шоке. Я не могла соотнести кроткую и непритязательную Мо со злобной, сквернословящей, дрянной девчонкой, о которой рассказывала мне Джен. Я понимаю, почему Гризз взбесился из-за того комментария, но отрезать ей язык?

— Разве это не заставило ее еще больше ненавидеть Гранта и держать обиду?

— Так сначала и можно подумать, — ответила Джен, — но никогда не знаешь, куда повернет судьба.

— Что ты имеешь ввиду?

— Ну, Гризз оставил ее в комнате, истерически вопящую, истекающую кровью. Никого не тронули ее мученья и увечья. Кроме одного человека.

— Кто это? — но я уже знала ответ.

— Грант. Он заботился о ней, пока она выздоравливала. Маленький парнишка, который не покинул ее даже после того, как она обращалась с ним.

Я могла представить Гранта, выхаживающим Мо. Я неоднократно видела, как в мотеле он латал кого-нибудь, ввязавшегося в драку. У Гризза был врач на зарплате, и этот медик, когда приезжал в мотель оказать врачебную помощь, отметил интерес Гранта к медицинскому делу. Он показал ему, что делать в случаях несложных травм и оставил медикаменты. Грант был умен. Он, более чем вероятно, мог бы поступить в медицинскую школу.

Я сразу поняла, по какой причине Гризз настаивал на том, чтобы Грант лишил меня девственности той ночью. Он видел в нем воспитанного, тактичного человека, который мог бы лучшим образом решить задачу, как не причинить мне боль. Хотя мне все еще это казалось странным — Грант был тем же человеком, который прибил гвоздями мужчину к забору.

Я вернулась к реальности и моему разговору с Джен. Было чувство, что Гранта и Мо связывали особые узы, но вот какие именно? Если уж честно, то я думала, что без сексуальной составляющей не обошлось, но ошиблась. Так странно было знать, что ее слова насчет Гранта привели к такому увечью. Она могла отомстить или еще больше возненавидеть его. Простое деяние любви небезразличного ребенка все изменило.

Я была тронута.

Я думала об этом и поглядывала на Гранта, пока он вез нас домой. У меня на коленях лежала одноразовая тарелка для Мо, полная еды и обернутая фольгой. Я ощущала себя в легком дурмане после вина и откинула голову на сиденье, но лицом оставалась к Гранту.

Мы притормозили у светофора, и он посмотрел на меня. Я подняла руку и погладила его по щеке: «Ты такой хороший человек, Грант. Я рада, что это был ты».

Он был в замешательстве, но потом сообразил, что я говорю о той ночи, когда он опоил меня в его комнате. Грант взял мою руку и поцеловал ее.

— Я тоже рад, что это был я, Кит.

Мы растворись в моменте, но реальность отрезвила нас. Я убрала руку и села прямо.

— Надеюсь, для тебя и Сары Джо это не создало проблем, — сказала я тихо. — Я понимаю, что она не знает, и я не знаю, чувствуешь ли ты вину за то, что изменял ей. Понимаешь? Я сожалею, если чувствуешь.

Он сразу ничего не ответил, посмотрел перед собой и продолжил вести машину.

— Сара Джо не моя девушка, Кит.

Мое внимание было привлечено, и я посмотрела на Гранта.

— Что? Как это не твоя девушка? Я видела вас вместе. Вы определенно выглядели, как пара.

— Ну, мы не вместе. Мы долгие годы крепко дружим. Фессу не нравится привозить ее сюда, но ему нравлюсь я, и он брал меня к себе домой время от времени. У нее есть двое младших братьев. Они потеряли мать год или два назад. Рак груди.

Я замерла.

— Погоди. Притормози здесь, Грант. Я хочу поговорить, и мне нужно твое внимание.

Он сделал, как я просила, и свернул правей на трассу Гриффин. Кроме апельсиновых роц в семидесятые там ничего не было, и он легко встроился в поток.

Он приглушил двигатель и повернулся ко мне.

— Она не моя девушка, но очень важный для меня человек.

— Ты всегда себя так любвеобильно ведешь с теми, кто не претендует на твою подружку? — несколько раз я видела, как они держались за руки или обнимали друг друга, но припомнить, чтобы целовались, не смогла.

— Мы с Джо ласковы друг с другом, но на этом все. У нее уже пару лет как есть парень из той же школы, где она учится. Какой-то там Стефан.

— Ты же понимаешь, что я думала, будто вы — пара, так? Грант. Ответь. Ты хотел, чтобы я так думала, разве нет?

Он ничего не ответил, просто смотрел на свои колени.

— Так было бы лучше, не думаешь? — прошептал он.

Я не могла верить в услышанное. У Гранта были чувства ко мне, и он пытался их скрыть? Знал ли он, что у меня тоже были к нему чувства тем летом и намеренно отправил их под откос, привезя Сару Джо в мотель?

Я коснулась его лица и повернула его к себе. Мы смотрели друг на друга. Я так сильно хотела поцеловать его, но предать Грizza я не могла. Я не знала, что делать. В голове был вихрь. Я вспомнила, как старалась быть поближе к Гранту после того сна. Тогда и появилась Сара Джо. Он сделал это целенаправленно, чтобы переубедить меня?

— Что было бы лучше, Грант? — слезы пощипывали мои глаза.

— Неважно, — в его голосе была пустота. — Этого никогда не случится, мы оба знаем.

Я не могла так просто отпустить ситуацию.

— А если бы могло случиться? Ты бы захотел? Ты бы захотел меня?

— Кит, я желал тебя с первой ночи. Ты сидела там, у ямы, такая храбрая, такая красивая в этих джинсах и той цветочной рубашке. Я собирался позаботиться о тебе. Я не знал, что Монстр собирался сотворить с тобой, но я бы пошел против него ради тебя. Пока не узнал, что ты привезена Грizzу.

Я запомнила ту ночь во всех красках. Помню такое чувство, будто за мной наблюдают. Я мгновенно вспомнила утро после потери моей девственности. Как я пришла к Гранту просить о прогулке. Он поинтересовался, что я носила в первую ночь, чтобы не надеть это, пока мы будем кататься. Меня могли узнать. Сейчас я знала — все это был спектакль. Он прекрасно знал, во что я была одета в первую ночь в мотеле.

В голове царил смятение. Я не знала, что ответить.

Я не произнесла ничего. Мой ступор был прерван, когда он завел машину. Рев двигателя вернул меня к реальности, и, безмолвные, мы поехали обратно в мотель.

ем одним быстрым движением он оказался сверху, наклонив лицо близко-близко к моему.

— Хорошо, — сказал он, улыбаясь и нежно целуя меня в лоб. — Как насчет небольшого путешествия? Можем снять дом на пару недель. Только мы вдвоем.

Я лишь глядела на него и улыбалась, обвивая его шею руками, целуя его. И потом в одно мгновение, кое-что пришло мне в голову, у меня было желание.

— Знаешь, да, есть одно место, куда бы ты мог отвезти меня.

— Назови его, малыш. Эдди сделает паспорт. Можем поехать в Мексику, Париж, куда угодно. Просто скажи.

— Я хочу в церковь.

Сложно поверить в такое, но я истосковалась по церкви больше, чем по дому. С очень юного возраста я полагалась на мою веру в спасение. Мне не доставало ощущения мира, которое я переживала, находясь там, — знания, что я была безусловно любима, что мне не нужно было зарабатывать эту любовь. Мне не нужно было готовить или заполнять чеки. Нужно было единственное: принять Иисуса, как моего Господа и Спасителя. Я так и сделала в девять лет.

Гризз почесал щеку и сел.

— Я все думал, когда ты начнешь ходить вокруг да около, намекая.

Я вопросительно посмотрела на него.

— Я знал, что ты каждое воскресенье ходила в церковь.

Разумеется, он знал.

— Кит, я не могу отвезти тебя в церковь. Не думаю даже, что это будет толковой затеей взять тебя в любую из церквей на этом побережье.

Годами позже, благодаря связям Гризза, я узнаю, что это мой приход, в частности одна монахиня, подталкивали следователей на розыски. Сестра Мэри-Кэтрин за мной особо присматривала. Она волновалась о маленькой девочке, в одиночку посещавшей воскресную мессу. Она стала мне другом и наставником. По ней я скучала больше, чем по Делии.

Когда я дала себе время подумать об этом, то поняла, что вообще по Делии не скучала. Мне просто не хватало привычной домашней обстановки. Я знала, чего там ждать. Жизнь в мотеле таила неопределенность и потому пугала. Я редко давала себе волю поразмыслить о том, что происходило за пределами четвертого номера.

Так мне и удавалось совладать все эти годы с реальностью криминальной жизни моего мужа: я ее игнорировала. Делала вид, что ее не существует. Были, конечно, вещи, которых избегать не получалось, тогда я разыгрывала сеанс маленькой игры в голове. Называлась игра «этого не случалось».

Когда следователи отказались сотрудничать с сестрой Мэри-Кэтрин, она использовала связи в католических церквях по всему восточному побережью, чтобы мое исчезновение оставалось в фокусе. Пусть в цепочке и были только приходы, все равно ее жест был очень добрым.

— Почему нет? — спросила я его. — Если поедем немного северней или прямо на юг в Майами, это будет вполне безопасно.

— Думаю, велик риск, что тебя узнают. Но у меня есть идея. Доверься мне. Я все решу.

И он решил. Много лет спустя после этого разговора каждое воскресное утро Гризз или сам, или отправлял кого-то, чтобы отвезти меня по аллее Аллигатора на западное побережье Флориды. Ехать было около полутора часов. Иногда он увозил меня в пятницу или субботу, и мы снимали номер в отеле. Он никогда не присоединялся ко мне в церкви. Но всегда ждал, когда я выйду. Позже я начала посещать церковь на своем побережье, когда территории стали развиваться западней. Но Гризз все эти годы держал свое слово.

Рождество и Новый год прошли, приближался мой шестнадцатый день рождения. Не уверена, был ли Гризз в курсе, когда настанет эта дата. Я ошибалась. Гризз знал все. Ну, или почти все.

Я проснулась тем утром и принялась, как обычно, за домашние дела. Гризз чем-то занимался с Чоудером снаружи. Он заглянул в номер и попросил меня подойти. Выйдя, я увидела сверкающий новый черного цвета Понтиак Транс Ам, припаркованный у мотеля. Гризз улыбался мне.

— Нравится?

— Ты купил новую машину? Конечно, мне нравится! Обалденно! Возьми меня прокатиться.

— Нет, ты возьмешь меня в поездку, — улыбнулся он. — Она твоя. С днем рождения, Котенок.

Он обнял и поцеловал меня в макушку. Не знаю, чему я удивилась больше. Тому, что он помнил, когда у меня день рождения, или тому, что он купил мне такой дорогой и неожиданный подарок.

— Ключи внутри. Поехали, — сказал он. — Ты за рулем.

— Не могу.

— Почему нет?

Я покраснела.

— Потому что не могу водить.

Для человека, знавшего каждую деталь о моей жизни, эта конкретная казалась важным упущением.

— Я знаю, что у тебя нет настоящих прав, но у Анны-Мэри Морган они есть, — сказал он мне. Эдди сделал их после нашей свадьбы.

— Но Гризз, я действительно не знаю, как водить. Ну знаешь, сцепление, газ и все такое.

— Как не знаешь? Я видел твое водительское разрешение в прошлом году.

— Да, я сдала письменный тест в феврале, чтобы получить его, но практические курсы должны были начаться только летом после школы. Мне же не надо объяснять, почему я на них так и не попала?

Курьезность ситуации отразилась в выражении его лица, и он громко рассмеялся.

— Как я это упустил?

Я тоже засмеялась.

— Не знаю, но все же ты упустил.

— Запрыгивай и поехали. Будешь учиться.

Остаток месяца я училась у Гризза, Гранта, Чоудера и Мо. Кто бы ни был свободен, чтобы учить меня. Но больше всего времени я проводила с Гриззом. Было несколько правил, на которых он настоял. По крайней мере поначалу, я никогда не должна была ездить одна. Я никогда не должна была ездить по соседству со старым домом. С этими условиями я могла

смириться, но было одно, которое разозлило меня: мне не было позволено ездить куда-либо наедине с Сарой Джо.

Я спорила, что раз он сказал не ездить никуда одной, то поездка с Сарой Джо уже означает, что я не одна. К тому же он сам несколько раз отправлял нас в кино. Но без толку — ему это не нравилось. Дело не в Джо. Сама идея о двух молодых девушках, разъезжающих на Транс Аме ему была не по душе.

— Тогда надо было купить мне старый уродливый драндулет, — крикнула я.

Это был первый наш настоящий спор, и я боролась изо всех сил, но конечно же, не выиграла. Несколько дней я была зла на него. Игнорировала его. Не готовила для него. Даже не спала с ним. Я запиралась в одной из пустующих комнат мотеля, делала домашние задания и читала книги, выходя только чтобы поесть и проверить Гвинни. Он оставил меня в покое, что только больше взбесило меня.

Потом случилось кое-что, чего я не ждала. Я поняла, что скучаю по нему.

Думаю, все потому, что я была увезена из дома, в котором меня практически игнорировали. Здесь Гризз был расточителен на внимание и подарки. С этой точки зрения в наших отношениях он не отказывал мне ни в чем, кроме свободы. Не считая моего первого сексуального опыта с Грантом, он никогда ничем не ранил меня.

На самом деле он меня ужасно баловал.

Гризз был молчалив. Он не говорил много, но был ласков. И не всегда дело было в сексуальном подтексте. Он был чувствителен, всегда держал мою руку на публике или во время прогулки до ямы. Если я подходила одна, он сажал меня на колени к себе. Каждое утро я просыпалась в тепле и защите его рук.

Я подумала, что же я даю взамен. Ну, если это считается, то я давала ему себя. Ему я была предана. Я ведь уже придумала, как сбежать и предупредить Делию и Винса. Но были ли преданности достаточно? К этому моменту я почувствовала себя виноватой и вернулась обратно в четвертый номер. Я не знала, был ли Гризз там.

Он был там, расслабившись сидел в кресле, глаза закрыты. Я чувствовала, что он не спит. Стерео играло один из моих альбомов. Силз & Крофтс играли «Летний бриз».

Сейчас я уже подобрала собственную коллекцию записей. Мы с Гриззом редко сходились в музыкальных вкусах. Он любил рок, и хотя мне кое-что из него нравилось, я получала удовольствие, слушая легкую музыку: Логгинс & Мессина, Брэд, Пол Дэвис, Абба.

Я остановилась рядом, глядя на него.

— С каких пор тебе нравятся Силз & Крофтс?

— Не нравятся, — ответил он, глаза по-прежнему закрыты.

— Тогда почему ты слушаешь их?

— Потому что ты их любишь, а я люблю тебя, и я скучаю по тебе.

Он только что сказал, что любит меня? Мое сердце глухо застучало.

Гризз посмотрел на меня.

— Удивлена, Кит? — в его зеленых глазах было тепло. — Удивлена, что я влюблен в тебя?

Я не знала, что ответить. Даже после последних объяснений его наваждения мною, я не слышала, чтобы он говорил о любви.

Так что я сделала единственное, что пришло в голову. Я подняла спинку кресла — вместе с ним — в вертикальное положение. Потом села к нему на колени и обняла его.

— Я тоже люблю тебя, Гризз, — сказала я.

Я не врала. Пожалуй, для меня это стало бОльшим шоком, чем для него.

Он поцеловал меня.

— Можешь сделать мне одолжение, малыш?

— Да, Гризз, что угодно, — ответила я, улыбаясь. Я знала, о чем он хочет просить, и готова была сделать это.

— У меня голова раскалывается. Принесешь аспирина?

Я откинулась назад и удивленно посмотрела на него.

— Конечно.

Вернувшись обратно с водой и таблеткой, я спросила:

— А что не так? Ты долго был на солнце или что-то еще? У тебя никогда не было головных болей.

— Да нет. Думаю, это из-за твоей музыки.

Уже наступил март, и наконец-то, я была готова вручить Гриззу его рождественский подарок. Мы закончили с ужином, он отошел к рабочему столу присесть и заняться делами. Я вышла в спальню и достала подарок. Он был тяжелым.

Я положила коробку на маленький кофейный столик и широко улыбнулась: «Счастливого запоздавшего Рождества!».

Он обернулся и увидел подарок. Наверное, я его поразила. Или он не привык получать подарки, или решил, что я забыла об обещании. Он лишь взглянул на меня.

— Собираешься сидеть и разглядывать меня или откроешь? — пошутила я.

Не отвечая, он встал и начал приподнимать одной рукой коробку, но, кажется, тяжесть удивила его.

— Ого, что там?

— Ты должен открыть и посмотреть.

Взяв подарок обеими руками, он сел на диван. Я присела рядом, подтянув колени к груди и положив голову на них. Он неторопливо разворачивал коробку. Простая, коричневая. Открыв ее, он достал одну из множества отдельно завернутых деталей. Я наблюдала за его лицом, когда он разворачивал первую.

То был сделанный на заказ шахматный набор, все детали фигурок — ручной работы из слоновой кости.

Он взял первую и посмотрел на меня.

— Как? Как ты достала это для меня, Кит? Если остальные выглядят также искусно, то тебе это обошлось в состояние.

— Неважно. Нравится? — я крепче обняла колени. — Просто скажи, что тебе нравится. О, и доска под кроватью. Она слишком тяжелая, чтобы завернуть ее. Тебе ведь нравится, да?

Я вдруг заволновалась, правильно ли был выбран подарок.

— Как ты заплатила за него? — его взгляд был серьезен.

— Ужасно некорректный вопрос, Гризз. Не беспокойся, твои деньги не брала, если ты о них подумал.

— Я о них вообще не вспомнил. Просто не могу понять, как ты достала такие деньги, — он аккуратно разворачивал фигурки, выставляя их в линию на кофейном столике.

Я сразу поймала момент, когда он сообразил. Было видно по выражению. Один из двух раз, когда я увидела нечто близкое к слезам на его лице. Во второй раз я показывала ему фотографию нашей дочери, когда навещала его в тюрьме.

Едва слышным шепотом он сказал: «Ты продала свою гитару».

Он прав. Я продала гитару. Гитара была особенной, я выручила за нее существенную сумму. Слава Богу, Гвидо успел прихватить ее со двора Делии, прежде чем она продала бы ее. Она мне так и не поверила, когда я рассказала о ценности инструмента.

Я получила гитару в подарок в 1969 году в 9 лет, будучи на Вудстоке с Делией и Винсом. Делия разрешила взять с собой только фломастеры и раскраски. Мы устроились в небольшом кемпинге рядом с молодой парой. Хотела бы я припомнить их имена. У парня была гитара, на которой он играл, когда не было выступлений. В первый же день он заметил, как я уставилась на нее. Думаю, им обоим меня было жаль, Делия и Винс либо спали, либо обкуривались. Парень дал мне несколько уроков, показал основы и разрешил

практиковаться.

В те выходные было дождливо, выступления отложены, а вокруг грязь и бардак. Парочка выдвинулась домой поздно вечером в субботу. Пока девушка паковала вещи, парень позвал меня внутрь и сказал, что хотел бы оставить мне гитару, лишь бы я продолжала учиться играть. Я уже разучила «Джингл Беллз», и он сказал, что получалось неплохо, но требовалась практика, как он учил. Он сказал, что гитара старая, но хорошо настроенная, и мне можно оставить ее для себя. Я была взволнована.

На следующее утро большую часть народа как ветром смело. Я проснулась от громкой музыки, она была так хороша, так завораживающе красива. Джими Хендрикс играл The Star-Spangled Banner на своей электрогитаре. Попытки разбудить Делию и Винса ничего не дали, они были в отключке. Не дожидаясь окончания сета Джими, я схватила черный маркер, мою новоприобретенную гитару и направилась в сторону сцены.

— Прости детка, не могу пропустить, — сказал какой-то официально выглядящий парень на проходной. Ему пришлось перекрикивать музыку.

— Мои родители тут работают, а я бродила по окрестностям с папиной гитарой. Он будет ругаться на меня за то, что я сбежала. Пожалуйста, впустите обратно, пока я не попала в неприятности, — соврала я, громко крича ему.

То ли он поверил, то ли решил, что ребенок не такая уж проблема. Он пропустил меня. Я ждала Джими Хендрикса, когда он наконец спустился со сцены, потом ринулась вперед и остановила его.

— Мистер Хендрикс, не могли бы, пожалуйста, подписать мою гитару? — он не успел ответить. — Я только на этой неделе начала учиться играть.

Кажется, его это потешило, он широко улыбнулся мне. Его лицо блестело от пота, который он смахнул рукой.

— Конечно, есть ручка или что-нибудь еще?

Я протянула ему маркер. Он подписал «Глаза цыганки, Джими Хендрикс, Вудсток, 18 августа 69» прямо на спинке гитары.

— А глаза цыганки — это какие? — спросила я, пробираясь через слова его торопливого почерка.

— Как тебя зовут?

— Гвинни.

— Ну, Гвинни, это песня, которую я записал в прошлом году, но поскольку у тебя глаза самые большие и самые карие, что я когда-либо видел, думаю, сегодня эти слова о тебе.

Я адресовала ему самую широкую улыбку, какую могла.

— Спасибо вам.

Он не ответил. Просто улыбнулся и пошел. С моей подписанной гитарой я пошла обратно тем же путем, что и вошла.

— Эй, твои родители разозлятся, если ты снова вынесешь отсюда гитару отца, — сказал мне парень на проходной.

— Нет, все в порядке, мои родители там, в кемпинге, — ответила я, проходя мимо.

— Что? Ты же сказала, твои родители среди работников.

— Сказала. Простите за вранье. Но зато Джими Хендрикс подписал мою гитару! — я подняла ее, чтобы парень разглядел.

— Отличная работа, — сказал он с улыбкой.

Когда Делия и Винс окончательно протрезвели, чтобы начать собираться домой, я

показала им подписанную гитару. Они не поверили в подлинность автографа. Возможно, почерк был слишком кривым, и они решили, что я подписала ее сама. Или похмелье не давало сосредоточиться.

— Да, я продала гитару, — ответила я Гриззу, глядя в пол. — Ты мне столько всего дал, я просто хотела дать что-то в ответ. Извини, что так долго, но все сделано вручную, и я никак не могла получить его вовремя на Рождество.

Он встал, посмотрел на меня сверху вниз, потом взял за руку, поднял с дивана и поймал к крепких объятиях, почти лишивших меня дыхания.

— Лучший подарок, что я когда-либо получал, Кит. Спасибо. Обожаю его и люблю тебя.

Он поцеловал меня в макушку.

— Теперь поехали вернем твою гитару обратно.

К этому времени я почти позабыла, что была жертвой похищения. Я продолжала маскироваться при выездах из мотеля, но по большей части, я допускала мысль, что обо мне позабыли. Да и ладно. Я не хотела быть найденной.

Здесь всегда появлялись и исчезали новые люди, и я изо всех сил избегала их. Я знала, кем был Гризз. Преступник. Также, как и большинство людей, с которыми он общался. Я презирала то, что мужчина, которого я любила, зарабатывал на жизнь нелегальными способами. Мне был известен только один путь, как справиться с этим, — игнорировать. Но не всегда это было легко.

Я прожила в мотеле почти год. В один из дней я услышала громкий шум снаружи у ямы, крики и улюлюканье. Люцифер и Дэмиен загавкали. Гризз вышел посмотреть, что происходит. Когда все затихло, я тоже вышла. Мне понадобилось несколько минут, чтобы оценить случившееся, и вот тогда меня накрыл ужас.

Молодая пара. Он избит, она изнасилована. Гризз просто стоял там, разговаривая с каким-то парнем, не обращая внимание на произошедшее. Псы прекратили лаять по команде Гризза, но помимо них здесь все еще раздавались крики и стоял ажиотаж. Я едва могла поверить в то, что видела.

Похоже, пару обхитрили и заманили в мотель. Сотворившим это молодые люди были ни к чему, они хотели их мотоцикл. И они, кайфа ради, выдумали забаву из молодого парня и его девушки.

Я подошла прямо к Гриззу и прервала его.

— Ты не мог бы это прекратить, пожалуйста? Ты видишь, что происходит?

Он посмотрел на меня, жестко.

— Не твоя забота, Кит. Иди обратно.

Я огляделась, ища знакомые лица, но таких не оказалось. Где был Грант, Чоудер, Мо? Я видела Монстра, но он был слишком занят собой. Должно быть, изнасиловал девушку, до моего прихода, потому что застегивал джинсы, попутно пиная парня по ребрам. Я возмутилась. Не моя забота? Да Боже правый, я стала свидетельницей изнасилования!

— Гризз, пожалуйста, прекрати это. Ради меня, я прошу остановить это.

Гризз кивнул парню, с которым говорил. Теперь я вспомнила, его звали Чико. В мотеле я заметила его один или два раза. Он не носил жилет.

— Мигель, кончай с этим, — сказал Чико одному из парней, сидевших на садовом стуле. Гризз и Чико вернулись к разговору.

Я мысленно благодарила Бога, пытаюсь совладать с трясущимися ладонями. Не успела я отблагодарить Его, как на моих глазах мужчина по имени Мигель подошел к стонущей девушке, лежащей на земле. Я подскочила. Потом Мигель подошел к только что избитому парню, также лежащему на земле.

По его версии прекратить это означало пустить по пуле в голову каждого. Я только что присутствовала при первой моей казни.

Все случилось так быстро, я даже среагировать не успела. Я была в шоке, но помнила, что при этих людях истерику Гриззу лучше не закатывать.

Я быстро пошла в четвертый номер и захлопнула за собой дверь. Прислонившись к ней, я глубоко дышала и боролась с тошнотой, как вдруг дверь открылась, и я полетела спиной

назад в руки к Гриззу. Он поймал меня и завел внутрь.

— Тебе не следовало выходить.

— Правда? Seriously, Гризз? Так какого черта там произошло? Вы просто стояли, пока того парня истязали, а его девушку насильвовали? — я пыталась контролировать срывающийся на крик голос. — Как ты позволил этому случиться?

— Это была не моя проблема, чтобы разбираться с ней, Кит.

— Это твоя территория, Гризз. Твои люди.

— Чико и его свора не мои люди. Мигель из его парней. Они принимали товар. Та молодежь — сопутствующие потери. Не моя проблема. И не твоя тоже, — он прошел мимо меня к дивану и сел.

Я подошла следом, руки на бедрах.

— Так ты, получается, говоришь мне, что ослепить Монстра, чтобы спасти котенка, не проблема, но останавливать расправу над двумя невинными людьми ты не станешь? Гризз, — я вставила паузу для убедительности, мое сердце колотилось, — ты кивнул, и двое человек были убиты.

— Кит, они не по моей части, чтобы разбираться с ними, — ответил он, включая телевизор. — Ты попросила прекратить. Не моя забота, как он решил это сделать. Если тебе не нравится происходящее снаружи, оставайся внутри. Поняла?

Поверить не могла. Мне казалось, что я знала другого Гризза. Сопереживающего Гризза, который спасал котят и слушал мою музыку. Кого-то, кто следил, чтобы его молодая жена каждое воскресенье посещала церковь.

Сложно поверить, какой наивной я была. В нем все это присутствовало, но я подзабыла, что не мягкостью он дошел до положения главаря. Он был тверд. Он был хладнокровен. Он был беспощаден в своем стремлении получить желаемое.

Я воспользовалась советом, и оставалась внутри так часто, насколько возможно.

Еще несколько дней я ломала голову, пытаюсь придумать, могла ли я как-то иначе поступить. Разумеется, могла. Могла зайти в номер и позвонить в полицию. Но спасло бы это тех двоих? Нет.

Гризза, скорее всего, предупредили бы до приезда полиции, и я могла бы закончить в болоте вместе с остальными. На самом деле, не думаю, что так случилось бы, но я не смогла вообразить, как поступит со мной Гризз, если я по-настоящему доведу его.

Я снова и снова гоняла это в голове. Если бы позвонила, спасло бы это возможных посетителей мотеля от хладнокровного убийства? Возможно. Но что дальше? Хотела ли я вернуться к прежней жизни с Винсом и Делией? А увидеть Гризза, Мо, Чоудера или Гранта в тюрьме? Блу, отправляющегося за решетку, и его разорванную семью? Что насчет Фесса?

Масштаб криминальных действий, разворачивавшихся здесь, мне не был известен, но вряд ли случилось что-то хуже убийства? Или случилось?

Я пыталась вовлечь Гризза в разговор, но он ни разу не потакал этому началу.

— Для тебя лучше будет не знать о таких вещах, — весь его ответ.

После того инцидента с Чико и его людьми я заметила, что Гризз старается быть обходительней со мной, если такое возможно. Он и так баловал меня. Но что-то иное было в его отношении ко мне после того дня. Не могу объяснить, но точно чувствую. Полагаю, Гризз, хоть и настоял на своем и отказался обсуждать случившееся, в тайне тревожился, что увиденное было за гранью. Возможно, опасался, что я охладее к нему. Не уверена.

Потом случилось кое-что, подтвердившее мои подозрения.

В субботу, неделей позже, мы собирались в поездку на западное побережье в церковь. Я упаковывала вещи для ночевки. Погода обещала быть хорошей, и Гризз хотел взять байк. Стоя в полуметре от кровати, он как раз спросил, не выберу ли я повести свою машину. Я ответила отрицательно. Машину я любила, но быть с ним на байке — больше. Казалось, его это порадовало, и, если честно, я была только за.

Вдруг резко распахнулась дверь и с обезумевшим видом вбежала Мо. Слезы стекали по ее лицу. Она схватила Гризза за руку и потащила прямо к дверям. Ей не пришлось прикладывать усилия, мы оба, встревоженные, мчались наружу так быстро, как могли.

Оказавшись на улице, мы проследовали за Мо до границы мотеля, и там увидели его — Дэмиена. Огромный пес лежал на боку, Люцифер метался вокруг, завывая и скуля. Мы слышали в чем дело, прежде чем увидеть.

Огромная гремучая змея, свернувшись в кольцо, нападала на Люцифера. У него получалось уворачиваться и продолжать бросаться и гавкать. Мы подошли ближе, Гризз поднял левую руку и махнул мне отойти. Не успела я понять, что случится, как он достал оружие из-за спины из джинсов. Змея была убита одним выстрелом.

— Видимо, защищала гнездо, — сказал он. — Иначе только укусила бы и ускользнула прочь. Остаться и нападать не стала бы.

В змеях я ничего не понимала, так что просто кивнула, будто знала, о чем он говорил.

Гризз сказал садиться в машину. Я побежала в четвертый номер за ключами, бегом вернулась обратно к своей машине и села внутрь. Я завела ее и подъехала к ним. Гризз, неся Дэмиена, сказал мне пересесть на пассажирское сиденье. Я перевела машину на нейтралку, быстро перебралась через руль и ждала, пока он уложит Дэмиена мне на колени. В этот момент вышел Чоудер и поинтересовался, по какому поводу переполох.

— Звони ветеринару, скажи, что был укус змеи. Похоже, даже два. Я буду у него через десять минут, — Гризз повернулся к Мо и добавил. — Ты не можешь поехать.

Думаю, она уже ждала этого ответа, и было видно — она места не находила себе и переживала за Дэмиена. Запрет стал понятней, когда мы подъехали к ветеринарной клинике в Дэйви. Разумеется, Мо не могла приехать. Если она была своей в сельском сообществе и выращивала лошадей, ее вполне мог узнать кто-нибудь из работников.

Чоудер, должно быть, успел поговорить с кем-то здесь, потому что нас ждали, едва мы появились. Гризз припарковался и обошел машину, чтобы поднять Дэмиена у меня с коленей. Они ждали с носилками, но Гризз их проигнорировал. Работники, сообразив, что Гризз не будет укладывать животное, побежали вперед, открывая перед ним двери. Следуя за двумя ассистентами ветеринара, мы пересекли комнату ожидания и оказались в одной из процедурных, где Гризз положил Дэмиена на стол. Врач был на месте и сказал ждать снаружи.

В комнату ожидания мы не вернулись, вместо этого взяли стулья и сели прямо у дверей. Я не видела, ждал ли кто-то еще из посетителей, когда мы ворвались, да и не важно. Я решила, что смертельный укус змеи в приоритете над прочими проблемами.

Ожидание, показавшееся вечностью, на самом деле таким уж долгим не было. Ветеринар вышел и объяснил, что Дэмиену поставлена внутривенно капельница с антитоксом и ударной дозой антибиотиков. Дэмиену придется остаться в клинике, по крайней мере, еще на неделю. Они будут наблюдать за местами укусов и следить, чтобы животное положительно отвечало на лечение. Врач рассчитывал на полное выздоровление, но все же было еще рано говорить об этом. Он сказал нам отправляться домой и позвонить ему поутру.

Следующая неделя будет долгой.

Гризз пожал ему руку и открыл передо мной дверь, ведущую в комнату ожидания. Он задержался у регистратуры и сказал девушке, что вопрос со счетом решит завтра. Она захлопала жирно покрашенными тушью ресницами и ответила, что все порядке. Мы шли обратно, не приглядываясь к сидящим там людям.

Гризз придерживал входную дверь для меня, когда я услышала голос.

— Джинни? Джинни Лемон, это ты?

Вы всегда где-то слышали о людях, которые, думая, что умирают, видят свою жизнь, пронесшейся перед глазами. Вы тайком думали, каково это? Целая жизнь за считанные секунды. Вы, скорей всего, слышали, как попавшие в аварии говорят об увиденном, как о замедленной съемке, и могут пересчитать каждую мелочь.

В такие рассказы я никогда не верила до этого дня.

В этот день я услышала имя, которое не звучало уже почти год.

Я тотчас прочла взгляд на лице Гризза. В тот миг, уверена, он думал, что потерял меня. И еще я удостоверялась в своей правоте, что-то действительно изменилось в нем со дня тех убийств.

Гризз понимал, от того, чему я свидетельствовала у ямы, обратного пути не будет. Он опасался, что я захочу покинуть его, и сейчас он столкнулся лицом к лицу с такой возможностью. Угрозы Делии и Винсу больше ничего не решали. Раз кто-то меня узнал, значит, я уже не пытаюсь устроить побег. Все, что от меня нужно — это повернуться к обратившемуся ко мне человеку и ответить: «Да, это я», — и все закончится. В комнате ожидания сидело много наблюдающих.

Для Гризза было два варианта: схватить меня и тащить к машине или спастись самому, удирая отсюда. Выбирая первое, он рисковал потерять меня, выбирая второе, он вряд ли смог бы вернуться обратно за Дэмиеном.

Вот тогда время застыло. Тогда перед глазами не вся моя жизнь, но последний ее год пролетел перед глазами. Я встретила взгляд Гризза и знала инстинктивно, что собираюсь сделать.

Стоя в проходе, я повернулась, чтобы посмотреть, кто со мной говорил. Я узнала ее мгновенно: Диана Бергер. Не близкая подруга, но несколько предметов мы вместе посещали. Хорошая девушка. Вроде меня. Не то чтобы популярная, но и не аутсайдер.

С исключительно убедительным британским акцентом я ответила ей:

— Вы мне, дорогая? Ко мне обращаетесь?

Это ее удивило.

— Эм, да. Вы похожи на девушку, с которой я ходила в школу. Она пропала, кажется, уже год как в следующем месяце. Вы бы сошли за ее близнеца.

— Меня зовут Амелия, я навещаю кузину, — соврала я на своем липовом британском.

— Мне так жаль. Не могу поверить, что вы не Джинни. Невероятное сходство!

— Нет, дорогая, это мне жаль. Хотела бы я оказаться твоей подругой. Надеюсь, ты ее найдешь однажды.

Гризз схватил меня за руку и повел к машине. Он ничего не сказал. Мы ехали обратно в мотель, и я заговорила первой.

— Думаешь, она поверила мне? — мой голос был негромким.

— Вообще-то да. Черт, кажется даже я тебе поверил, — ответил он скептически. — Где ты научилась изображать подобный акцент?

— Ой, ты же знаешь, как я люблю Театр Мировых Шедевров.

— Я не знал, как ты собиралась поступить, — сказал он, глядя на меня боковым зрением, пока вел машину.

Я ничего не ответила.

— Ты ведь знаешь, я бы не позволил тебе уйти? Я бы затащил тебя в машину и поехал. Забрал бы куда-нибудь еще. Никто бы нас не нашел.

Сюрприз для меня.

— А как же мотель? Твоя машина, твои байки, твои деньги, твои псы?

— Неважно. У меня есть способ вернуть свое в итоге, если захочу.

— Имеешь ввиду, что если, по какой-то причине, меня бы узнали, и появилась вероятность быть мне найденной или спасенной, ты бы не отступил?

— Никогда, Кит. Никогда.

Остаток дороги до мотеля мы двигались в тишине. Когда приехали, он спросил, хочу ли я водителя на утро, чтобы поехать в церковь. Он собирался вернуться в клинику посмотреть на Дэмиена, но не думал, что мне стоит ехать с ним.

— Нет, я могу пропустить церковь завтра. Я хочу быть здесь с тобой.

Знаю, это его осчастливило. Я быстро собрала пообедать, а он вышел ненадолго к яме. Когда он вернулся, я уже лежала в постели. Он забрался позади меня и обнял.

— Не спишь? — прошептал он.

— Уже нет.

— Хорошо, — ответил он, уткнувшись в мою шею.

— Что у тебя на уме?

— Я хочу услышать от тебя непристойные слова.

Что-то новенькое, я засмеялась.

— Ох, да ну? И что же именно ты хочешь, чтобы я сказала тебе.

— А, да неважно. Используй воображение.

— У меня нет опыта в грязных разговорчиках, но я попробую, — поддразнила я его, мои щеки полыхали в темноте.

— Сделаешь мне маленькое одолжение?

— Конечно.

— Можешь говорить непристойности с этим британским акцентом?

Дэмиен выздоравливал быстрее, чем ожидалось, и без последствий. До случая со змеей я не учитывала, какие опасности таятся среди болот. Раньше я никогда не думала о всяких вредителях, разве что посматривала, не покажется ли случайно аллигатор. Теперь думала.

Мы вернулись к повседневностям, я продолжала заниматься своим учебным курсом. Не успела я оглянуться, как наступил 1977, и Анна-Мария Морган стала гордой обладательницей диплома старшей школы. Джинни Лемон оставался еще год до выпускного. Я хорошо водила и могла ездить, куда взгляд падет, но все еще следуя правилам вождения Гризза. Через пару месяцев это изменится.

И все же, мне было мало. Я нуждалась в большем. Я скучала. Моему уму нужны были задачи. Я нашла их практически случайно.

В мотеле я жила почти два года. Как-то я, сидя на диване, красила ногти на ногах. Гризз занимался бумажной работой за столом. Я не интересовалась никогда, что он там делал. Решила, что это должно быть связано с его криминальной деятельностью, и, как он однажды сказал, чем меньше я знала, тем лучше. Я покончила с ногтями и закручивала крышечку лака обратно, как вдруг Гризз с грохотом опустил кулак на стол. Я подскочила.

— Черт возьми! — выругался он.

— Что? В чем дело? — хорошо, что я закончила с ногтями. Его вспышка гнева была столь громкой, я бы обязательно испортила нанесение.

— Просто пытаюсь свести все эти чертовы цифры и все. Не мой конек.

— Так, а что конкретно ты пытаешься с ними сделать?

— Подбить баланс по этой гребаной банковской выписке. За последние три месяца не сведено, и я понять не могу почему.

Я тут же встрепенулась.

— Банковская выписка? Позволь взглянуть, я могу помочь. Я люблю работать с цифрами.

— Да нет. Как-нибудь разберусь.

— Серьезно, Гризз. Я бы с удовольствием. Бьюсь об заклад, я смогу найти, в чем загвоздка.

Он повернулся и взглянул на меня. Похоже, взвешивал варианты. Он был достаточно раздражен, чтобы разрешить мне помочь, и также оставался очень внимательным, стараясь держать меня подальше от его дел.

— Я могла бы быть кем-то вроде секретаря или бухгалтера. Мне не нужно знать детали или род происхождения этих цифр. Поверь мне, я только цифрами интересуюсь, Гризз. Мне нужно размять голову.

Я знала, что победила, ведь он ничего не ответил сию же минуту. Я быстро встала и подошла к нему, удерживая равновесие на пятках, чтобы не испортить педикюр.

— Ладно, Кит, — сказал он в итоге. — Все в твоём распоряжении. Но никаких вопросов. Просто сведи цифры по чековой книжке. Старые выписки тут, — он потянул ящик стола.

Я села и занялась делом. Проблему я нашла очень быстро. В подсчетах одной старой записи вместо плюса поставили минус. Добавились еще 21 доллар и 65 центов, потерянные по ошибке в других графах. Я поняла, почему ему было непросто обнаружить ошибку. Он бы легко ее увидел, если бы проявил немного больше терпения.

Вот так я начала заниматься финансами Гризза. Вскоре пришло понимание, что у него больше, чем один псевдоним. У каждого имени был внушительный баланс на своем счету.

Я вникала все глубже и в одно обеденное время невзначай спросила его: «Почему ты позволяешь этим деньгам просто лежать на месте, а не дать им заработать? Почему не инвестируешь их?»

Не прошло и полного года, как у Гризза и множества его псевдонимов появились приличные портфели акций. Я приносила ему хорошие деньги и негласно надеялась, что если помогу заработать другим способом, он отойдет от криминала.

Еще одно наивное допущение на моем счету.

Один день шел за другим, и не успела я моргнуть, как моей жизни в мотеле было почти три года. Не сказать, что эти годы обошлись без происшествий. Я запомнила один из прошлых летних дней. Прошла пара месяцев после того, как я начала заниматься банковскими выписками Гризза. Мы с Сарой Джо собирались провести день на пляже. Я ехала до ее дома, а там мы собирались взять ее машину. Гриззу нужно было по делам к Эдди, так что он следовал за мной до салона. Остаток пути я проехала сама, было совсем недалеко. Но я сочла это за маленькую победу, и этот день станет началом конца правил вождения Гризза.

Сара Джо жила в отличном районе на стороне океана относительно Федерального шоссе. Дома староваты, но хорошо сохранились. Около одиннадцати утра я приехала и припарковалась на подъездной рядом с ее машиной. Дверь гаража была поднята вверх. Выбравшись, я закинула пляжные вещи в ее разблокированное авто. Дойдя до входной двери, я постучала. Конкретно тот день был будним, ее младшие братишки уехали в лагерь. Фесс вел летние занятия в колледже. Сара была дома одна.

— Готова? — спросила я, как только она открыла.

— Ага. Только вынесу шезлонги из гаража.

Я сказала, что мне нужно воспользоваться ее ванной комнатой, а она ответила, что займется пока погрузкой вещей. Машина была маленькой, Пинто, кажется. Идеальная для нее. Когда я вышла, она стояла перед поднятым капотом, двое парней, которых я не узнавала, разговаривали с ней.

— В чем дело? — спросила я, подходя ближе.

— Не заводится, — ответила она, уставившись на двигатель. — Сэм думает, что у него получится помочь мне.

— Хочешь, я позвоню, вдруг мы хотя бы сегодня поедем на моей?

Один из парней заговорил, не успела Сара ответить.

— Думаю, что смогу починить ее, — сказал тот, что выглядел младше. Сэм, ее сосед. Теперь я его припомнила. Хороший парень, чуть старше Джо, я продолжала вспоминать — недавно он попал в какие-то неприятности. Закончил школу и связался с плохой компанией. Вроде бы Джо рассказывала, что его поймали, как это обычно бывает, за вандализм и наркотики. Его мать-одиночка, Ванесса, просила Фесса помочь вытащить Сэма из тюрьмы. Джо уверена, что Ванесса в курсе насчет байкерской банды и возможного соучастия Фесса, но она была адекватной женщиной. Свои мысли она придерживала при себе, оставаясь молчаливой, но все же не нелюдистой. Она отнеслась по-доброму к семье Джо, когда ее мама умерла годами раньше, и между ними развивались и дальше приятные, дружеские отношения. Казалось естественным, когда она пришла к Фессу за помощью.

Фесс вытащил Сэма из тюрьмы и помог с зачислением в профессиональное училище. Больше о нем не было слышно, и я считала, что с ним все хорошо. По-прежнему живет дома, но обнадеживающе сторонится проблем. Я не узнала парня, который был с ним.

— Кит, помнишь Сэма через дорогу?

Я улыбнулась и сказала: «Привет, Сэм. Как дела? Все хорошо, надеюсь?». Он отвлекся и подарил мне широкую улыбку. Надо же. Не припомню его таким милым. Хотя я в целом не принимала во внимание множество других мужчин, встреченных за всю мою жизнь.

— Кит, — его улыбка стала теплей. — Здорово тебя видеть. Да, все отлично. Как сама?

— Прекрасно. И будет еще лучше, если ты сможешь починить машину Джо, что бы там ни было сломано.

— Ты не собираешься меня представить?

Я не обращала внимания на другого парня, а теперь оглядела его. Увиденное мне не понравилось. Для начала, он пил пиво, облокотившись о мою машину. Наверное, ему уже за тридцать, немного не по возрасту, чтобы болтаться с Сэмом. Выглядел неряшливо. Я не стала его приветствовать, лишь кивнула и вернулась к Сэму и Джо под капот.

— Это Нил, — сказал Сэм, не оглядываясь.

— А вы, барышни, не выглядите так, будто входите в байкерскую банду, — сказал Нил утрированно, фальшиво растягивая слова на южный манер.

Не успели мы ответить, как Сэм сказал: «Заткнись, Нил».

— Оо, да ладно, Сэм, ты же сам хвалился в тюрьме, что тебя вытащат оттуда какие-то байкеры. Значит, связи у тебя есть, — фыркнул Нил в сторону дома Джо и добавил. — А похоже-то, что кроме старика и детишек никого нет. Твой папуля хоть раз за него сажился? — спросил он Сару Джо, кивая на байк Фесса, стоящий в открытом гараже.

Не дожидаясь ответа, Нил пошел прямо в гараж. Сэм, к этому моменту полностью морально раздавленный, продолжал извиняться перед Сарой Джо, попутно умоляя Нила заткнуться и просто уйти.

Стало понятно, Нил, судя по всему, познакомился с Сэмом пару месяцев назад во время короткой отсидки. Не ясно только, что их сейчас связывает. Я думала, Сэм сошел кривой дорожки и теперь заботится о своем будущем. Интересно, каким образом Нил вписывался в эту картину?

Я шепнула Джо: «Звони Гриззу, он у Эдди»,

Сэм услышал меня, и на его лице появилось непонятное выражение. Страх? Облегчение? Джо метнулась в дом. Нил уселся на байк Фесса, издавая звуки рева мотоцикла. Он прервался и крикнул Джо, подходящей ко входной двери: «Оо, собираешься звонить своему старику, большому, злому бандиту? Давай, вперед, сделай это девочка. Готов поспорить, я заставлю его дать мне объездить эту малышку. А знаешь, что? Давай-ка не будем ждать, пока ты спросишь. Неси мне ключи».

Сара Джо проигнорировала его и вошла в дом. Я молилась, чтобы Гризз все еще был у Эдди. Пожалуйста, пусть он там будет. До мобильных телефонов еще было далеко. Одновременно я пыталась прикинуть в уме план Б на случай, если Гризз уже уехал.

Я повернулась к Сэму: «Что не так с этим парнем?».

— Я не смог стряхнуть его с хвоста, Кит, — ответил тихо Сэм. — И я ни разу не рассказывал ему ничего о банде. Клянусь. Наверное, до него дошли слухи в тюрьме. Я освободился, и через пять дней он появился из ниоткуда, вел себя, как мой лучший друг. Не знаю, чего он хочет от меня, и, честно, не знаю, как от него избавиться. В открытую он ничего не требовал, но были намеки навредить моей маме. Я давал ему денег, чтобы он убрался, но он неожиданно быстро возвращается без приглашения, как этим утром, например. Я не хочу неприятностей.

— Все будет нормально. Не волнуйся, Сэм.

— Кит, я не хочу проблем с бандой.

— Я сказала — не беспокойся.

Затем Сара Джо открыла дверь и кивнула мне. Я поняла, что помощь уже в дороге.

Я снова повернулась к Сэму: «Иди домой прямо сейчас. Заходи внутрь и не высывайся. Хорошо?».

— Я не могу тебя и Джо оставить с этим маньяком, — ответил он. — Так неправильно.

Мы постояли еще несколько минут, слушая разглагольствования Нила, доносящиеся из гаража. Я подала Джо знак, давая понять, что со мной все хорошо. Она захлопнула дверь и закрылась изнутри. Сара знала, со мной ничего не случится и потому не медлила.

Этот же момент выбрал Нил, чтобы заорать на нее. В гараже была дверь, ведущая на кухню, пусть и закрытая, но он знал, что Джо его слышит.

— Неси ключи, сучка мелкая, я уеду, и ничего плохого не произойдет, — повторял Нил нараспев. — Тоже мне байкерская банда.

Послышался мотоцикл. Наконец-то. Заняло меньше десяти минут, но по ощущениям словно час прошел.

— Иди, Сэм, сейчас, — сказала я, мой голос был низок и настойчив. — Сейчас же. Закрой дверь и не выходи. Иди. Пожалуйста. С нами все будет нормально. Ты ведь знаешь, кто едет, да?

Он кивнул в ответ и прошептал: «Извини, Кит».

Затем он перешел дорогу и скрылся в своем доме, захлопнув дверь.

Я прислонилась спиной к машине Сары Джо. Ни на что не обращая внимания, Гризз заехал прямо на тротуар. Нил, должно быть, услышал его, потому что звуки в гараже внезапно стихли. Гризз заглушил байк, слез и пошел по подъездной части.

Он подошел, и я спросила: «Ты взял подмогу? Подождешь помощи?».

Он закатил глаза и ответил: «Жди здесь, любимая».

В том, что Гризз справится с Нилом, я не сомневалась, но было тревожно, вдруг Нил вооружен, а я не заметила этого. Он мог в любое мгновение вытащить пистолет и застрелить Гризза.

Хотя и у Гризза всегда при себе оружие. Скорей всего, не из-за чего дергаться.

Я не пошла за ним до гаража, осталась стоять у машины Джо, скрестив руки на груди. По-прежнему поднятый капот и моя машина, припаркованная рядом, перекрывали вид на происходящее. Я чувствовала, как мне полегчало. Не хотелось бы, чтоб любопытный сосед вызвал полицию. Как Гризз собирался разобраться с Нилом, я не знала. Но долго ждать не пришлось.

Нил слез с байка Фесса, пока Гризз шел по подъездному пути Джо. Было заметно, как его затрясло, когда тот заходил в гараж.

— А, блять, чувак. Прости, мужик. Я не знал, что он твой, клянусь, — сказал Нил дрожащим голосом. — Я просто детишек погонял немного.

Он знал, кто Гризз такой. Интересно.

Гризз просто стоял, спокойно опустив руки, пока Нил сбивчиво бормотал.

— Я слышал, как какая-то шпана в тюрьме болтала о парне с друзьями из банды. Я понятия не имел, что это твоя банда, клянусь. Они ни разу не упомянули имя. Пойду-ка я своей дорогой, словно ничего и не было.

За Нилом я увидела Джо, подглядывающую из-за двери, соединявшей гараж с домом. Такой ухмылки я у нее еще не видела. Я улыбнулась в ответ.

— На колени.

— Что? Ты что собираешься делать, чувак? Мужик, пожалуйста, только не грохни меня.

— Вставай на колени, ублюдок.

Громко всхлипывая, Нил опустился на колени. Его трясло еще сильнее. Гризз стоял спиной ко мне. Он медленно подошел к Нилу, и я услышала звук расстегивающейся ширинки.

Что? Зачем он ее расстегнул?

Нил снова заныл: «Чувак, да я же не пидор. Ты что делаешь?»

Ага, что ты делаешь?

— Открой рот, — раздраженно сказал Гризз.

Нил сделал, как велено, но Гризз больше не приближался к нему. Не успела я понять, что там происходит, как от Нила донеслись звуки рвотных позывов. И я поняла, что делал Гризз. Он помочился в его рот.

Следом Нила вырвало. Сделав шаг назад, Гризз застегнул джинсы. Нил стоял на четвереньках и блевал на пол гаража. Закончив, он сел на корточки и закрыл глаза.

— Сара Джо, дорогая, будь добра, принеси мне ложку.

— Конечно, Гризз.

Джо вернулась с ложкой и, обойдя Нила и его рвоту, вручила ее Гриззу. Гризз протянул ложку Нилу и сказал: «Ешь. Все полностью».

Изо всех сил пытаюсь не смотреть на Нила, хотя и не слишком успешно, я сказала Гриззу про сломанную машину Джо и про то, как мы повстречали Нила, про его знакомство с Сэмом в тюрьме и угрозы Ванессе.

Гризз проводил нас с Джо до моей машины.

— Давайте, берите вашу машину и езжайте на пляж. Я останусь и разберусь с этим говнюком.

— Поверить не могу, что ты пописал ему в рот. Думала, ты хотел принудить его к оральному сексу.

Я слышала, как захихикала Джо, достававшая и перетаскивающая наши вещи из ее машины в мою.

Гризз снова закатил глаза.

— После всего времени, проведенного со мной, ты даже не можешь заставить себя сказать слово «минет».

— Один раз сказала. В адрес Джен, — пробормотала я тихо.

Он засмеялся и взял меня за подбородок: «Все такая же — мой маленький, неспорченный котенок. Я люблю тебя, малыш».

— Я тоже тебя люблю, — сказала я. — Только пообещай, что после того, как он приберется, ты на этом закончишь с ним. Обещай. Никакой жестокости или еще чего. Пожалуйста.

— Обещаю, малыш, — он поцеловал меня, пока я пыталась отключить в голове рвотные звуки, слышные из гаража.

Мы с Сарой Джо сели в машину, и я заметила, как опускалась дверь гаража, пока мы отъезжали. Я молилась, чтобы Гризз держал слово и больше не причинил вреда парню. По радио заиграла моя новая любимая группа. Boston исполняли песню «More Than a Feeling» Джо потянулась и убавила громкость.

— Боже, Кит. Я думала, мы лучшие подруги.

Удивленная, я посмотрела на нее.

— Конечно! Почему ты так говоришь?

— Потому что за всю нашу дружбу ты ни разу не упомянула об огромном члене твоего

мужа.

Шло время. Я изредка виделась с Грантом. Он продолжил учебу в колледже и работал над двойной магистерской степенью, его интересовала архитектура. Он все еще появлялся в мотеле, но большую часть вещей перевез, и жил со своей девушкой Синди в ее доме у пляжа.

Мне недоставало дружбы с ним, но я была счастлива с Гриззом. Хотя стала появляться какая-то усталость от мотеля. Я сказала Гриззу, что была готова к чему-нибудь новому. Очень хотелось поступить в колледж. Наверное, я завидовала успеху и процветанию Гранта. Мне хотелось быть кем-то большим, чем просто женщиной Гризза. Не поймите неправильно — он по-прежнему был лучшим для меня. Но я не могла получить всего от отношений. Нужна была цель.

Я вспомнила время, когда была похищена. Всего пятнадцать лет, но свою жизнь я уже распланировала. Я знала, чего хотела. След целей был утерян в романтической дымке внимания Гризза. Я снова стала чувствовать, как скребется внутри стремление к чему-то большему.

Гризз заметил эти изменения быстрее, чем я сама, и пытался отвлечь меня. У него был проект нашего дома авторства Гранта. Мы неделями разъезжали по окрестностям, просматривая земельные участки.

Означало ли это, что ради меня он оставит мотель? Оставит банду? Нет. Он продолжит заниматься тем, чем занимался, а я превращусь в Джен. Буду жить в красивом доме. Растить пару ребятшек. Я терзалась.

Долго это не продлилось. Кое-что случится, и это отвлечет меня от растущего недовольства. Нечто, что никто не предвидел. Нечто, о чем Грант годами раньше предупреждал меня.

Было лето 1978 года. Вторник, жаркая июльская ночь. Гризз отсутствовал в одной из деловых поездок. Он собирался поехать всего на два дня и, кстати, предлагал отправиться с ним. Мне не хотелось. Меня накрыла депрессия, тоска, и я хотела просто бултыхаться в этом состоянии. Тем я и занималась. Лежала на кровати, разглядывая буклеты колледжей. Так сильно хотелось поступить туда.

Перевалило за одиннадцать, но мне не спалось. Дэмиен и Люцифер спали в комнате Мо. Я рассеянно почесывала голову Гвинни.

Я услышала звук открывающейся двери. Странно. Мо? Ей что-то понадобилось для собак? Может, Гризз вернулся раньше. Я соскочила с кровати.

Внезапно передо мной оказалось нечто большое, массивное. И это не был Гризз. Этот мужчина был одет в черное и носил черную же горнолыжную маску. Я даже испугаться не успела, как он ударил меня по лицу, и я упала на кровать.

Силы удара должно было хватить, чтобы вырубить меня, но я не отключилась. Хотела бы я. Еще два часа он многократно продолжал истязать и насиловать меня. Все это время неузнаваемым голосом он продолжал насмешливо обращаться ко мне.

— Баба Гризза, да? Давай-ка посмотрим, захочет ли он тебя после того, что я сделаю.

Примерно так прошли все два часа. Ну, по крайней мере я помню только два часа. Он продолжал избивать меня и подводить к точке потери сознания только лишь для того, чтобы убедиться в моем бодрствовании. Я так ослабела после первого удара и обрушенной следом жестокости. Не было шансов. Думать ясно я не могла, и план побега не родился.

Почему я не заперла дверь? Я ругала себя. Но я никогда не запираю ее. Никогда не было нужды.

Кто оставался в мотеле? Ну, была Мо, и мои защитники вместе с ней были закрыты в ее комнате. Чоудер отправился в редкий рейд за пределы мотеля навестить умирающую сестру. Яма пустовала с учетом отсутствующего Гризза.

Я была одна.

Слова Гранта из прошлого настигли меня: «Просто сделай мне одолжение, Кит. Оставайся настороже. Никогда не отпускай своих охранников. С такой жизнью ты никогда не можешь быть уверена в том, кто стучится в твою дверь».

Что ж, этот парень не стучал. Он просто вошел. Я отпустила свою охрану. Я позволила себе уверовать, что отношения с Гриззом делали меня неприкасаемой.

Как можно было так ошибаться.

Мо нашла меня следующим утром. Я была без сознания, и могу только представить ее панику. Звонить за помощью она не могла. Тогда она отправила сообщения на пейджер всем, у кого он был. Она набрала свое кодовое слово и цифры 911.

Блу приехал первым. Звонить в скорую нельзя. Хотя я и считалась без вести пропавшей не первый год, появляться в общественной больнице было рискованно. Он вызвал врача Гризза. К моменту прибытия доктора я понемногу начала приходить в себя. Я не могла видеть, до такого состояния опухли оба глаза. Зубы уцелели, но губам и подбородку требовались швы. Меня практически невозможно было узнать. Лицо в сравнении с обычным размером раздуло в два раза. Отметки укусов шли по моим грудям, животу и внутренней части бедер. Сломаны ребра, сломано запястье там, где я вытягивала руку, пытаюсь защититься.

Мне дали достаточно обезболивающих, и я больше ничего не чувствовала, не пыталась оставаться в сознании. Не знаю, сколько времени прошло прежде чем я услышала его. Гризз. Он метался по комнате крича и проклиная все. Я не смогла увидеть его из-за опухших глаз.

Постепенно отбывая ко сну, в котором не было боли, я услышала, как он сказал: «Помоги Господь убку, который это сделал. Он будет страдать так, как ни один человек прежде не страдал».

Мне стало почти что жаль парня. Но ненадолго.

Я в тот момент еще не знала, что он убил мою кошку.

Выздоровление было медленным. Тело испытывало невероятное количество боли, и я категорически отказывалась снижать дозы обезболивающих. Врач продолжал регулярно навещать меня. Через пару дней я смогла открыть один глаз.

Пока я восстанавливалась, Гризз до смерти доставал меня. Он одержимо хотел найти парня, сделавшего это. Он постоянно меня допрашивал, не вспомнила ли я еще хоть какую-нибудь мелкую деталь. Слышала ли я звук заводящегося байка? Какого цвета были глаза парня? Какой длины волосы и были ли они заметны из-под маски? Что еще он говорил мне?

Не одну меня допрашивали с пристрастием. Бедная Мо. Основной удар ярости Гризза пришелся на нее.

— Какого хера мои собаки делали в твоей комнате, пока на Кит напали? Я держу этих собак для ее защиты, а не для твоей!

Я умоляла не давить на нее так сильно. И так очевидно, что она чувствовала себя ужасно, отчасти виновато. Он неумоимо продолжал браниться. Мне было так жаль ее, когда я наконец смогла ходить, я вмешалась, насколько хватило моих сил. Но, как я и сказала, Гризз был одержим. И поскольку он не знал, кто это сделал, Мо оставалась девочкой для битья. Честно, я не знаю, тронул ли он ее физически. Надеюсь, что нет. Суть была в том, что он ничего такого не мог сказать или сделать, чтобы она почувствовала себя еще хуже, чем уже была.

Гризз временно передал дела Блу. Он собирался бросить все усилия, чтобы найти нападавшего. Каждому информатору передали, что за сведения, которые приведут Гризза к ответственному за содеянное, назначено внушительное вознаграждение.

Следующие месяцы дали несколько ложных следов. Не могу описать вам страх, который на лицах мужчин, выстраивавшихся передо мной. Он заставлял их говорить со мной, вдруг я узнаю голос. Он заставлял их надевать маску, вдруг покажется что-то знакомым. Я была уверена, что узнаю голос и физическую форму того человека. Ни один из этих парней даже близко не был похож.

Я в конечном счете полностью выздоровела. Но с эмоциональной составляющей все было не так радужно. Я чувствовала, словно меня осквернили, и была уверена, Гризз меня не захочет больше. Но я очень ошибалась. Он колебался, когда я сказала, что исцелилась. Я не признавала, как он боялся причинить мне боль. Мы возобновили наши физические отношения после того, как я переубедила его.

В первый раз было сложно. Я не могла закрыть глаза, постоянно держала их открытыми, а свет включенным. Мне нужно было видеть, что это Гризз. Понадобилось много времени, чтобы позволить ему поцеловать мое тело, я зажималась в ожидании болезненного укуса. Моя борьба лишь подливала горючего в его ярость. Он снова стал донимать Мо.

Как бы я хотела заметить изменения в ней. Но меня целиком поглотило случившееся, я полностью отдалась лечению. Оглядываясь назад, следовало позвонить Гранту и попросить его вернуться в мотель и провести время с Мо. Стыдно сказать, но я не заметила всей глубины ее отчаяния и одиночества, пока не стало слишком поздно.

Был 1979, близилась четвертая годовщина моего похищения. Несколько месяцев до

годовщины нападения. Гризз теперь держал Дэмиена и Люцифера подальше от Мо. Думаю, это ранило ее больше всего, и как ужасно я себя чувствовала, зная о запрете. Достаточно ужасно, чтоб поступить наперекор, и позволять ей видеться с собаками, когда Гризза не было поблизости.

Чоудер так и нашел ее. Гризз уехал, и я отпустила Дэмиена на одну ночь в ее комнату. Люцифера оставила в своей. Чоудер услышал вой Дэмиена следующим утром и вломился в комнату Мо.

Он обнаружил ее безмятежно лежащей в своей постели с пустым пузырьком от таблеток рядом.

Мертвой.

Я не могу описать вам степень моей опустошенности. Я пережила все возможные эмоции: скорбь, гнев, отчаяние, тоска, вина. Много вины. Я думала о себе всегда, как о человеке сопереживающем. Но как так вышло, что я не заметила, насколько сильной стала депрессия Мо?

Потом вспомнились все эти мелочи. Помню, как Гризз брал меня на выезды посмотреть участки для нашего будущего дома. Мо никогда не было с нами. Что случилось бы с ней, покинь мы мотель? Подразумевалось ли, что она останется там на неопределенное время? Меня приводило в ужас, что я ни на секунду не задумалась о ее будущем. Помню все свои жалобы на неудовлетворенность жизнью. А что думала Мо о своей жизни? Как она в действительности жила? Да никак, на самом деле.

Чоудер сделал все необходимые звонки, вскоре в мотеле показались Грант, Блу и Гризз.

Гризз нашел меня сидящей на краешке дивана, уставившейся в выключенный телевизор. Я встала и бросилась к нему. Он решил, я иду в объятия и не ждал, что я в ярости кинусь на него. Я била по нему, вкладывая каждый грамм силы, а он стоял и принимал все удары.

Изнemoжение пересилило в итоге, и я повисла у него на руках. Он поддерживал меня и хотел обнять, но я оттолкнула его и села обратно на диван.

— Что ты собираешься с ней делать? — мой голос был холоден. Отстранен.

— Тоже, что и с остальными.

— Нет, — во мне вспыхнуло раздражение. — Нет! Ни в коем случае Мо не станет едой для аллигаторов и будет просто выброшена. Ни за что Гризз.

— Думаю, мы сможем отвезти ее подальше и похоронить. Если ты этого хочешь, Кит.

С минуту я думала.

— Нет. Не то. Я знаю нужное место. Но не раньше вечера. И мне нужно побыть немножко у нее.

Гризз шел за мной, я направлялась к ее комнате. Грант сидел на пластиковом стуле на дорожке рядом с мотелем, схватившись руками за голову. Он поднял на меня взгляд, и я увидела слезы. Я пошла навстречу и кинулась к нему в объятия, когда он встал. Не знаю, как долго мы стояли там, плача, но Гризз оставил нас наедине.

Я попросила Гранта сходить в комнату Мо со мной. Мне хотелось отыскать какую-нибудь личную вещь, чтобы похоронить ее вместе с ней. Когда мы вошли, Мо все еще лежала на кровати. Никто не позаботился о том, чтобы прикрыть ее лицо. Сейчас я рада, что вынуждена была увидеть ее.

Мо выглядела красивей и умиротворенней, чем когда-либо. На ней не было тяжелого макияжа. Она лежала на покрывале, одетая в белую футболку несколькими размерами больше своего. Единственный раз, когда я видела ее не в черной одежде. Планировала ли она

это?

Я прошлась по шкафчикам, но ничего особенного там не нашлось, только черная одежда, косметика, художественные принадлежности и лакомства собакам. Мы с Грантом уже собирались уходить, но мне пришло в голову посмотреть под кроватью. Там лежала металлическая коробочка, у меня не получалось дотянуться до нее. Грант присел рядом и смог достать и вытащить ее.

Мы открыли ее. Два предмета. Один в пластиковом контейнере под еду. Грант снял крышку, и мы разглядели какой-то маленький кусочек старого мяса, обернутый в целлофан. Это был язык Мо.

Второй я узнала сразу же. Мой кошелек.

Мы переглянулись с одинаковыми выражениями на лицах. Понятно, почему Мо сохранила язык. Это личное. Если бы такое случилось парой лет раньше, меня бы, возможно, стошнило. Но, думаю, жизнь в мотеле закалила меня. Я видела, как людей убивали, так что сморщившийся язык не был поводом расстраиваться.

Но мой кошелек? Она пошла наперекор прямому приказу Гризза. Почему?

Подумалось, что она сохранила его ради меня. Ее жизнь и личность отобрали. Возможно, у нее не хватило мужества уничтожить мою личность, как скомандовал Гризз тем вечером.

— Спасибо тебе, Мо, — прошептала я.

Я положила кошелек в задний карман. И без вопросов было ясно, что Грант никогда никому не расскажет.

Вернувшись в четвертый номер, я отыскала сумку, с которой была в ночь похищения. Я ей больше не пользовалась, и вещица валялась в углу на полке моего шкафа. Я положила туда кошелек и забыла о нем.

Позже вечером Чоудер и Блу аккуратно завернули Мо в покрывало и отнесли тело в пикап Блу. Я ехала с Гриззом и Блу впереди, позади сидел Грант с Мо, Чоудером и лопатами.

Я направила их в единственное подходящее место. Стемнело, но полная луна освещала достаточно, чтобы найти тенистое фикусовое дерево на пустынной сельской дороге в Дэйви.

Я выбрала место, Грант и Чоудер скрупулезно срезали слой травы и скатали его. Потом они начали копать. Я сказала им убедиться, что глубины хватает. Не хотелось оставлять животным возможность добраться до нее. Гризз бережно передал Мо Блу через ограду, который донес ее до края свежей могилы. Прежде чем они опустили ее, я протянула руку под покрывало и уложила там пластиковый контейнер.

Засыпав могилу, они вернули дерн на место. Едва ли земля выглядела, будто была побеспокоена недавно. Уверена, что никто не заметит.

Мы отъезжали, мне нужно было оглянуться. Он был там, и он был величественен — прекрасный, гнедой скакун Мо. Он стоял рядом с ее могилкой.

Спустя годы меня допрашивали в полиции о людях, живших в мотеле. Я не смогла заставить себя выдать последнее пристанище Мо. Я смогла честно рассказать о ее смерти. По крайней мере, для семьи Мо не будет больше неопределенности. Но я не стала говорить им, что она похоронена на их же землях. Не было уверенности, что они не выкопают ее и не перенесут на кладбище, устроив надлежащие похороны. Мое сердце знало, то было единственное место захоронения, которое одобрила бы Мо.

По дороге домой Грант заехал к Фессу и рассказал, что случилось. Позже Сара Джс

скажет мне, что той ночью ее отец плакал, как ребенок. Он переживал, что не смог попроситься с ней, но все же понимал — чем меньше суеты, тем лучше для всех. Он спросил, можно ли ему почтить память Мо. Гризз не стал говорить ему, где место захоронения, но, думаю, Грант мог.

В следующие годы я много раз буду проезжать мимо фикусового дерева, просто чтобы сказать «Привет» моей давней подруге Мо. Развитием той местности по-прежнему не занимались, и поблизости не бывало людей. Но несколько раз я видела увядшие цветы у основания дерева. Уверена, Фесс бывал там.

Я подсознательно винила Гризза за смерть Мо. Черт, я и себя, пожалуй, обвиняла. Я боролась с тем, какой стала моя жизнь. Какое было у меня право на счастье, когда у мертвой Мо его никогда будет?

Я засомневалась в своих убеждениях. Кем я была? Я напомнила себе — свидетельницей убийств. Потом я сражалась с вопросом, почему я вообще должна напоминать себе об этом? Разве убийство не трагедия? Как могла я не думать об этом каждый день?

И хуже всего было то, что я любила матерого уголовника. В тот момент я начала прозревать среди собственных иллюзий о, казалось бы, идеальной жизни с Гриззом. Как можно было убедить себя, что с моим образом жизни все нормально? Кем я позволила стать себе? Видела ли я свое будущее рядом с ним? Собиралась ли я носить его детей?

Я погружалась все глубже в депрессию, и она стала только сильнее тем летом, когда Гризз наконец-то нашел парня, напавшего на меня.

Скажу честно, я никогда не переставала любить Гризза, но после того, что он сделал с напавшим на меня человеком, я стала бояться его, как никогда прежде. Не того, что он может сделать со мной, — я была абсолютно убеждена, Гризз мне никогда не навредит. Но того, на что он способен по отношению к другим.

Нападение, как оказалось, носило очень личный характер. Парня звали Дэррил Хайнс. Он влюбился в светловолосую проститутку из Майами.

Имя светловолосой проститутки — Уиллоу.

Дэррил Хайнс предостаточно наслушался от Уиллоу, как несколько лет назад Гризз выставил ее из банды из-за меня. Он решил что-то предпринять на этот счет. Дэррил с ума сходил по Уиллоу и стремился показать ей свою любовь.

По чистой случайности Дэррил выбрал именно ту ночь заявиться в мотель, когда я была так беззащитна. Он был под кайфом и даже не уверен, окажусь ли я в комнате, когда он ворвется. Он знал, что если появится при Гриззе, то встретит свою смерть. Но той ночью из-за очень сильных наркотиков он плевал на все. Он рискнул и получил свое.

Что ж, теперь удача отвернулась.

Я верила, Дэррил Хайнс обязан заплатить за то, что сделал со мной. Но я никогда не смогу принять то, как Гризз обошелся с ним.

В тот день, когда Дэррила доставили в мотель, я немедленно узнала его голос. Голос, который никогда не получится забыть. Пока Гризз вел его к яме, я оставалась в четвертом номере. Чоудер сказал, что Дэррил упал на колени у ямы и плакал. Он во всем сознался, и больше всего его расстроило то, что Уиллоу, узнав о случившемся, порвала отношения. Она использовала его лишь для мести мне, и когда Дэррил достиг цели, он больше ей не был нужен.

— Как по мне, тебе стоит больше беспокоиться о том, что я собираюсь сделать с тобой, — ответил ему Гризз.

Дэррил всхлипывал.

— Ничего ты не можешь сделать, что ранило бы меня больше, чем Уиллоу.

— Это мы еще посмотрим.

В Южной Флориде стоял нестерпимо жаркий июль. Тем вечером Гризз отвез меня в Нэйплс на западное побережье. Он устроил меня в дорогом отеле у пляжа, сказав, что собирается заняться Дэррилом и не хочет моего присутствия поблизости. Сказал, чтобы я отдыхала, развлекалась и не беспокоилась. Как будто я могу не беспокоиться. Он оставил мне внушительных наличных и вернулся в мотель.

Через пару дней заехала Чики и провела со мной день. У меня не было раньше нормальной возможности узнать ее получше, и было здорово просто поболтать. Все это время мы провели на обособленном участке пляжа. Она рассказывала о себе.

Чики было сорок шесть лет, что шокировало меня. Я думала, она намного младше. Большинство женщин от жизни в банде и наркотиков выглядели грубей и старше. Но не она. Чики сказала, что с бандой она всего на пару лет дольше меня.

— Да, — ответила она, не дожидаясь вопроса, — я была влюблена в Гризза. А кто не был?

Потом она рассмеялась и отмахнулась, как от чего-то незначительного. Она рассказала,

как работала официанткой в местном баре, известном своими горячими крылышками, Гризз подошел и предложил работать на него. Чики рассказала мне, как в молодости работала стриптизершей, так что работа топлесс-барменом ее не напрягала. Деньги платили отличные, к тому же нужно было кормить и учить в школе дочь.

Это меня поразило. Ее дочь была на выпускном курсе в колледже. Чики знала, как удивила меня.

— Пусть я и жила неважно, и решения не всегда правильные принимала, но это не значит, что я не хочу лучшего для моей девочки.

Я поерзала пальчикам ног в песке.

— Как ты с этим справляешься, Чики? Как ты живешь со всеми ужасными вещами, которые видела в мотеле, да и в других местах?

— Я просто живу. Насколько мне известно, я ничего плохого никому не сделала. Разве что любить кого-то — плохая затея.

Я посмотрела на нее. Не успела я озвучить свою мысль, как она ответила: «Нет, не Гризз, дорогая. Я остаюсь поблизости, надеюсь, что Фесс однажды заметит меня. Знаю, он положил глаз на Мо, но все-таки из нас бы вышла хорошая пара».

Я улыбнулась: «Мне тоже так кажется, Чики». Мы откинулись на шезлонги и закрыли глаза.

Через минуту она сказала: «Он, правда, любит тебя, ты ведь знаешь? Гризз. Я его видела со всеми возможными женщинами, — она притормозила и добавила. — Прости, не в том смысле. Я имею в виду, что он мог заполучить любую, какую пожелал, и так он и делал. До тебя. Я прежде подобного не видела. Многие мужчины отправляют своих женщин работать, делятся ею с другими парнями. Это нормально. Но только не когда о тебе речь».

Я привстала на локтях и посмотрела на нее: «Чики, я всем сердцем люблю Гризза. Правда. Но знаешь, я не появляюсь с ним на всех этих байкерских заездах и встречах. Он мог быть с кем угодно, и я никогда не узнаю об этом».

«Да, вот только он не с кем угодно, — она села и взглянула на меня. — Я была на нескольких выездах. На встречах. Видела, как женщины стягивали с себя одежду и швыряли прямо ему в лицо. Он просто отталкивал их».

— Правда? — я удивилась. Это был один из тех пунктиков, о которых я не разрешала себе думать слишком много.

Но сейчас, если поразмыслить, я избегала ямы, как могла, по нескольким ключевым причинам. Первая — грязные взгляды смотревших на меня женщин. Они никогда не выражали неуважения ко мне. Гризз бы не позволил. Но я иногда ловила злобные выражения лиц. Так они были вызваны верностью Гризза мне? Меня это слегка шокировало.

Потом я вспомнила ночь, когда поймала его с Уиллоу.

Слова вырвались, прежде чем я успела остановить их: «Уверена, когда я зашла в номер и обнаружила его с Уиллоу, он все еще делал, что хотел, независимо от меня».

— О, я помню ту ночь, — вздохнула Чики. — Ты пошла к Гранту послушать музыку. Да. Хорошо помню. Он это намеренно сделал, чтобы ты приревновала.

Теперь я была вся внимание.

— Как он мог намеренно это сделать? Нужно точнейшее время, чтобы я поймала его.

— Он подал сигнал Гранту, что хотел знать о твоём приходе за несколько минут до того, как ты выйдешь из комнаты.

— Что? — я села прямо на шезлонге.

— У них есть сигнальная система, — Чики тоже села, рассеянно махнув ладонью. — Удивлена, что ты не знаешь, они пользовались ей некоторое время. Если прикинуть, то с тех времен Гризз и не пользуется больше сигналами, хотя раньше это было обычным делом.

— Что за система? Для чего?

— Раньше, когда в мотель приезжал незнакомец или человек, которому заведомо нельзя доверять, они проводили его в одну из комнат, оказывали небольшое гостеприимство, ну, сама понимаешь. Для банды это — шанс проверить гостя. Прошарить машину или дорожные сумки, если речь о байке. Тот, кто был в здании, знал, что нужно дважды щелкнуть наружный свет. Это означало, что гость через пару минут уходит. Вот так и сделал Грант, пока ты не ушла. Включил на крыльце свет. Ты бы видела, как Гризз мухой тащил Уиллоу в ваш номер.

— Грант был в деле?

— Да нет, он просто видел, что Гризз дал ему сигнал оповестить его, неважно уж по каким причинам, когда ты пойдешь обратно. Парень и не знал в чем дело.

Я засмеялась. Громко засмеялась. Гризз пытался заставить меня ревновать? Ну что ж, если подумать, то, в общем-то, сработало. Если бы я не помчалась обратно к Гранту, а подглядела в щель между окном и шторой четвертого номера, то, готова спорить, увидела бы Гризза, отталкивающего Уиллоу, надевающего штаны и указывающего ей убраться из комнаты.

И все это с большой, гигантской улыбкой на его лице.

Я откинулась обратно.

— Спасибо, Чики. Спасибо, что рассказала.

Днем позже или около того Чики уехала. Меня навещали Энтони Бэар и его женщина Кристи. Энтони с Гриззом были друзьями. По статусу он равнялся Гриззу, главарь своей байкерской группировки, но на западном побережье Флориды.

Помню первый вечер, когда я познакомилась с Энтони, год или два назад в поездке в церковь на запад. Мы остановились до того, как свернуть на аллею Аллигатора. Уверена, у меня рот открылся, ведь я глазела на одного из самых красивых мужчин, что появлялись перед моими глазами. Гризз был массивен и определенно красив, но в своем шероховатом стиле. У него были светлые волосы и глаза, а у Энтони темные. Он происходил из коренных американцев и выглядел точеным, экзотичным, живое воплощение заезженной фразы «высокий, темноволосый, красивый». Черные глаза, черные волосы и, чему я стала один раз свидетелем, темный настрой. Он был крупней Гризза, по меньшей мере, под два метра ростом, мускулист и в татуировках. На волосах носил длинную косу, спускавшуюся по спине до талии.

Кристи была маленького роста, загорелая, натуральная блондинка с волосами до плеч и большими голубыми глазами. Ее не назовешь мелкой, фигура — классические песочные часы, округлая во всех нужных местах. Похищена, как и я. Мы познакомились не так давно, и при первой встрече она совершенно ясно дала понять, что такое положение ее не устраивает. Она даже пыталась привлечь мою помощь для побега.

Мы втроем провели вместе отличный день, расслабляясь на пляже. Время шло к вечеру, и мы вернулись обратно в мой номер в отеле. Кристи была в ванной.

— Извини, что не отправил ее повидаться с тобой наедине. Между нами еще не все утряслось. Мне по-прежнему некомфортно от мысли отпустить ее вне поля зрения, — сказал Энтони тихо.

— Не нужно извиняться. Я понимаю. Я помню, как у нас все было с Гриззом в начале.

Рада, что увидела вас обоих сегодня, — ответила я.

— Ты счастлива с ним? Не хочешь оставить его когда-нибудь? — спросил он.

— Я люблю Гризза. Мне не нравится, чем он занимается. Я бы соврала, сказав, что не фантазирую о будущем, где он изменил свой образ жизни.

Он смотрел в пол.

— Ради нее я бы отказался от такой жизни. Пытался объяснить ей это, но не знаю, верит ли она.

«Ого», — подумала я про себя. Такого признания я не ожидала, особенно от Энтони. Сказать честно, я, кажется, немного позавидовала последнему заявлению.

— Она в последнее время пыталась сбежать?

— Нет, за последние несколько месяцев не пробовала. Не знаю, то ли она, наконец, счастлива со мной, то ли она выжидает, когда я ослаблю внимание.

Последние несколько часов я размышляла. Если Кристи и планировала побег от Энтони, то это не было очевидным для меня. Она вышла из ванной и поймала меня в объятия, продлившись дольше, чем я ожидала. Она не попрощалась. Просто посмотрела на Энтони, он взял ее за руку и вывел из номера. Я тихонько закрыла дверь за ними. Печально было видеть, как они уходят.

Я вышла на балкон и посмотрела на пляж. Вскоре я заметила какое-то движение слева и сообразила, что там, на маленьком тротуарчике, был припаркован мотоцикл Энтони. Перед тем, как сесть на него, он повернулся к Кристи, взял ее лицо в ладони и наклонился нежно поцеловать в губы. Момент был трепетным, и я почти ощутила вину за то, что видела его.

С ней все будет в порядке. И я вернулась внутрь, закрыв за собой двери балкона.

Гризз звонил каждое утро и каждый вечер, и после семи дней у меня появилось очень некомфортное ощущение. Без сомнений он убьет Дэррила, но сделал ли он уже это? И снова — почему я не звонила в полицию? Да что со мной было не так?

Я не могла понять, что происходит в моем сердце.

По прошествии восьми дней появился Гризз и забрал меня обратно в мотель. Дэррил отсутствовал, и все, казалось, встало на свои места. Несомненно, Дэррила не было в живых, но я не знала деталей, и не уверена, что хотела знать.

Грант, в итоге, рассказал кое-что. Лучше бы не говорил. Моя вина — я спросила. Он не оставался здесь в течение всего времени, но знал достаточно.

Пока Гризз заселял меня в фешенебельный отель, парни Гризза разыскивали Уиллоу. Они нашли и привезли ее в мотель. Вернувшись, Гризз сразу же сказал освободить Уиллоу и Дэррила от всей одежды. Потом он заставил их спуститься в бассейн и стоять там.

Именно это они и сделали. Они оказались в ловушке бетонного бассейна без еды, воды и открытые погоде на все эти дни. Палящие, знойные июльские дни без ветра и укрытия. Скоро их кожа покраснела и покрылась волдырями. Ночами температура снижалась, но тогда они были обнажены для комаров и прочей мошкары.

И если это можно счесть недостаточно ужасным, Гризз бросил туда двух ядовитых коралловых змей. Рептилии весь день искали тень, и Дэррил и Уиллоу едва держались, когда показывалось солнце. Змеи все время пытались найти себе дорогу под их обмякшими телами, чтобы спрятаться от зноя.

Чтобы ухудшить ситуацию, Гризз издевался над ними. Не словами, но действиями. Он усадил Дэмиена и Люцифера на ступеньки, по которым Уиллоу и Дэррил могли

попробовать выбраться, поставил над псами зонт и дал Чоудеру указание найти удлинители и поставить рядом пару вентиляторов, чтобы собакам было прохладно. Он следил, чтобы у них стояло по большой миске с водой, но вне зоны доступа Уиллоу и Дэррила. Если они пытались вылезти из бассейна, Дэмиену и Люциферу приказывали атаковать. Такой дали им выбор. Быть растерзанными собаками или умереть, оставшись там.

Гризз использовал их для развлечения вместо обычных вечерних посиделок у ямы. Кто бы ни приезжал в мотель, они садились вокруг бассейна и глумились над узниками. Хотя Гризз там не присутствовал. Им позволялось делать с Уиллоу и Дэррилом все, что пожелают, кроме как помогать или убивать. Надо ли говорить, что некоторых молодых новобранцев банды это очень развлекло — кидали тяжелые камни, запускали петарды и тушили о них сигареты. В одну из ночей Грант был там. Какие-то парни плевали в них, и обезвоженные пленники пытались слизать слюну. Грант увидел достаточно и уехал.

Уиллоу не стало первой. Затем Дэррил. Они умирали медленно, несколько дней заняли эти мучительные смерти, и они немного затянулись из-за пары полуденных ливней. То небольшое количество воды лишь растянуло во времени их уход. Гризз сказал своим парням выбросить их в болото. И не стало никаких доказательств того, что эти люди вообще когда-то существовали.

Не веря, я слушала, как Грант рассказывал, что происходило. Он был там лишь раз, но с него хватило. Чоудер пересказал ему остальное. И как бы Чоудеру ни было ненавистно то, что сделал Дэррил, даже ему, старейшему члену банды, это казалось чересчур для мести. Даже для такого человека, как Гризз.

Фрогги вообще не смог заставить себя приехать туда.

Я чувствовала себя угнетенной. Пустой.

Куда мне было идти отсюда? Мне девятнадцать, исполнится двадцать через шесть месяцев. У меня все еще не было плана на собственную жизнь. Я не видела лично, что стало с Дэррилом и Уиллоу, но мысли о них настигали меня. Я ловила себя на том, как смотрю на Гризза и думаю, что же это за человек, познавший такое зло? Он поступил так в качестве мести за меня и Гвинни, но это знание не помогало мне.

Как бы сильно я ни хотела изменений или только говорила себе, что хотела их, я не сделала ни одного шага к ним. Я была влюблена в Гризза. Я ненавидела его деяния, но я любила его.

К несчастью, любовь к нему заставляла меня ненавидеть себя.

В январе 1980 года я окончательно убедила Гризза отпустить меня в колледж. В 1978 году состоялся бы мой выпускной в школе вместе со сверстниками, и я сильно рисковала наткнуться на бывших одноклассников. Но я втолковывала Гриззу, что просто стану все отрицать, как сделала у ветеринара, если меня узнают. Уже почти на два года растянулось мое отставание в получении бакалавриата. Сара Джо сразу после школы начала учебу в Университете Флориды в северной части штата. Я поступила в Юго-Восточный Университет Коул и приступила к работе над степенью в управлении бизнесом, сконцентрировав усилия на бухгалтерском деле. Там была пара человек из школы, но они так и не вспомнили меня. Я продолжала носить челку, очень нравившуюся Гриззу, но у меня выработалась привычка убирать ее с лица при выездах из мотеля. Еще у меня прижился новый гардероб. Мне нравилось носить на учебу хорошие деловые костюмы. Даже если кто-нибудь припомнит меня, то точно не станет выдавать. Девушка, предположительно сбежавшая в 1975 году, давно канула в лету.

Как-то я шла к машине и слышала, что ко мне обращаются. Не по реальному имени или псевдониму, а по прозвищу в банде.

— Кит! Кит, подожди.

Я обернулась и увидела симпатичного парня с улыбкой, бегущего ко мне. В нем я немедленно узнала Сэма, соседа Сары Джо. После того летнего инцидента с Нилом в гараже я его не видела.

— Сэм! Давно не виделись. Как ты?

Он обнял меня и спросил: «Есть хочешь? Может, по-скорому сходим на ланч?»

До того момента я не признавала, как же хорошо пообщаться с кем-нибудь еще. С кем-нибудь, кто немножко в курсе моей жизни. Тайны выматывали. Все это время я жила в маленьком мирке и помимо Сары Джо завела всего двух подружек: Картер и Кэйси. Они были моего возраста и вместе со мной ходили в школу, и хотя у нас разнилось и прошлое, и специальности в колледже, между нами моментально родилось понимание. Конечно, привести их мотель ни в коем случае не представлялось возможным, да и в самом начале наша дружба ограничилась школьным периодом. В настоящее время я с новыми друзьями не делилась моей реальной историей. Грант и Мо покинули нас, в мотеле оставались только я, Гризз и Чоудер. Чики больше не появлялась. После смерти Мо Фесс тоже редко заезжал. Я ощутила себя одинокой.

Предложение Сэма было сразу же принято, и я поехала за ним в закусочную в Дэйви.

Мы проболтали несколько часов. Странное чувство, ведь я на самом деле не знала Сэма хорошо, и за последние годы от Сары Джо ничего про него не слышала. Сэм рассказал, как тем летним днем в 1977 году наблюдал из гостиной за наказанием, выписанным Гриззом Нилу. Он видел мой отъезд и опускающуюся гаражную дверь. По его словам меньше, чем через полчаса, показалась машина. Двое персонажей, походивших на головорезов, вошли в дом и вышли обратно, сопровождая Нила до машины. Они уехали. Гризз сел на байк и двинул следом. Больше Нил никогда не побеспокоил ни Сэма, ни его мать.

— Ты знаешь, я всегда переживал, что не смог тогда ничем помочь тебе и Джо. Чувствую себя слонтяем, Кит. Прости.

— Пожалуйста, не извиняйся, — я дружелюбно смотрела на него. — Ради Бога, ты же

сам был еще подростком, Сэм. Он был хулиганьем, угрожавшим твоей маме. Ты ничего плохого не сделал. Пожалуйста, оставь эти переживания. Я никогда не считала тебя слабаком. Ни тогда, ни сейчас. Лучше расскажи, как ты очутился в Коуле?

Он объяснил, что с училищем не заладилось, обнаружил, что очень одарен на уровне социальных навыков, и работа с проблемной молодежью ему очень понравилась. Сейчас он работал на полную ставку в местном отделении Юношеской христианской ассоциации и ходил на учебу, чтобы получить степень. Сэм хотел стать социальным работником.

— Эм, Кит, так ты все еще с Гриззом? Ты по-прежнему его девушка или как?

— Вообще-то, Сэм, я замужем за Гриззом, — улыбнулась я.

Новость его шокировала.

— Ого, замужем, — Сэм откинулся назад на спинку дивана. — Не ожидал. Не слишком грубо, если я спрошу, счастлива ли ты в браке? Просто любопытство, ничего такого.

— Нет, не грубо. И да — я счастлива. Я люблю Гризза. И так понятно, что его образ жизни мне не по душе, но я люблю этого мужчину.

Он кивнул.

— Я, однако, не понимаю. Я знаю, кто он и чем занят, ты выглядишь такой милой, умной девушкой. Не могу представить тебя с кем-то вроде него. Прости — знаю, ты любишь его. Но мысль с трудом поддается пониманию.

— Не волнуйся. Мне тоже иногда сложно осознавать это. Знаю, мне не стоит рассказывать, но я стараюсь прикинуть, в уме, по крайней мере, может ли появиться что-то благое из отношений с ним. Увидеть, есть ли минусы, которые можно обернуть плюсами.

— О чем ты говоришь?

Я поведала ему историю. Из нее в моем браке черпалось раздражение. Гризз не раз предупреждал меня, но я не смогла сдержаться.

— Блять, Кит. Я не могу брать тебя с собой повсюду, — сказал он однажды, срываясь.

Я закатила глаза.

— Я просила не выражаться.

— А я просил тебя не влезать во все встречные разборки.

— Я влезла, потому что ты в ответ на просьбу помочь отказался. Тебе все равно! Другого выбора, кроме как вмешаться самой, не оставалось. И раз уж заговорили, не будь мы в дрянном районе — спасибо твоей работе — я бы и половины вещей не видела, на которые вынужденно насмотрелась.

— Ты хочешь моего ареста? Это твоя цель?

— Не глупи. Ничего общего с тем, чтобы втащить тебя в неприятности, только помочь кому-то.

— Да, но ты понимаешь, что я способен на убийство, когда речь идет о тебе? Если я кого-нибудь убью, это останется на твоей совести.

Разговор случился задолго до истории с Дэррилом и Уиллоу. Я знала, как Гризз убил Джонни Тиллмана, и убедила себя, что это совсем другой случай. Отдельное происшествие, и оно не повторится. В конце концов, он не убил Нила в гаражном инциденте.

Спорили мы кое о чем, что случилось днем ранее. Гризз взял меня с собой на встречу с партнером. Мы ехали в его машине, завернули к какому-то обветшалому ангару в неблагополучном квартале Помпано Бич. Помнится, я уже была здесь. У здания стояла одна припаркованная машина.

Гризз оставил авто заведенным и сказал: «Вернусь за пять минут. Люди знают мою

машину, никто тебя не побеспокоит. И мне будет видно тебя из того окна».

Он указал на второй этаж.

Раз за разом повторялись эти слова на множестве деловых встреч. Я знала, он прав. Идти внутрь и с кем-то знакомиться не хотелось. Я достала книгу и тут же приступила к чтению.

Я не успела продвинуться дальше второй страницы, передо мной на высокой скорости проехала машина. В зеркале заднего вида мелькнула вспышка цвета. Слева от водительского сиденья обнаружился ее источник.

Новенький желтый Мустанг. Водитель решил, что сможет объехать здание, но раздался визг тормозов, когда он сманеврировал направо, чтобы завернуть. Я уже бывала в ангаре и знала: он опирается на поддерживающую бетонную стену. Задней парковки не существовало. Водитель быстро сдал назад, но вырулил еще один автомобиль и перекрыл дорогу.

В ужасе я наблюдала, как двое парней выходит из непримечательной зеленой машины. У одного бейсбольная бита, которой он похлопывал по открытой ладони. На вид — конкретные преступники.

Один из парней говорил что-то, недостижимое для моих ушей. Я дотянулась и опустила окно водительского сиденья. На ломаном английском владельцу Мустанга указывали выйти из машины. Выйдет и отдаст ключи — ничего не случится. Угонялся автомобиль.

Я взглянула наверх, ища Гризза в окне. Не нашла. Конечно же, он слышал визги шин и покажется с секунды на секунду. Я ждала. Ничего.

Я вылезла из машины и вошла в ту дверь, за которой скрылся Гризз двумя минутами ранее. Преодолев один пролет, я наткнулась на него, разговаривающего с каким-то пожилым мужчиной. Без ожидания и извинений за прерванный разговор я, пытаясь отдышаться, выдохнула: «Пожалуйста, позвони в полицию. Там внизу угоняют машину».

Старик хотел что-то мне сказать, но Гризз предупреждающе поднял руку.

— Хорошо, мы позвоним. Подожди меня на лестнице, обратно в машину не возвращайся.

— Хорошо, — ответила я, затаив дыхание. — Спасибо.

Я спустилась по ступенькам и в окошечко на двери смотрела на улицу. Он же подросток. Парень вышел из машины, как ему и велели, но что-то он сделал не то, и это разозлило угонщиков. Один из них прижал парнишку к машине, пока второй бегло просматривал какие-то кусты, раздвигая их битой. Потом до меня дошло. Водитель Мустанга заглушил машину, вышел, но взял и перебросил ключи через ограду.

Затем парень, прижавший его к Мустангу, схватил его за загривок и повел к кустам. Я приоткрыла дверь, чтобы расслышать слова. Он говорил на ломаном английском, что лучше ему найти ключи, иначе умрет.

Умрет? За машину? Угонщик толкнул парня на четвереньки, заставляя лазить в кустах, тот заметно паниковал. Уверена, он пожалел, что просто не передал ключи и не позвонил в полицию. Пытался перехитрить уголовников и теперь поплатится. Один из них начал пинать его по ребрам, пока он полз вдоль ограды.

Я прикрыла дверь.

— Гризз? — крикнула я. — Полиция едет?

Ответа не последовало. Я уже поняла, что он не звонил в участок. Это был Гризз. Гриззу все равно, что происходит с другими людьми. Я знала, как обязана поступить. Спокойно

вышла из ангара и пошла к той троице.

— Прошу прощения. Извините, джентльмены. Просто подумала, что вам стоит знать — полиция в пути. Если уйдете сейчас, сможете скрыться до их приезда.

Все трое замерли, двое преступников повернулись посмотреть на меня. По лицу подростка бежали слезы. Он нашел ключи и сжимал их в руке, все еще сидя на коленях, перенеся вес на вторую руку. Я остановилась неподалеку, но недостаточно близко, чтобы замахнуться на меня.

— Просто подумала, что вам стоит знать, — добавила я. Последние слова звучали хрипло.

Они не двинулись, не ответили на мое заявление. Я повернулась и пошла обратно к дверям.

Я услышала, как кто-то из них втянул побольше мокроты для плевка, и почувствовала, как он растекается по моей голове. Затем — смех.

Дверь ангара открылась с таким ударом, что посыпалось стекло. Гризз широко шагнул ко мне. Он, наверное, увидел со второго этажа, как я пошла к этим отморозкам. И за секунду до того, как открыть дверь, через стекло видел плевков.

Позади меня завязался торопливый разговор на испанском, который я достаточно изучила в школе, чтобы понять услышанное.

— Блять, Мэнни! Да ты видишь этого ублюдка, что идет сюда? На кой тебе надо было плевать в девку? Мудак придурочный! Бросай пацана, тачку и валим. Сейчас же!

— Сядь в машину, Кит, — практически рявкнул Гризз.

— Не мучай их. Пожалуйста, я не хочу, чтобы кто-нибудь пострадал, Гризз.

— Им повезет, если останутся живы.

Больше я ничего не рассказывала Сэму. Гризз их не убивал. Сказано достаточно.

— То есть фактически ты понимала, твое вмешательство приведет к тому, что он выйдет спасти тебя и попутно жертву нападения? — Сэм вытаращился на меня.

— Да, именно это я и сделала. Я так и раньше поступала, но обычно далеко все не заходило. Как правило, одного взгляда Гризза достаточно, люди разбегаются. Он тогда впервые применил силу, уверена, если бы Мэнни не плюнул, ничего бы не произошло.

— Ты понимаешь, что Гризз был прав, так?

Это меня удивило. Я глотнула холодного чая и посмотрела на прямо на Сэма.

— Насчет чего прав?

— Прав насчет звонка в полицию. Прав насчет того, чтобы не вмешиваться. Ты, вероятно, подсознательно хотела его ареста.

Я была в шоке.

— Нет, полностью исключено. Я не хочу, чтобы его арестовали. Я люблю его.

— В этом и дело, Кит. Любишь его и чувствуешь из-за этого вину. Пытаешься использовать его, чтобы изменить момент в лучшую сторону, когда сама не в состоянии. Если будешь и дальше продолжать, то это вопрос времени, когда все пойдет наперекосяк. Тебе повезло, что он не убил тех парней.

Сэм был прав.

Вернувшись домой в тот день, я извинилась перед Гриззом за то, что вовлекла его в проблемы посторонних. Я зареклась снова играть в спасителя. Великолечно. Придется теперь придумать другой способ утихомирить совесть.

Сэм не только станет социальным работником, он пойдет дальше до профессии

психолога. Годами позже, уже зная, что я была похищена Гриззом, он соберется написать книгу о Стокгольмском синдроме — синдроме, при котором жертва начинает волноваться о своем тюремщике.

Девушка из его книги до жути похожа на меня. Я дружила с Сэмом долгие годы, и та книга практически испортила наши отношения.

Я продолжала сталкиваться с Сэмом на учебе, и мы эпизодически обедали вместе. Я терзалась, говорить Гриззу или нет. Меня не посещало чувство, что я веду себя неправильно, но он защищал меня и мог просто спугнуть Сэма.

Я запоздало узнаю, что он был в курсе совместных ланчей. Разумеется, он был. Он все знал. Хотя и я ни разу не солгала. Если Гризз спрашивал, чем я занималась после занятий, я отвечала: «Обедала с другом». Наверное, после того, как он, или кто бы там ни был, впервые наблюдал за мной, стало очевидным, что ланч носил исключительно платонический характер. Может, его не беспокоил Сэм, потому что после первой встречи с ним я в тот же день извинилась. Как знать, вдруг он в тайне был благодарен, что Сэм немного вправил мне голову.

Как бы ни было на самом деле, Сэм навсегда станет желанным гостем в нашем доме.

Шел короткий перерыв между весенними и летними занятиями. Блу позвонил в мотель с просьбой. Я осталась в хороших отношениях с Джен после того первого Дня Благодарения. Мы не стали близки в высшей степени, но я любила ее мальчишек и нянчилась с ними, когда только могла. Сейчас они доросли до школьного возраста, а Джен устроилась в адвокатскую фирму. Вроде бы новое место радовало ее, и, насколько я могу судить, Джен избегала срывов с помощью назначенных лекарств и любимой работы.

Блу сказал, что мальчишки подхватили ветрянку и не смогут поехать в летний лагерь. У Джен на работе длился особенно авральный период. С секретаря на полставки она дошла до полной, и потом ее повысили до помощника адвоката. Могла ли я остаться с детьми на пару дней? Или, возможно, на целую неделю?

Принятие решения не заняло много времени. Они были славным маленькими мальчиками, и я приветствовала возможность провести с ними время. К тому же я смогу посидеть у бассейна с книжкой, пока они будут спать. Интересно, а спали ли они по-прежнему днем? Может, и нет. Впрочем, неважно. Пусть состоится этот маленький побег из мотеля. Блу попросил заехать в аптеку и прихватить лосьон. Предполагалось, что я буду присматривать за зудящей сыпью у детей.

Я предупредила Гризза, он не имел ничего против. В любом случае, он был занят. Мы, наконец, выбрали участок на юго-западе от Дэйви, место называлось Тенистое Ранчо. Началось строительство дома, сейчас уже на стадии воздвижения стен. Гризз нанял подрядчика, но упорно контролировал весь проект. Он проводил на стройке как можно больше времени. Знаю, что запугать того парня он не хотел. Ему просто очень нравился процесс строительства. Чоудер тоже много времени находился с ним там.

Я зашла в спальню и огляделась в поисках какой-нибудь сумки сложить свои вещи. На ум пришел мой старый тканевый портфель. Я нашла его закинутым в угол в шкафу, куда сама же небрежно швырнула его больше года назад.

Я остановилась у аптеки, купила лосьон и закинула его в рюкзак. Потом поехала к Блу. Когда я добралась, Джен встретила меня в дверях объятиями.

— Кит, ты нас вывела из тупика. Мы с Блу пытались разбивать дни и сидеть по очереди с мальчиками — я по утрам, он с обеда — но нам стали делать замечания на работе. Ты просто спасительница.

— Рада помочь, ты же знаешь, я люблю ваших ребяташек. Где они? — спросила я,

скинув сумку на скамью за входными дверями.

— Они в игровой.

Я прошла в комнату и была встречена крепкими объятиями Кевина. Он был младшим. Тимми стеснительно смотрел на меня. Наверное, он уже достаточно подросток и смущался теперь, что я прихожу в качестве няньки.

— Ты не забыла лосьон? — крикнула мне Джен из фойе.

— Да, он в моей сумке у дверей.

Если бы я не была так занята мальчиками, то обратила бы внимание, как долго Джен несла лосьон в игровую. Мне стоило не забывать о том днем больше года назад, когда я нашла свой кошелек в комнате Мо. Стоило помнить, что я бросила его в свой старый рюкзак.

Потому что пока я безраздельно посвящала все свое внимание Кевину и Тимми, их мать брала себе на заметку необычайно странно имя. Имя, которое я не слышала и о котором даже не думала больше пяти лет.

Джиневра Лав Лемон.

Возведение дома шло чрезвычайно быстрыми темпами. Уверена, застройщик до смерти испугался Гризза и хотел поскорей покончить с проектом. Хотя Гризз ничего не сделал, чтобы намеренно отпугнуть парня. Он просто оставался собой.

В одну из суббот в конце того лета Сара Джо, все еще отдохавшая на каникулах от учебы, провела со мной день на пляже. Я заработала себе кошмарную мигрень и попросила Джо отвезти меня домой. Мы были на моей машине, и я сказала ей закинуть меня в мотель, а потом ехать к себе на ней же. Гризз потом вернет авто к мотелю.

Сара Джо довезла меня и помогла вытащить сумки. Она убрала мои вещи, постояла в ванной, пока я быстро принимала душ и, завернув меня в полотенце, отправила меня в кровать с двумя таблетками аспирина — лучшая подруга на всем белом свете. Она опустила шторы в спальне и поцеловала меня в лоб.

— Я позвоню позже узнать, как ты, Кит. Постарайся уснуть. Может, боль пройдет к тому моменту, как проснешься.

Моя голова болела так сильно, я даже не помню смогла ли ответить ей. В конечном счете я заснула и открыла глаза дезориентированной. Головная боль сошла до тупой пульсации. Я услышала голоса. Наверное, они меня и разбудили. Гризз спорил с женщиной, чей голос я не узнавала.

— Не понимаю, почему мне нельзя увидеть его. Я перед тобой не обязана объясняться, но тем не менее — я завязала. Мне есть, о чем поговорить с ним.

— Его здесь нет, Кэнди.

— Прекрати называть меня этим мерзким бандитским прозвищем, Дж...

— Заткнись! — рявкнул Гризз — Не обращай ко мне по этому имени. Никто и никогда не зовет меня так.

Кто она? Она начала называть имя, начинающееся с «Дж», обращаясь к Гриззу. Она знала его настоящее имя? Гризз, очевидно, не в курсе, что я тут. Машины нет, он посчитал, что я с Сарой Джо. Я размышляла — дать знать о своем присутствии или нет. Почти чувствовалось, как женщина закатила глаза в ответ на последнее заявление Гризза.

— Ты и твой гребаный бандитский кодекс. Клянусь, Гризз, тебя заносит. Больше я не Кэнди.

— Да мне блять плевать, кто ты теперь. Ты его не увидишь. Он все равно не живет здесь. Он доволен и все у него благополучно. Нет ни одной причины, чтобы ты

пропихивалась обратно в его жизнь только потому, что тебя замучило чувство вины.

— Какой же ты заносчивый говнюк. Если бы не я, ты бы не был сейчас в своем положении. Не забывай, я нашла тебя, жалкого четырнадцатилетнего засранца, живущего за бензоколонками. Это я представила тебя людям, которые поставили тебя туда, где ты сейчас находишься. Я!

— Никто, кроме меня самого, не ставил меня на это место. Кроме того, когда ты якобы нашла меня, ты уже была конченной наркоманкой и шлюхой, и тебе было всего семнадцать. И кстати, это ты должна мне за то, что не живешь на улице.

Так значит, эта женщина знавала Гризза еще подростком. Не думала, что пересекусь с кем-нибудь, кто знаком с ним столь долгое время.

— Мне не нужно твое разрешение увидеться с ним. Я сама найду его, и тебе не остановить меня.

— Правда, Кэнди? Мне тебя не остановить?

Все затихло, я знала, что она взвешивает варианты. Наконец, она заговорила в тоне поспокойней.

— Хорошо. Ты сделаешь мне одно одолжение? — не дожидаясь ответа, она продолжила. — По крайней мере, передай ему, что я была здесь и искала его. Скажи, что я чиста. Скажи, что я просто хотела лично извиниться за все случившееся дерьмо. Я не намерена влезать в его жизнь и мешаться. Я лишь хочу сказать, что прошу прощения.

Гризз что-то ответил ей, но я не расслышала слов.

Дверь открылась и захлопнулась затем. Я выбралась из постели и пошла в гостиную. Гризза там не было. Наверное, выпроваживал ее. Уже прошло обеденное время, я пошла на кухню доставать кое-какие продукты для готовки из холодильника. Если бы меня хоть капельку заинтересовало, как выглядит Кэнди, я, возможно, подошла бы выглянуть в окно.

Оглядываясь назад, все же хорошо, что я этого не сделала. Я бы наблюдала, как мой муж творит нечто страшное. Гризз проводил Кэнди до машины и, когда она потянулась к ручке двери, схватил ее сзади и свернул шею. Я бы увидела, как он небрежно закидывает ее на плечо, сигналил безликим людям у ямы избавиться от машины и в легкую шагает за мотель, чтобы стереть эту женщину из жизни.

Но я ничего не увидела и не узнала, пока не прошло много лет.

Гризз вернулся меньше чем через десять минут и замер.

— Когда ты вернулась домой? Я не видел, чтобы ты подъезжала.

— Джо привезла меня пораньше. У меня одна из тех ужасных головных болей. Пыталась переспать ее.

— И как? Прошло?

— По большей части. Только глухо побаливает. Ничто в сравнении с тем, что было. У Джо моя машина. Можешь отправить кого-нибудь забрать ее? — на его лице читалось, что он понял, я была в спальне во время спора с Кэнди. Он пытался сообразить, услышала ли я обрывки. Я решила облегчить задачу.

— Так кто такая Кэнди? — небрежно спросила я, мешая на плите тушившиеся грибы.

Не успел он заговорить, как я добавила: «Ты собираешься ему сказать? Будешь говорить Блу?».

Гризз озадаченно смотрел на меня.

— Это ведь была чокнутая бывшая подружка Блу, да? Та, о которой ты говорил. С которой он порвал как раз незадолго до встречи с Джен.

— Да, это она.

— Ты как-то не выглядишь уверенным, Гризз.

— Нет, малыш, не в том дело. Не помню просто, что рассказывал о ней.

— Ну, ты рассказывал. Имя ее, правда, никогда не называл, но упоминал о ней после моей первой встречи с Джен.

Он подошел ко мне со спины, обнял и положил подбородок мне на левое плечо. Ему, должно быть, основательно пришлось сгорбиться, я ведь намного ниже.

— Думаю, ты прав, Гризз. Прав, что не дал ей увидеться с Блу. Джен может сорваться, — он не успел ответить, я продолжила. — Она начала называть тебя по имени. Ты скажешь мне его?

— Кит, мы миллион раз обсуждали это, — ответил он и отошел назад, оглядывая меня. Я повернулась к нему. — Для твоего же блага. И раз тебя это настолько заботит, мое настоящее имя — Рик О'Коннел.

— Да, Гризз, вот только это не оно, — я выключила плиту и второпях оттолкнула его в сторону, потом зашла в спальню и захлопнула дверь.

Подпустит ли он меня ближе когда-нибудь? Я замужем и практически ничего о нем не знаю. Ни имени, ни прошлого. Ну, теперь исключая его проживание за автозаправочной станцией в четырнадцать лет.

Он вошел и увидел, как я сижу на кровати, делая вид, что просматриваю образцы цветов от застройщика. Я не подняла взгляда.

— Джейсон. Мое настоящее имя — Джейсон. Продолжения этого имени ты не услышишь. Когда-нибудь в другое время, может, у нас появятся дети, тогда я скажу остальное. Но не затем, чтобы дать им свою фамилию. Они будут О'Коннелами.

Он рассказал немного о себе. Родился во Флориде — Уэст-Палм-Бич. Отца никогда не знал, и фамилия, которую он не собирался произносить, очевидно, принадлежала матери. Ее звали Ида, и она родила его в пятнадцать лет. Конечно же, это объясняло, почему он считал меня «достаточно взрослой», когда похитил.

Ида работала домработницей в состоятельной семье. Гризз сказал, что в собственном доме у нее была разруха, несмотря на идеально сыгранную роль экономки у богачей. Она пренебрегала им. Никогда не била, не унижала, просто игнорировала. Звучало знакомо. Почти в четырнадцать он сбежал и был уверен, что мать с облегчением вздохнула и никогда его не искала. Он не жил за автозаправкой, когда Кэнди нашла его. Вообще-то он там торговал украденными запчастями.

Я спросила, почему он сбежал — беспризорность еще не жестокое обращение. Почему сам себя отправил на улицы? И как прошел путь от Уэст-Палм-Бич до Форт-Лодердейла?

— Я связался с компанией постарше и бросил учебу, потому что делал очень хорошие деньги, — ответил Гризз просто. — Компания потом двинула на юг, и я вместе с ними.

Он жил не на улице, а в небольшой квартирке над гаражом одного парня, расплачиваясь с ним особыми запчастями. Я ответила, что для подростка, так рано бросившего учебу, он вел себя очень сообразительно.

— Я умел читать, знал основы математики — это все, что требовалось, — сказал Гризз, пожимая плечами. — К тому же уроки улиц дали мне намного больше, чем любая степень, которую я мог получить.

Гризз сидел рядом со мной на кровати. Я забралась к нему на колени.

— Почему нам нужно завести детей до того, как ты скажешь мне свое настоящее

имя? — спросила я, уткнувшись ему в шею, трогая пальчиком сережку в его левом ухе. Любимая привычка.

Я почувствовала, как сотрясалось его тело. Он смеялся. Я посмотрела вверх. С огромной ухмылкой он ответил: «Не знаю. Подумал, что выиграю немного времени. Может, ребенок у нас будет уже через пару лет».

— Что ж, мистер Вопроса-больше-избегать-не-получится, кажется, я смогу заставить тебя заговорить раньше, чем ты планируешь.

— О, прямо сейчас попробуешь? — он прижался лицом к моей шее. — Чем собираешься искушать?

Зазвонил телефон, прежде чем я ответила. Он вернул меня на кровать и встал ответить.

— Да? — пауза. — погоди секунду, дорогая. Кит, это Сара Джо, — крикнул он мне из кухни.

Я подошла к телефону.

— Да, почти прошло. Немного побаливает, — я замолчала, слушая следующий вопрос Джо. — Нет, я еще не говорила ему.

— Не говорила мне что? — спросил Гризз, доставая из холодильника пиво.

Я повернулась к нему.

— Я думаю, что беременна.

На следующий день Гризз отвез меня к доктору, и, конечно же, я была беременна. Однако я озадачилась. Прием противозачаточных оставался скрупулезным для меня вопросом, ни одного пропуска. Но месяцем раньше со мной приключился острый фарингит, и врач сказал, что антибиотики, бывает, нарушают действие таблеток. Мой случай именно такой.

Я объяснила доктору, что до сих пор принимаю противозачаточные, и единственным основанием подозревать беременность стали последние менструации — недолгие и едва заметные, и это вместо привычной недели сильного кровотечения. Он ответил просто перестать принимать таблетки и не волноваться. Некоторые женщины беременеют, несмотря на предохранение, ничего неслыханного. Мою беременность определили на раннем сроке.

Я посмотрела на улыбающегося Гризза, он был счастлив. Если этому суждено случиться сейчас, а не парой лет позже, то так тому и быть.

Гризз отвез меня пообедать и тут же начал предлагать имена мальчику или девочке. Голова шла кругом. А как же моя степень? Смогу ли я учиться и быть матерью? В голове бешено вертелись мысли о будущем и о том, как все сложится. Меня немного успокаивало, что дитя родится после переезда в наш новый дом. Я бы возненавидела перспективу дать жизнь ребенку, живя при этом в мотеле.

Гризз удивил меня еще кое-чем. Он сказал, что ему понадобится всего шесть месяцев на завершение начатых дел, и он сможет покончить с бандой. Слава Богу. Как же я была взволнована. Желание Джен в итоге исполнится: Гризз передавал правление Блу.

Мы решили еще немного придержать новость о беременности только между нами. Ранний срок. Знала только Сара Джо, и я не сомневалась в ее преданности и умении сохранить секрет.

С лихвой нагрянула утренняя тошнота. Не могу даже назвать ее просто утренней тошнотой. Меня мучило весь день, в желудке ничего не задерживалось. Гризз хотел снова отвести меня к врачу за рецептом, вдруг нашлось бы что-нибудь в помощь. Я отказалась, переживу. Во время беременности никаких лекарств. Ничего кроме специальных витаминов, и то если смогу удержать их в себе.

Прошло около десяти недель, когда Гризз пришел со словами, что ему нужно кое о чем поговорить со мной. Я сидела на диване, листая журналы, посвященные интерьерам. Я уже выбрала нейтральный оттенок для детской — нежно-зеленый. Сейчас рассматривала тематическое оформление. Мотивы Ноева ковчега, возможно? Или мишки Тедди.

Он забрал журнал у меня из рук и положил его на кофейный столик. Что-то серьезное.

— Кит, мне нужно кое-что тебе сказать.

— Что? В чем дело?

— Я не хочу, чтобы ты расстраивалась, особенно с учетом беременности, но я люблю тебя и боюсь, если не скажу, и ты узнаешь сама, тебе это не понравится.

Гризз начинал меня пугать.

— Скажи мне прямо сейчас. Чтобы там ни было, не скрывай от меня.

Что-то случилось с Сарой Джо, Фессом или Грантом? Гризз попал в неприятности? Мы оба вляпались во что-то?

— Я только что узнал от Гвидо, — начал он, крепко сжимая мои ладони. — Он сказал, что позавчера твои родители погибли в автокатастрофе. Он решил, нам стоит узнать.

Меня парализовало. Я не ожидала. Последние годы о Винсе и Делии я особо не думала. Не могу сказать, что скучала по ним. Да и по чему там скучать? Я с раннего детства сама по себе жила. Но Гризз был прав. Хорошо, что он сказал. Волны памяти нахлынули на меня.

— Что случилось? — спросила я тихо.

— Лобовое столкновение. Большой грузовик с прицепом. Водитель заснул, пересек разделительную полосу. В одно мгновение.

Какое облегчение, что на их долю не выпало страданий и что не они оказались виновниками аварии. Ненависти к Делии и Винсу у меня не было. Но я и не скучала по ним. Мне хотелось сделать все, как нужно.

— Гризз, у них нет родственников. Что с ними станется?

— Гроб и городское кладбище, вероятно. Может, кремация. Я, если честно, не знаю, — не успела я ответить, как он добавил. — Хочешь, чтобы я обо всем позаботился? Так тебя устроит? Похоронить их, как следует?

Меня это удивило, но, полагаю, он помнил, как важно было для меня, чтобы Мо подобающе похоронили. Насколько такое представлялось возможным.

Я кивнула.

— Да, я бы хотела так. Гризз, не обязательно сильно тратиться. Просто приличное кладбище, и может, вместо надгробного камня установить одну из этих плит, которые просто на земле лежат. Что-нибудь с их именами, датами рождения и смерти.

— Запиши для меня, мальш, я обо всем позабочусь.

И он позаботился. Как хорошо у него получалось давать мне то, чего я желала. У меня ни разу не возникло мысли, что у моей свободы появился новый шанс. Конечно же, за все годы возникало много возможностей обрести волю. Но, несомненно, смерть родителей в них не входила. Уже неважно. Я не собиралась уходить от Гризза. По крайней мере, по своему желанию.

Парой недель позже у меня начались кровянистые выделения. В панике я позвонила врачу, но он ответил, что здесь ничего не поделать. Ничего особенного могло и не происходить. Переждать, не напрягаться. Гризз заставил меня пролежать в постели три дня. Выделения продолжились, и он настоял на новом визите к доктору.

Сидя на смотровом столе, прикрытом бумагой, я кое-что ощутила. Я не сдвинулась с места, только подняла на Гризза взгляд, полный слез.

— Кажется, я только что потеряла ребенка.

Мы оба скорбели о потере нашего ребенка, но, тем не менее, оба согласились, что мне стоит вернуться к таблеткам. У нас еще будут дети. Мы переедем в новый дом. Я получу степень. Жизнь пойдет своим чередом.

Так и стало. После переезда я больше ни разу не возвратилась в мотель, но, конечно же, Гриззу приходилось туда ездить. Чоудер перебрался в наши комнаты. Монстр заехал в один из номеров.

Я декорировала дом, заботилась о Дэмиене и Люцифере. Псы стали старше, и совершенно очевидно, понемногу сдавали. На ужинах у нас всегда бывали друзья. Регулярно приезжали Грант и Синди. Грант теперь успешно занимался архитектурским делом в престижной фирме на бульваре Лас-Олас. После его переезда к Синди, мы буквально за год сблизились. Как бы странно ни звучало, но мы много времени проводили вместе. Думаю, Гризз не ревновал, ведь Грант уже столько времени встречался с Синди. Мне кажется, Гриззу было непросто с этим мириться, но он знал, что ключик к моему счастью таился не в попытках привязать меня к себе. Дружба с Грантом была приятной, уютной и безопасной. Еще я сблизилась с подругами из колледжа — Картер и Кэйси. С ними я тоже проводила много времени. Сара Джо, закончив колледж и вернувшись обратно в Форт-Лодердейл, часто присоединялась к нам за столом. Она тоже вышла замуж, оставшись друзьями с бывшим бойфрендом Стефеном и его женой Эйприл. Их визиты в наш дом носили постоянный характер. Как и визиты Энтони и Кристи, наших друзей с западного побережья Флориды. Даже Сэм и его очередная «Девушка месяца» раз-другой приезжали.

Чоудер навещал нас только на День Благодарения. Мне, наконец, пришлось готовить индейку, и даже Джен не пыталась контролировать процесс. Ее так захватывала работа, казалось, она и вправду счастлива и спокойна, и может позволить кому-нибудь другому заняться готовкой.

Так пролетели следующие несколько лет, наполненные друзьями, путешествиями, концертами, заботой о доме и животных, в долгих поездках на мотоцикле, и семейное счастье было ближе некуда. Наш дом занимал пару акров, рядом жили соседи, но не слишком близко. Я по-прежнему не хотела, чтобы люди нас побаивались. Я попросила об одном правиле, и Гризз согласился: в стенах дома никаких дел банды.

Разумеется, наша жизнь держалась на иллюзиях. Посмотрите честно. Я на самом деле не была замужем за Гриззом. Анна-Мария Морган — да, но давайте начистоту, я не Анна-Мария. Наш ощутимо подросток доход шел из «прозрачных», хороших инвестиций, но базировался на деньгах, вырученных из нелегальных дел. Из множества нелегальных дел. В те времена на юге Флориды Гризз заправлял всем: проституция, наркотики, угон машин, игорный бизнес, шантаж, ростовщичество. Искренность его обещания свернуть деятельность в банде и передать все Блу, когда я забеременею, не вызвала сомнений, но после выкидыша он не видел причин незамедлительно ретироваться. И деньги дальше шли потоком. Я никогда не задавала вопросов, но когда живешь с кем-то столько лет, все равно чувствуешь, что происходит. То там, то здесь какие-то детали. Я не была наивной, но позволяла себе делать такой вид.

Я знала, что наш образ жизни выстроен на фундаменте криминальной деятельности, но я не была вовлечена в нее и потому способна «забывать» об этом факте. Несколько лет назад

я перестала подбивать баланс по чековым книжкам и мониторить инвестиции. Дела передала бухгалтеру. Я представляла себе, что работа моего мужа, на которую он уезжал по утрам, не имела ничего общего с криминалом. Сама же устроилась на полставки в бухгалтерскую фирму в Мирамаре. Необходимость в этом отсутствовала, и потому убедить Гризза позволить мне работать было трудной задачей. В конце концов, он согласился. Мне нужна была какая-то цель в жизни, работа подходила для этого.

Едва получив степень, я сказала Гриззу, что хочу забеременеть. Если рождение детей ускорит уход Гризза из банды, то я хотела родить, как только окончу учебу. Он согласился, и я прекратила прием противозачаточных. К сожалению, быстро не вышло, как я надеялась. Спустя год после окончания колледжа, зачатие все еще не произошло.

Все это время я не знала, что брак Блу и Джен разваливается. Несколько раз он поймал ее на изменах с адвокатами с ее работы. Соблазнительная Джен всегда находилась в поиске места получше. Замужество за вторым по старшинству в байкерской банде больше не привлекало ее, как раньше. Она хотела большего. Измены меня удивили. Мне казалось, она побоится переходить дорогу Блу, но нет, она не боялась.

Как-то раз Блу приехал к нам и рассказал одну историю. Я не ошиблась, считая, что Джен стоит опасаться. Я помнила о том инциденте с наездом месяца четыре назад. Джен шла по парковке у бакалейной лавки к своей машине. Авто было хорошим, и потому Джен парковалась всегда парковалась подальше от входа в магазин, чтобы избежать случайных вмятин от подъехавших машин. Она несла два пакета и возилась с ключами, опустив вниз взгляд, как вдруг из ниоткуда появилась машина и сбила ее. Водитель скрылся, а потерявшая сознание Джен ничего не могла вспомнить. Просто чудо, что все обошлось ушибами, ни одного перелома. Да что там, судя по скорости машины, чудо, что она вообще выжила.

Блу так легко не смирился с ее неучтивостью. Пока он рассказывал, до меня доходило, что тот наезд — нечто большее, чем казалось. Блу заказал ее убийство. Еще я знала, что ему требовалась разрешение от моего мужа, прежде чем передать заказ. Я вздрогнула.

Блу продолжил рассказ. Его терпению подошел конец, и он выгнал Джен. Сказал ей, что будет отстаивать опеку над мальчиками. Гризз допрашивал его на предмет того, сколько Джен знает о банде. Блу отвечал, что никогда ничего ей не говорил. Она даже не в курсе той ночи, когда он забрал Гранта из дома.

Гризз кивнул.

— Хорошо. У нее есть хоть какой-то вариант, как навредить нам?

Разумеется, повис не озвученный вслух вопрос: «Может ли она связать наезд с нами? Или любые другие дела вне закона».

— Полагаю, она могла нанять кого-нибудь покопаться в наших финансах, но она лишь сама себя запутает, — ответил Блу. — Кроме того факта, что у меня есть мотоцикл и жилет, у нее ничего нет, только догадки. Не думаю, что кому-то это интересно. Что касается опеки, она, наверное, получит бесплатную консультацию, но ее фирма специализируется на налогах и всякой такой фигне.

Здесь я прервала его.

— Блу, Джен кое-что знает. Она рассказала мне в деталях о жизни Мо до банды, о том, как та появилась в мотеле. Как потеряла язык. Она знает, кто жил в мотеле, а кто нет. Она даже в курсе насчет той ночи, когда я получила Гвинни. Если не ты ей рассказал, то кто?

— Не знаю, — смотрел на нас сбитый с толку Блу. — Seriously, Гризз. Может, Чики или Уиллоу навещали ее во время беременности, когда она не принимала назначения врача?

Помнишь, мы как-то оставляли девочек ночевать с ней? Может, от них что-то слышала. Но я не говорил ей, откуда появилась Кит или что-то такое. Черт, да она даже в мотеле ни разу не была. Не знает наших настоящих имен. Даже моего. Я женился по фальшивым документам.

Гризз глянул в мою сторону. Я смотрела в пол. Он знал, о чем я думаю. Он тоже женился на мне под псевдонимом. По крайней мере Джен вышла за Блу со своим настоящим именем.

С минуту Гризз молчал. Я видела, он крепко задумался. Потом он спросил Блу: «Думаешь, она могла еще раз поговорить с Уиллоу? Помимо того времени, когда та была под присмотром в мотеле».

— Думаю, такое возможно. Блять. Я правда не знаю, — Блу искоса посмотрела на меня. — Прости, Кит. Знаю, ты не любишь ругательств. Привычка.

Снова молчание. Мне было известно, что Гризз безоговорочно доверял Блу. Сейчас он прикидывал, мог ли кто-то еще оказаться кротом. Со всей своей ненавистью ко мне Уиллоу вполне могла оказаться тем, кто общался с Джен. Может, думала, что нашла в Джен союзницу. Твердой уверенности не было. Джен ни за что не признается, а Уиллоу уже годы как мертва.

— И ты хочешь опеку над Тимми и Кевином? — переспросил Гризз.

— Да, я хочу оставить моих мальчишек, Гризз. Не могу сдать и бросить.

— Хорошо. Я верю тебе. Вперед, отвоевывай своих парней. Если хоть одним боком где-то всплывет банда, я хочу немедленно знать об этом. Это ясно? Передай ей. И удостоверься, что она поняла мои слова правильно.

— Сделаю. Я объясню, и она поймет. Мальчиков буду отстаивать честно и открыто. Банда вне этих разборок. Даю слово.

Так закончился разговор, и эти слова — последнее на ближайшее время, что я слышала о разводе и битве за опеку между Джен и Блу. Я подозревала, что дружба со мной ей нужна была по другим причинам. Возможно, боялась ответного удара от Гризза и считала, что дружба со мной как-то ее спасет. Или просто хотела разведать, что мне известно. Ничего по сути. Если Блу и говорил что-то Гриззу о слушаниях по опеке и разводу, то мне Гризз ничего не пересказывал. Я решила, что для всех будет лучше, если я стану держаться от Джен подальше.

Вот так я и справлялась со всем. Всегда. Оставалась физически и эмоционально отстраненной.

С началом опекунских слушаний дела пошли скверно. Развод оформился месяцами раньше, и Блу с Джен пока разделяли ответственность за мальчиков. Блу сказал Гриззу, что, похоже, процесс обернется в его пользу. Вопрос по банде подняли на слушаниях, но доказательств не последовало. Джен фактически обсмеяли и выпроводили из суда. Адвокат Блу с удвоенной силой ринулся в бой, вынося на обсуждение измены и борьбу Джен с психическим расстройством.

Думаю, внимание Гризза и Блу касательно вопросов о банде было убаюкано ложным чувством безопасности. Они решили, что теперь Джен не сможет ничего сделать.

Но она больше не могла выносить этого. И как раньше, когда Блу собирался бросить ее, а она внезапно оказывалась беременной, Джен наконец достала из рукава туз.

В этот раз все было иначе. В этот раз ее туз даст такую рябь по воде, что последствия не оценить. Будут погублены люди. Много людей.

Джен решила, что пришло время рассказать миру о Джиневре Лав Лемон.

Я не знаю, как она провернула это. Как смогла разнюхать о моем имени, не привлекая внимания информаторов Гризза, как законников, так и всех прочих. Полностью уверена, она не знала, сбежала ли я или была похищена, но как-то она выяснила, что я исчезла в 1975 году, и ничего с тех пор обо мне не слышали.

Таким был ее первый шаг, чтобы получить опеку над детьми. Она собиралась победить Блу, раздавив банду. Раздавлив Гризза.

Должна признать, она была бесстрашной женщиной, сотрудничала с властями, чтобы попасть под программу защиты свидетелей. Блу ошибался. Джен знала намного, намного больше, чем он думал.

Непонятно, как она выследила Фрогги и осталась незамеченной. Фрогги так и не смог перешагнуть через то, что Гризз сделал с Уиллоу. Он стал постепенно отдаляться от нас после ее изгнания и еще сильнее после ее смерти. По его свидетельским показаниям было совершенно очевидно, что он всецело презирал Гризза за сделанное. Фрогги с огромной охотой ждал возможности рассказать правоохранителям все известное ему в обмен на защиту.

Полиция с ордером объявилась в нашем доме в Тенистом Ранчо и арестовала Гризза. Он не дернулся, пока они надевали наручники и зачитывали ему права. Он был спокоен и уверен, что с помощью своего адвоката выйдет под залог через пару часов.

Гризза уже арестовывали прежде. Ничего грандиозного — незначительные обвинения, не больше, чем попытка побеспокоить его. За серьезные преступления его никогда не брали. Но то был первый раз, когда его арестовывали в моем присутствии. Он не сводил с меня взгляда, равнодушно слушая формальную речь о своих правах и перечисление списка правонарушений.

— Джейсон Уильям Тэлбот, вы имеете право хранить молчание...

Я впервые услышала его полное имя.

Уже несколько лет как я справилась с навязчивым желанием узнать его настоящее имя. В том, что банда пользовалась фиктивными «именами», я ничего, кроме как способа сбивать людей с толку, не видела. Я никогда не придавала этому большого значения в отличие от них.

Внезапно, пока произносились обвинения, поведение Гризза изменилось. Он резко подорвался несмотря на скованные за спиной руки, когда они назвали меня настоящим именем и начали задавать вопросы.

— Вы Джиневра Лав Лемон, пропавшая пятнадцатого мая 1975 года в Форт-Лодердейле штата Флорида? — я не могла ответить, меня накрыл шок.

— Были ли вы беглянкой или вас похитил этот человек?

Гризз тогда уже понял, что этот арест не за пустяковые проступки. В этот раз все будет иначе. Они знали, кто я. Самый важный вопрос: было ли это похищение или побег? И насколько я причастна к криминальной деятельности Гризза?

Один из офицеров сказал мне: «Отвечайте осмотрительно, Джиневра. Если вы были похищены этим мужчиной в 1975 году против своей воли — это одно дело. И совсем другое, если вы сбежали и добровольно присоединились к группировке Армия Сатаны.

— Не отвечай ни на один гребаный вопрос, пока мы не встретимся с нашим

адвокатом, — резко сказал Гризз. — Не говори ни слова, Кит. Ни единого. Отъебитесь от моей жены.

Он ударил головой одного из присутствующих, и тот полетел спиной в каменный камин. Мужчина выглядел ошеломленным, но не похоже, что пострадал.

Я заплакала, и, хотя они вели себя любезно со мной, мне стало страшно. Двое начали избивать Гризза. Он едва дрогнул.

— Прекратите, — закричала я, — пожалуйста. Просто хватит. Мы поедем с вами. Не надо больше, пожалуйста.

— Вы не можете забрать ее в тюрьму, — рявкнул Гризз. — Она там не может оказаться. К ней это все не имеет отношения. Отвалите от нее.

— Мы не арестовываем ее, мудака, только тебя, — это сказал парень, которому врезал Гризз. Разумеется, сказал он это с безопасной дистанции.

— Разберемся со всем в участке, — сказал самый старший из полицейских.

Звучало словно строчка из старого детективного черно-белого фильма. Детектив напоминал заботливого дедушку. Ему, вероятно, оставалось недолго до пенсии, и он хотел оказаться где угодно лишь бы не здесь.

Он добавил: «С ней все будет в порядке. Никто не причинит ей вреда. Успокойся. Таков порядок. Ты сам знаешь, как все происходит, Джейсон». Он повернулся и деликатно взял меня за руку: «Я детектив Бэннер, и все будет хорошо, Джиневра. Нам просто нужно задать вам несколько вопросов. Это часть протокола. Ваш муж слишком бурно среагировал».

Я печально смотрела на него: «Он просто тревожится обо мне, потому что я беременна».

Всего неделей раньше я обнаружила, что снова забеременела. Срок совсем небольшой, но мы с Гриззом все равно разрешили себе радостное волнение.

— Звони Марку. Он вытащит меня к вечеру, — сказал мне Гризз, пока они вели его к дверям.

— Не в этот раз, Тэлбот, — сказал один из офицеров, самый младший. — Думается мне, что судья не разрешит тебе залоговый вариант. Похищение — дело федерального уровня. Ты останешься за решеткой до суда.

— Просто позвони ему, Кит.

— Нет, Гризз, — отозвалась я. — Он недостаточно хорош для этого. У меня есть кое-кто на примете.

Я следила за карьерным взлетом одного очень сильного, хорошо известного адвоката. Он был молод, но уже сделал себе имя в южной Флориде.

— Кто? — крикнул Гризз через плечо. Я поторапливалась за ним с детективом Баннером, идущим рядом.

— Мэтью, — ответила я, в моем голосе слышалась непоколебимость.

— Какой Мэтью? — спросил он, пока его заталкивали на заднее сиденье полицейской машины.

— Мэтью Рокмэн. Парень с моего крыльца.

Дверь машины захлопнулась, и Гризз исчез.

Я никому не сказала, даже Саре Джо, что поддерживала связь с другом из старшей школы. Мне не казалось необходимым озвучивать такую информацию.

Мэтью нашел меня в 1980 году. Это было несложно. Тогда я еще жила в мотеле и только узнала о своей первой беременности. Из того, что главарь Армии Сатаны жил в мотеле

Глэйдс, никто не делал секрета.

Как-то Мэтью свернул к мотелю, притворившись заплутавшим водителем. Чоудер сказал, что дорогу Фламинго он пропустил несколько миль назад, придется развернуться. Мэтью, как ни в чем не бывало, спросил, работает ли мотель. Чоудер с осторожностью оглядел его и, ничего не ответив, указал на дорогу. Но Мэтью успел меня засечь.

Я вышла, села в машину и, ничего не подозревая, по сути, следовала за ним до трассы-84. Вооруженный информацией, где я жила и на чем ездила, он мог спланировать встречу со мной.

Мэтью мог бы поехать за мной в первый же день, но побоялся вызвать подозрения у Чоудера. Так что он припарковался на стоянке «У Пита» и, не сводя глаз с шоссе, ждал еще два дня, пока не заметил мой Трас Ам. Он проехал за мной до бакалейного магазина и дождался, пока я выйду из машины, чтобы подойти ко мне.

Я в тот же момент узнала его. Он сказал, что не хочет создавать проблем, просто поговорит со мной. Так мы и сделали. Я рассказала ему практически обо всем, кроме моей осведомленности о криминальных начинаниях Гризза.

— Джин, тебе не обязательно изворачиваться и прикрывать то, что он творит. Его банда и так известна. Я лишь хотел тебя повидать.

— Со мной все хорошо, Мэтью. Я знаю, Гризз угрожал тебе той ночью. Мне очень жаль. Но честно, я счастлива с ним. Он ко мне добр, и я ношу его ребенка.

Новость его удивила.

— Мне нужно было увидеть тебя лично, прежде чем я что-то предприму. Я уже не тот мальчишка. Я его не боюсь.

— Ну, тебе стоит его бояться. Ты вырос, но это не означает, что он до тебя не доберется. Это не угроза, Мэтью. Я просто констатирую факт. Говорю тебе, как безразличному мне другу, — оставайся в стороне. Пожалуйста, просто оставь нас.

— Ты уверена, Джин? Я все оставлю при себе, если ты ответишь честно.

— Я уверена, Мэтью.

Потом последовало долгое объяснение насчет того, что я не одобряю и не участвую в незаконных делах банды, но я, неважно, что там происходило, все равно влюбилась в Гризза. Мэтью не мог поставить знак равенства между круглой отличницей, девушкой с приятными манерами и взрослой женщиной, вышедшей замуж за жестокого лидера банды байкеров. Но он также помнил о моей беспризорной жизни и о том, как сильно я любила внимание, на которое была щедра его семья.

Разговор от попыток убедить его оставить нас в покое перешел к общению двух старых друзей, чьи пути снова пересеклись. Я долго просидела в его машине, болтая, пока он не затих, глядя в никуда сквозь руль автомобиля. Думаю, он никак не мог отпустить все эти мысли.

— Знаешь, твое похищение повлияло на мое решение поступить на юридический, — теперь он посмотрел на меня. — Мне не понравилось выслушивать угрозы и ощущать беспомощность. Я знал, что парень, который увез тебя, был преступником. Я иду учиться на юриста, чтобы сажать таких подонков, как он.

Костяшки на его левой руке заметно побелели. Он крепко сжимал руль. К моим глазам подступили слезы.

— Пожалуйста, не называй его так, — он хотел прервать меня, но я подала ладонью останавливающий знак. — Он обращался со мной лучше, чем кто-либо. Я люблю его, Мэтью.

Я все сделаю, чтобы увести его с дороги, по которой он идет. Пожалуйста, оставь нас. Он дал обещание, что выйдет из банды, как только родится ребенок. Я ему верю.

Он вздохнул и опять устался на руль. Беседа снова стала беззаботной. Он рассказал, как сильно ему полюбилось юридическое направление. Я пошутила, что рада, что мое оборвавшееся репетиторство не помешало ему пойти в колледж. Разговор вышел приятным.

С того дня я не видела Мэтью и не говорила с ним, но читала газеты и смотрела новости. Совсем молодой, но блистательно прокладывающий себе дорогу сквозь судебную систему, выигрывая безнадежные дела. Не думайте, что я упустила иронию: годы назад он сказал, что пойдет учиться на юриста, чтобы сажать плохих парней, а теперь он стал номером один, если нужно было их освободить.

Я погрузилась в воспоминания, пока ждала Мэтью в кабинете детектива Бэннера, прихлебывая растворимый кофе. Когда он, наконец, появился, то привел с собой незнакомого мне мужчину.

— Джин, это Кэри Льюис. Он не из моей фирмы. Я не могу представлять интерес Джейсона из-за нашего общего прошлого. Но я отдаю тебя в руки человека, который в своем деле лучше всех, кого я знаю. Ты мне веришь в этом вопросе, я надеюсь?

Со своего места я посмотрела на него.

— Если ты можешь, глядя мне в глаза, сказать, что на Грizza у тебя нет никаких обид, тогда да, — я перевела дыхание. — Я тебе верю.

Необязательно вдаваться в детали последующих лет. К тому же запоминать весь этот правовой жаргон и разбирательства в суде было уже слишком для меня. Буду придерживаться фактов такими, какими я их запомнила.

Больше я никогда не увидела Гризза свободным человеком. Ему отказали в залоге и оставили в окружной тюрьме почти на два года, пока Кэри Льюис вел переговоры с прокурорами. Все это время я держалась поближе к Мэтью. Хотя его положение не было официальным, я нуждалась в его объяснениях насчет всего происходящего.

Кэри делал все возможное, но во время беременности и свалившегося на меня прессинга мне нужны были Мэтью и Сэм. Они сыграли важную роль, когда встал вопрос о переносе моих школьных оценок и степени колледжа на мое реальное имя. Они защищали меня от средств массовой информации. Они были рядом со мной с самого начала этого кошмара. Они даже организовали мой переезд к Стефену и Эйприл.

Стефен, бывший школьный бойфренд Сары Джо, оставался мне близким другом, и, что самое важное, ни он, ни Эйприл никак не были связаны с бандой. Они радушно приняли меня в своем доме, пока весь медиа шум не уляжется. Мои подруги по колледжу Картер и Кэйси в свою очередь заселились в мой дом, чтобы заботиться о Дэмиене. Мы потеряли Люцифера годом раньше — рак костей. Когда я, наконец, смогла вернуться домой, Картер окончательно переехала ко мне.

С самого начала была одна вещь, насчет которой Гризз упорствовал, — отстранить меня от всего случившегося. Он сказал им, что похитил меня. Он рассказал, как поначалу угрожал, чтобы предотвратить мой побег, и как он обрек меня на брак.

История наделала заголовков: «Пропавшая девушка обнаружена замужем за главарем отъявленной байкерской банды». Из подпола стали появляться люди.

— Да, я подумала, что узнала ее, но она выглядела такой счастливой, и я решила, ее никто не похищал.

— Тот ублюдок угрожал мне, если я не верну ее гитару обратно, — это от владельца ломбарда, в котором я продала гитару на Рождество.

— Вы утверждаете, что он угрожал вам? — задавал ему вопросы Кэри. — Вам не компенсировали материально возврат гитары?

— Да, но с деньгами или без, выбора у меня не было. Моя жизнь стояла на кону.

Даже Диана Бергер, девушка из ветеринарной клиники, очевидно, думала, что помогала, хотя на самом деле, ее слова не красили меня: «Я спросила ее напрямую о Джинни Лемон, и она все отрицала. Она даже изобразила какой-то странный акцент. Ей, наверное, мозги промыли».

— Не волнуйся на этот счет, — сказали мне Мэтью и Кэри. — Доказать она свои слова не может. Это вполне мог быть инцидент с очень похожей на тебя девушкой.

Вот только не мог. Обвинение смогло достать записи ветеринара, и согласно им как раз в то время Рик О'Коннел привозил свою собаку на лечение последствий укуса змеи.

Каждый раз, когда мы надеялись, что нам улыбнется удача, показывался кто-то новый. С учетом показаний Джен и Фрогги, мы понимали: бой будет тяжелым. Фрогги, чье настоящее имя — Ларри Мост, под присягой заявил, что видел Гризза, совершающим более одного убийства. Несмотря на подробные детали, не нашлось ни одного тела, чтобы

подтвердить его слова. Им нужно будет разыскать больше свидетелей. И они их найдут.

Меня кое-что удивило: ни разу не мелькнуло имя Гранта или Фесса. Джен и Фрогги ни разу не упомянули их. Думаю, все потому, что Джен вправду волновалась о Гранте, и оба они сочувствовали Фессу. Он был обычным парнем, который пытался заработать на жизнь и поднять троих детей. Власти добрались бы до них через других свидетелей, но к тому моменту Гризз заключил сделку.

Понадобилось два года, чтобы подготовиться к суду. Я вышла замуж и родила нашу с Гриззом дочь. Мы дали ей имя — Мириам. И звали ее Мими.

Трудно поверить, но Гризз практически заставил меня снова вступить в брак. Хорошо помню тот день. Шел второй месяц беременности, и я навещала Гризза в тюрьме.

— Кит, ты любишь меня, ведь так? — спросил он.

— Ты знаешь, что я люблю тебя, Гризз. Мы через это пройдем. Ты выйдешь. Мы вернемся к своей жизни.

— Котенок, я никогда не выберусь отсюда. Тебе нужно понять и принять это прямо сейчас.

— Перестань! Не говори так.

— Ты умная девочка. Ты должна смотреть на вещи реально, чтобы мы могли все спланировать. Ты сказала, что любишь меня. Я хочу, чтобы ты доказала это.

Я смотрела на него, и слезы застилали взор: «Говори. Скажи мне, как доказать».

— Я хочу, чтобы ты вышла замуж.

Меня так ошарашили его слова, я даже возразить не могла. Мы беседовали по телефону через стеклянную перегородку.

— Пообещай, что у нашего ребенка будет отец, когда он или она родится. Обещай мне, Кит.

— У нашего малыша будет отец, Гризз. Ты. Я могу дать ему твою фамилию. Тэлбот, — потом кое-что дошло до меня. — Замуж? За кого? За кого я должна выходить? К тому же мы уже женаты.

Внутри я знала, наш брак был незаконным. Возможно, Рик О'Коннел и Анна-Мэри Морган и поженились, но Джейсон Уильям Тэлбот и Джинни Лемон — нет. И все же в наших сердцах, мы были мужем и женой.

— Кит, я могу назвать пятерых ребят, которым ты небезразлична настолько, что они женятся на тебе завтра же. Знаю, что двое из них уже влюблены в тебя. Черт, да даже Фесс женится на тебе, если ты попросишь.

— Ты это несерьезно. И как бы сильно я ни любила Сару Джо, становиться ее мачехой я не хочу. О ком еще ты теоретически можешь говорить? Кстати, мне трудно поверить, что ты подозреваешь даже не одного, а двух мужчин во влюбленности в меня, и они остаются живыми до сих пор, — я взяла платок высморгаться, придерживая трубку плечом.

— Ты однажды назвала меня сообразительным. Помнишь? Вечер, когда ты сказала мне о первой беременности. Я рассказал, что бросил школу, а ты удивилась тому, как я выживал. Как из ничего я создавал что-то стоящее. Помнишь?

— Да, помню. Что с того?

— Ты была права, малыш. Я умен. Достаточно умен, чтобы позволить этим парням влюбиться в тебя, потому что знал, этот день, возможно, настанет.

Мне не верилось в услышанное, но после разговора с Кэри и его объяснения серьезности ситуации Гризза, я сдалась.

Через несколько недель после разговора с Гриззом я вышла замуж. Необходимость в разводе отпала сама собой, поскольку брак признали незаконным. Как Гризз и просил, когда родилась наша дочь, я была официально в замужем.

Крупная малышка. И неудивительно при габаритах ее отца. Схватки длились двадцать четыре часа, в итоге мне сделали экстренное кесарево. Пока меня катили в хирургическое отделение, я запомнила, как мой новый муж и друзья повторяли: «Мы будем здесь, когда ты очнешься».

Гризз настоял на фамилии моего мужа и на том, что девочка никогда не узнает о своем биологическом отце. Он заставил меня поклясться, что я не скажу.

— Я верю тебе, когда ты говоришь мне о своей любви, Кит. Если так оно и есть, ты никогда ей не скажешь.

— Если она попробует, то когда-нибудь сможет заглянуть в прошлое и увидеть временные нестыковки, Гризз. Я не вижу способа скрыть это.

— Тогда ври. Скажи, что изменяла мне. Меня не волнует, если придется ответить именно так. Я не хочу, чтобы она знала, что я ее отец.

Мими вырастет красивой девушкой. Она никогда не задаст вопросов, и я смогу сохранить обещание.

Кэри сказал, что Гризз желает взять всю вину на себя, чтобы защитить остальных. Одна проблема: ему придется провести остаток жизни в тюрьме. А Гризз ни за что не согласится сидеть за решеткой всю жизнь.

Поэтому он собирался признать вину в обмен на смертный приговор.

— Нет! — закричала я, когда мне сообщили.

— Не переживай, — втолковывал мне Кэри. — Не думаю, что штат Флорида занимается оказанием помощи самоубийцам. Они на такое не пойдут. Ему придется отправиться в суд. Джейсон, запертый в тюрьме на остаток жизни, осчастливит их, однако власти рискуют, что по каким-нибудь техническим причинам он может освободиться позднее. Несомненно, прокуроры будут добиваться смертной казни. Слишком рано еще знать, вынесут ли ему такой приговор, и тебе нужно подготовиться морально, если так и случится.

— Мне неважно, хочет он смертной казни или нет. Я рассчитываю на тебя, Кэри, убедись, что он получит пожизненное. И если получит — возможно, у него получится на формальных основаниях выйти позже?

— Джинни, разумеется, я собираюсь сделать все возможное, чтобы оградить его от смертного приговора. Но, ты должна понимать, если он получит пожизненный срок, нет гарантий, что эти формальные причины вообще появятся.

— Но Мэтью сказал, ты лучший в своем деле, Кэри. Я рассчитываю, что ты вытащишь его!

— Ты не понимаешь, Джинни. Нет никакого «вытащишь». И Джейсон это знает. Я был нужен ему для переговоров с прокуратурой, чтобы других людей тюрьма не коснулась. Особенно тебя. Они будут копать дальше. Они найдут, как добраться до него используя тебя. Он пытается избежать этого.

— Но у нас есть Сэм! — выпалила я, слезы побежали по лицу. — Сэм даст показания. Расскажет о Стокгольмском синдроме. О том, насколько для меня было естественным остаться с Гриззом.

— Ты главная его причина, Джинни. Но неужели мне нужно перечислять тебе, как много людей вовлечены в процесс? Сколько имен прошло через стол прокурора? Грант,

Фесс, Блу, Чоудер, Чики. Даже татуировщик Эдди. Даже его оставляют в покое. Разумеется, придется ему заняться только татуировками, без криминальных подработок. Список бесконечный.

Затем он ответил на незаданный вслух вопрос: «Единственные, кого он сдал, — информаторы, которые брали взятки. Но ни одного из подвергшихся шантажу с его стороны».

Я в тайне испытала облегчение, узнав, что не все осведомители из правоохранительных органов, были такими плохими людьми. Рада была узнать, что закон в южной Флориде не настолько уж коррумпирован, как я изначально считала.

Примерно так прошли два года до суда. Два года переговоров. Кого еще они арестуют? Кого еще оставляют в покое? Гризз уверил Чоудера, чье настоящее имя — Джон Лоуренс, что он может оставаться в мотеле, сколько пожелает. Уже неважно. Чоудер умер до суда от сердечного приступа.

Наш дом тоже не тронули. Я могла оставить его себе, как и всю имеющуюся у нас на момент ареста Гризза собственность. Все вещи в доме, машины, мотоциклы. Мне не пришлось беспокоиться даже о деньгах. Их в достатке хватало платить адвокатам и жить безбедно еще очень долгое время.

Несколько лет назад Гризз, не ставя меня в известность, через Фесса и Гранта открыл счета на мое настоящее имя. Как не похоже на кодекс банды о неиспользовании реальных имен. В любом случае, не в этом дело. Ранее, Гранта и Фесса с их финансовыми вложениями оставили в покое в обмен на сотрудничество Гризза по другим вопросам. В обмен на их неприкосновенность Гризз сдал двоих людей, стоявших на верхушке управления его наркодиллерской империи. Их имена были исключены из дела в самом начале и потому ни разу не засветились публично. Я была благодарна Гриззу. На карьеры Гранта и Фесса такое упоминание сильно бы повлияло. К тому же в пруду водилась рыба покрупней их.

Переговоры продолжились. Еще один человек, и я на самом деле думаю, это тот старик из ангара в Помпано Бич, был сдан в обмен на неприкосновенность Чики. Так все и длилось до дня суда. Словно в шахматной партии Гризз тщательно просчитал каждый шаг. Выдал информацию об одних людях, чтобы защитить других. Он даже настоял, чтобы несколько из спасенных им человек потом свидетельствовали против него в суде.

Он изо всех сил постарался убедить судью, что должен получить смертный приговор. И он своего добился.

Гризз сидел в камере смертников в тюрьме северной Флориды, ехать до нее было около пяти часов на машине. Я пыталась навещать его. Но через год он сказал мне больше не приезжать. Я должна была двигаться дальше. Растить нашу дочь. Быть хорошей матерью. Быть хорошей женой.

— Ты любишь его? — спросил он меня однажды. — Все в порядке, можешь сказать, Кит. Ничего страшного, если ты его любишь. Он любит тебя и заботится о вас с Мими. Мое время прошло.

— Да, — ответила я, глядя на свои ладони, покоившиеся на коленях. — Я люблю его.

Тогда я в последний раз увидела Гризза до дня казни.

Следующий после этого разговора год стал ужасным. Кажется, тогда я оплакивала Гризза сильнее всего. Эмоции захлестывали. Столько чувства вины. Зачем я оставила тот дурацкий кошелек? Почему я не поднялась на трибуну свидетелей и не рассказала судье, как добр он был ко мне?

Потому что Гризз бы не позволил. У прокуратуры словно Рождество настало. Подарок за подарком. Он выдавал им такую информацию, что обвинение вообще не стало тянуть ко мне руки. Они только допросили меня, чтобы подтвердить слова Гризза, а в остальном держали слово. Меня оставили в покое.

Несколько лет спустя я позвонила ему сказать, что жду второго ребенка. Можно удивиться, что смертник имел возможность ответить на телефонный звонок. Но это был Гризз. Камера смертников не изменила его статус лидера Армии Сатаны. Он по-прежнему обладал огромным влиянием, несмотря на нынешние обстоятельства.

Он знал о беременности. Даже из тюрьмы Гризз находил способы следить за моим мужем и мной. Но в тот день я сказала ему кое-что, чего он не знал.

— Мы назовем его Джейсон, — тишина в трубке затянулась. Я не была уверена, что он все еще оставался на связи.

— Я люблю тебя, Джинни. Я всегда буду тебя любить.

Первый и последний раз он обратился ко мне по моему настоящему имени. Я начала отвечать, что тоже по-прежнему люблю его, но он уже повесил трубку.

Это была правда. Я все еще любила Гризза. Не влюблена, как раньше, но глубоко привязана к нему. Мой муж понимал. С его стороны не было ревности или неуверенности. К тому же, если бы не Гризз, то сегодня я бы не оказалась замужем за мужчиной, которого всецело любила.

На следующий день после казни Гризза мы с мужем, вернувшись домой, решили потратить время на кое-что особенное.

— Эй, вы, двое. Давненько не виделись, — сказал Эдди, обнимая нас обоих.

Мы не приезжали к нему с того раза, когда он добавил имя нашего сына к татуировке на левой руке моего мужа. Он сделал мне сюрприз на нашу третью годовщину. Татуировка изображала прекрасного орла, держащего меж крыльев сердце. Внутри сердца расположилось мое имя — Джинни. Я сказала: «Спасибо, что не Джиневра». Он отшутился ответив, что у Эдди чернил бы не хватило написать его. Лента обвивала сердце и «свисала» по одному из краев татуировки. Надпись на ней гласила: «Мими». Когда родился сын, супруг снова съездил к Эдди добавить вторую ленту с именем Джейсон. Прекрасная работа и свидетельство нашей счастливой семьи.

Эдди посмотрел на мой живот и поддразнил: «Пора добавить еще одну ленту?».

— Нет, — ответила я, показывая левую руку. — Мне нужно, чтобы ты пустил в ход свое творческое волшебство вот на это, — я практически под нос сунула ему свой безымянный палец.

В этот раз я не упала в обморок.

Стояло воскресное утро, два дня после казни Гризза. Мы с супругом сидели в гостиной, ожидая, когда зазвонит телефон. Месса была выбрана самая ранняя, чтобы успеть к этому звонку. Оглядываясь назад, лучше бы мы его пропустили. Как двадцать пять лет назад я села на байк к Монстру, тем самым изменив свою жизнь, так и урон, последовавший за этим звонком, окажется необратимым.

Раздался звонок, вслед за нажатием кнопки громкой связи мой муж произнес: «Мы здесь, Лесли. Говори».

Лесли немного замешкалась. Она чувствовала, что интервью нас утомило, и не решалась задать первый вопрос. Я знала, какой.

— Я бы очень хотела узнать у Джинни, что это за обмен знаками произошел перед самой казнью Джейсона? — сказала Лесли, и ее голос становился уверенней. — Очевидно, что между вами двоими происходило нечто, и, мне кажется, это важный момент, можно было бы отлично завершить им интервью. Ну, знаешь, окончание эпической истории любви.

— Ничего такого, — ответила я жестко. — Гризз снова хотел покомандовать. Старая шутка. Попытался разыграть меня. Неважно и не относится к делу. Ты ничего не упускаешь.

С минуту она ничего не произносила. Потом выпалила: «Но как же история любви. Вот на чем я хочу сделать акцент. Любовь между закореневшим преступником и нежной, невинной девушкой. Именно этого хотят читатели, историю любви, и мне нужно нечто, чтобы концовка «выстрелила», — она прокашлялась. — Тот знак, который он подал тебе. Он должен что-то значить. Поделись со мной хоть чем-то на этот счет, Джинни».

Я вздохнула и откинулась на спинку кресла. Я не чувствовала до этого, что держалась по стойке смирно.

— Могу сказать одно, Лесли. Я провела три месяца, позволяя тебе задавать вопросы. Настоящая история любви лежала прямо перед твоим носом все это время, и ты ее не разглядела. История о мужчине, который любил меня с самого начала, с первого взгляда. О мужчине, который был и остается моей родственной душой. Это единственная история

любви, которая сейчас существует. Да, я любила Гризза, правда. Эта история закончена. Не стоит романтизировать ее. Я выстроила новую жизнь с...

Она оборвала меня.

— Она не знает, да? Ты ей еще не сказал. Я полагала, что ты сообщишь ей до того, как она прочтет мою статью.

С кем она разговаривала? Я взглянула на супруга. Он не ответил ей и нажал на кнопку, разъединившую связь.

— Что ж, тоже вариант, как закончить интервью, — сказала я ему.

Мой муж, Томми — я никогда не произносила больше его имя из банды — Грант, как и он ни разу не назвал меня Кит — лишь улыбнулся и подмигнул.

Но потом стал серьезен.

— Джин, мне нужно кое-что рассказать. Кое-что неприятное.

Я почти фыркнула. Да какие плохие новости может сообщить мне Томми? Сильно сомневаюсь, что у него получится чем-то удивить меня.

— Хорошо, слушаю. Не может «это» быть настолько неприятным.

Но так оно и было.

Сидя там, слушая, как Томми пересказывал мне историю несчастного случая, который приключился с Лесли три недели назад, я чувствовала себя словно парализованная. Как будто слушала этот рассказ, воспарив над собственным телом, словно беседовали с кем-то другим, а я просто наблюдала со стороны.

Я не знаю, как это объяснить. Главные герои истории мне были известны. Я провела достаточно времени в компании Лесли, чтобы вникнуть в ее личность и понимать, как все могло так случиться с ней и Гриззом.

Когда Томми рассказал мне все детали, казалось, будто передо мной разворачивается и обрастает подробностями фильм. И мне хотелось блевать.

Лесли Кован смело уселась на металлический стол. Она интервьюировала сотни людей и, предвкушая эту беседу, чувствовала себя немного самодовольно.

Обрывки этой истории она поймала через друга своего друга и полагала, что такая статья великолепно впишется в номер Роллинг Стоун, знакомящий читателей с известными байкерами. Последние пару месяцев она проводила интервью с главной героиней этой истории. Сейчас же в запасе был всего час на завершение статьи и разговор с единственным человеком, которого вскоре уже не достанешь, чтобы задать вопросы.

Считанные недели, и Джейсона Тэлбота казнят. Лесли не собиралась слишком уж доверять тому, что он расскажет. Казалось, что суть истории у нее уже есть. Она пришла из чистого любопытства.

Лесли была наслышана о жестокости этого человека, но она не из тех, кого запугает первый встречный. Она говорила с членами уличных банд, наркоторсниками, насильниками, убийцами. Это интервью — как раз плюнуть.

Она хотела расспросить его насчет отношений с Джинни Лемон, теперь уже Джинни Диллон. Интересно узнать, как у такого беспощадного к окружающим человека, появились столь нежные чувства к пятнадцатилетней девушке. Почему он не убил ее? Зачем держал рядом с собой так долго, как мог? Почему он ляжет на стол за смертельной инъекцией ради нее?

Лесли была уверена, что Джинни сгущала краски насчет его чувств к ней, и ей хотелось выяснить, о чем же он думал на самом деле. У нее получится вытащить из него правду. Она первоклассный следственный репортер и сможет обвести вокруг пальца самого наихудшего респондента. Она делала это раньше, сделает и сейчас.

Мужчина, который посмотрит смерти в лицо в скором времени, окажется уязвимым. Он будет, как воск в ее руках, и выплеснет накопившееся через несколько минут.

Лесли перевела взгляд на дверь, когда та открылась. Вошел охранник, за ним следовал невероятных габаритов мужчина. Она видела фотографии и знала, он выглядит мощно. Но не ожидала, что настолько.

За ним шел еще один охранник. Заключение, одетый в оранжевый тюремный комбинезон, был в наручниках и кандалах вокруг талии. Он делал небольшие шажки, и Лесли почти расслышала бряцание оков на его щиколотках. Ее взгляд блуждал, пока она не встретила с его глазами.

Завораживающие зеленые глаза, о которых Джинни не раз упомянула. Лесли видела только фотокарточки, поэтому судить было сложно. Она считала, что и на этот счет Джинни преувеличивала. Лесли ошибалась.

Не сводя с нее глаз, он сел на стул напротив, пока охранник освобождал из-за талии его скованные запястья и вновь цеплял их к стальному пруту, закрепленному на столе.

Она отвела взгляд и сказала тюремщику: «Спасибо, дальше я сама».

Охранник сказал, что ни при каких обстоятельствах ни один человек не останется наедине в комнате с Джейсоном Тэлботом.

— Но он прикован, — ответила она разочарованно.

— Не имеет значения. Не нравится — можете уходить. Мы остаемся здесь с вами.

Охранник ростом повыше запер дверь, и оба они встали у противоположных стен,

прислонившись к ним.

Лесли начала спорить, но без толку. Охранники вежливо и бесстрастно еще раз повторили свое условие.

— Это делается для вашей же безопасности, несмотря на наручники и цепи, — ответил охранник пониже.

Она раздраженно фыркнула, словно он вел себя абсурдно, и услышала его ответ: «Тогда считайте, что интервью окончено».

Он начал отстегивать наручники заключенного, но она остановила его.

— Ладно. Как хотите. Оставайтесь.

Лесли снова посмотрела на Джейсона, и по ее позвоночнику пошли мурашки. Никогда прежде она не оставалась в фокусе такого пронзительного взгляда. В его глазах был холод. Лесли пыталась справиться с дрожью.

— Спасибо, что согласился увидиться со мной, Джейсон, — начала она. — Ты в курсе, что последние несколько месяцев я беседовала с Джинни. Похоже, у вас двоих любопытное прошлое. Я надеялась, ты расскажешь мне побольше о ваших отношениях.

— Я уверен, что Кит рассказала все. Мне нечего добавить.

Появилось чувство, какого Лесли прежде не испытывала во время интервью. Словно голова понемногу начинала кружиться. Было что-то в его мощи и энергетике, нечто невероятно влекущее. И Лесли теряла свою сосредоточенность. Так глупо, что он вызывал у нее подобные чувства. Он источал грубую сексуальность, как никто прежде из всех людей, что она знавала.

Она попыталась представить, каково было пятнадцатилетней девушке иметь с ним дело. Чудо, что Джинни выжила.

— Ну, почему бы тебе не рассказать что-то такое, чего не знает Джинни. Удиви меня.

— О, я бы хотел удивить тебя, дорогая.

По спине побежал озноб. Она что, вправду, получала удовольствие от флирта с этим душегубом?

Самая застенчивая из улыбок приклеилась к лицу Лесли, продолжавшей задавать вопросы. Он отвечал односложно. Были вопросы, на которые уже существовали ответы, спасибо Джинни. Значит, Джинни-таки говорила ей правду. Ну-ну.

— Джейсон, это все непримечательные сведения, я их уже слышала. Ты можешь сказать еще что-нибудь? Что-нибудь, что шокирует моих читателей?

Он с минуту смотрел на нее.

— Я ответил на каждый вопрос. Что конкретно ты хочешь знать?

Она проглотила раздражение.

— Во-первых, я не могу поверить, будто за все проведенное с Джинни время, не осталось ни одной тайны, которую ты хранил. Нечто неизвестное ей. О чем она и по сей день не подозревает. Секрет про настоящее имя я знаю. Такое, очевидно, всплыло бы, — она провокационно наклонилась. — Ну, что там еще есть?

— Ничего. Зачем мне скрывать что-то от Кит?

— Эмм, за тем, что она хранила от тебя тайну?

Вот момент, которого она ждала, подманивала его вопросами, лишь бы привести разговор к этой точке. Господи, да я хороша.

Из него рвалось то, на что она так надеялась. Какой же он эгоманьяк. Не допускал возможности, что Джинни что-то скрывала от него.

В мгновение ока сомнение в его глазах исчезло, сменившись привычной надменностью.

Он приглашающе поднял руки, предлагая ей продолжить начатое. Его запястья по-прежнему оставались прикованными к столу, но не без некоторой свободы в движении.

— Давай послушаем тебя, леди-журналист. Что же это за секрет, якобы скрытый Кит от меня?

— Я скажу, если ты дашь мне что-то взамен. Чего никогда не говорил Джинни. Обещаешь?

— Да, разумеется. Выслушаем твой для начала.

— Хорошо. Как насчет того, что Джинни потеряла девственность с Грантом?

Он засмеялся.

— Тупая сука. Я знал. И я тот, кто сказал Гранту сделать это!

— Ты не слушаешь меня, Джейсон. Джинни потеряла девственность с Грантом. А не с той мерзкой штуковиной, которой ты приказал ему воспользоваться.

Она знала, не стоило говорить ему. Но быстро напомнила себе, как обещала Джинни, что это не появится в статье. Она не обещала, что не скажет Джейсону.

Лесли понимала, каким неожиданным оказался ее секрет. Сразу же сообразила, что он точно не знал. Да к черту его. Придурок. Пусть еще минутку пережует услышанное.

С выражением, словно она только что уничтожила свою жертву, Лесли наклонилась и в посмеивающемся тоне промурлыкала ему: «Итак, теперь ты должен мне...».

Быстрее молнии и прежде реакции охранников Гризз обеими ногам выбил из-под нее стул. Это секундное действие и тот, факт, что она уже наклонилась к нему, заставили Лесли упасть лицом вперед в зону досягаемости. Он схватил ее голову и впечатал ее лицо в металлический прут, за который цеплялись его руки на столе. Послышался тошнотворный звук ломающихся зубов, кровь била во все стороны.

Охранники оказались рядом так быстро, как смогли. Один выдернул Лесли из его хватки, другой начал наносить по нему удары палкой. Он даже не вздрогнул. Просто смеялся.

— Ублюдок! — вопила Лесли.

Кровь обильно стекала из ран на лбу, изо рта и носа. Она едва могла говорить. Травмы были очевидными, но она не заплакала. Наступило шоковое состояние.

Охранник поднял ее на ноги и полувел, полунес к дверям.

Уходя, она слышала, как Гризз позвал ее: «Ты хотела узнать кое-что? Я расскажу тебе. Возвращайся навестить меня».

Я вытаращилась на Томми.

— Так вот почему она выглядела на казни, будто поправлялась после какого-то происшествия? Гризз с ней это сделал?

— Да, он.

— Ох, Томми. Он узнал. Прежде чем умереть, он узнал о том, что между нами было, — я схватилась руками за голову. — Ему, наверное, было так больно, он переживал такое предательство от нас обоих.

— Да, Джин. Поэтому до казни он дал еще одно интервью по телефону. Он рассказал ей кое-что. Оно войдет в статью. Кое-что, чего ты не знаешь. Кое-что, что принесет боль.

Я не успела вставить вопрос, о чем шла речь, Томми добавил: «Знаешь, Гризз раскаивался. После телефонного интервью с Лесли я говорил с ним. С его слов, когда гнев утих, он пожалел, что сказал ей. Черт, да он даже собирался заказать ее прямо из тюрьмы, чтобы информация не попала в прессу. Я отговорил. Не хотел ее смерти из-за вскрывшегося секрета. Времена убийств в прошлом. Надеюсь, ты согласна со мной.

— У меня сердце разрывается от знания, что он умер, чувствуя себя преданным.

— Умирая, он не чувствовал себя так. Я говорил с ним, и ты видела, как он кивнул мне. Он понимал.

Меня вдруг осенило: «О нет, только не говори, что он разболтал Лесли про отцовство Мириам. Пожалуйста, не говори, что так и было».

Не думаю, будто такая уж проблема соотносить дату рождения Мириам и дату нашей с Томми свадьбы. Никого это вроде и не интересовало, удивительно, но я ни разу не получила прямого вопроса. Мне просто не хотелось, чтобы Мими прочитала такое в прессе.

— Нет, дело в том...

Я оборвала его.

— Ты про историю того первого раза, когда он увидел меня? Не из двора Гвидо, когда мне было тринадцать, как мы всем говорили. Мне было всего шесть лет. Ты в курсе? Гризз рассказал, как взбесился, узнав о том, что Делия и Винс взяли меня на Вудсток. Тогда он и отправил Гвидо жить по соседству со мной. Но не так уж это важно. Не вижу, чем эта история может хоть кому-то навредить.

Я начинала путаться в мыслях.

— Да, я слышал эту историю. Не о ней речь.

Томми глубоко вздохнул и начал рассказ о детстве Гризза. О настоящем его детстве. Да, Гризз сказал правду о матери, но не вдаваясь в подробности. Не удивлена. Те детали, которые излагал Томми, оказались слишком чудовищными для моего воображения. Все закончилось смертью родителей от его собственной руки. Обоих его родителей. История проливала свет на причины, по которым Гризз стал таким, каким был. Не представляю, как можно было пройти через такое детство, как у него, и остаться невредимым.

Я прервала Томми.

— Ну, история ужасная, но не понимаю, чем она может ранить меня.

— Нет, Кит, не в ней дело, — отрезал он. — Дай мне закончить.

Я остолбенела. Томми не только никогда не повышал на меня голос, но и ни разу за почти пятнадцать лет не называл меня Кит.

— Он просто хотел, чтобы ты знала все. С самого начала. Очевидно, первопричины лежат в его детстве, но не об этом он рассказал Лесли.

А потом Томми сказал мне.

Не только тот секрет, который Гризз выдал Лесли в порыве гнева, но и еще один. Он оказался прав. Было больно.

Лучше бы это оказалась история о том, что Гризз — биологический отец Мими. Или о том, как Гризз впервые увидел меня шестилетнюю у круглосуточного магазина. В день нашей свадьбы он рассказал мне о той встрече.

Нет, тайна оказалась намного, намного хуже.

Словно олененок, которого поймали врасплох огни фар, в ошеломленном молчании я слушала, как мой муж рассказывал мне о предательстве Гризза. Секреты, о которых Томми знал с самого начала. Секреты, которые держал от меня подальше. Тайны, которые будто вынули мое сердце из груди и положили его на мне колени.

Первая, включавшая в себя Делию, не слишком поразила меня. Жалила, как крапива, но, в общем-то, в этом был смысл.

Но, уверена, после другой тайны я никогда не смогу полностью восстановиться. Она будет в статье Лесли.

И я буду выглядеть, как дура.

Во второй раз в своей жизни, насколько могу припомнить, я обратилась к ругательствам.

— Грант, сукин ты сын, — я смотрела на него ледяным взглядом. — Тебе не надо было отговаривать его от заказного убийства Лесли.

Двое мужчин сидели и смотрели друг на друга через ничем не примечательный, но очень большой деревянный стол. Они расположились в кабинете, и очевидно владелец этого кабинета, расположенного в тюрьме особо строгого режима на севере Флориды, был минималистом. Ничем не украшенная единственная книжная полка — ни безделушек, ни изящных пустячков. Стены не демонстрировали ни наград, ни дипломов. Рабочий стол скудно обставлен самым необходимым. Телефон. Книга для записей, она же служила настольным календарем. Коробочка с карандашами и ручками. Ни растений, ни семейных фотографий.

Единственный знак постоянного использования кабинета виднелся на маленьком, высотой по колено столике у стены. Шахматы из слоновой кости. Замысловатые, детально исполненные фигурки. Игра, очевидно, была в процессе. Маленький стол, на котором они покоились, по флангам окружали два мягких кресла с деревянными подлокотниками. Настенная лампа давала теплый свет столу и его содержимому. Этот небольшой уголок так резко контрастировал с остальной обстановкой кабинета, что хотелось еще раз моргнуть, чтобы убедиться в реальности картины.

Стул за огромным столом, который занял мужчина покрупней, был удобным и необычно большого размера. Стул человека, сидевшего перед столом, был, вероятно, неслучайно жестким и не располагавшим присесть. Если бы кто-нибудь посмотрел со стороны, то ни за что не сказал бы, что крупного мужчину меньше чем через неделю ждет смертельная инъекция. Он не выглядел, как заключенный. Не выглядел, как приговоренный к казни. На нем не было стандартной тюремной одежды, вместо них — джинсы и футболка. Он излучал силу, уверенность и, казалось, находился на позициях власти.

— Хорошо, что у тебя? — спросил Гризз.

Блу смотрел на него, не отвечая. Выражение на его лице поймало Гризза врасплох, он не мог считать его. Блу выглядел как-то неопределенно, возможно, в сомнениях. Их взгляды сошлись. Ни один не отводил глаз.

Наконец, Блу сказал: «Тебе это не понравится».

— Что не понравится? — прежде чем Блу ответил, он отрезал. — А знаешь, все равно. Сначала важное. С Лесли вопрос решился?

— Да. Ей понадобится еще немного доводов, но я все сделаю.

— Остальное?

— Сделано. Безукоризненно. Как ты и сказал.

— Ладно. Теперь — что мне там не понравится?

— Я нашел ее.

— Кого нашел?

— Джен. Я нашел моих мальчиков.

Гризз откинулся на спинку стула. До этого он сидел, облокотившись локтями о стол. Он наклонил голову на бок, раздумывая.

— Я знал, что ты по-прежнему ищешь своих парней. Что же это такое, что мне не понравится?

— Я говорил с ней. Напугал до усрачки. Ей даже мысль в голову не приходила, что она может быть найдена. Сказала, обо всем доложит мне и позволит вернуться в жизнь детей,

если я оставлю ее в покое, — потом он фыркнул, добавив скорее самому себе. — Как будто у нее есть выбор.

Гриффит вопросительно поднял бровь.

— Расскажет тебе все? Что-то еще осталось рассказывать?

Блу бросил на стол большой конверт.

— Эти фотографии Джен с мальчиками сделал частный детектив, которого я нанял на их поиски.

Гриффит открыл конверт и пробежался по фотографиям, без особого интереса быстро просматривая каждую. Он остановился, увидев какой-то конкретный снимок и, не поднимая взгляда, спросил: «Что здесь делает старая фотография Гранта?».

— Это не Грант, — тон голоса Блу ничего не выражал, но взгляд его был жестким. — Это мой младший — Кевин. Похоже, ты не единственный, чью женщину трахал Грант.

Гриффит быстро оправился от «сюрприза». Он подался вперед, бросил фотографии на стол и перенес вес своих массивных рук на локти. Он кивнул Блу продолжать.

— Джен сказала... Гриффит, она сказала, что это Грант организовал твой арест.

Вот оно. Вскрылось.

Еще мгновение Гриффит сидел, погружаясь в услышанное. Поверил ли он в то, что сказала Джен Блу? Возможно. Вполне вероятно. Он уже знал, что Грант манипулировал им той ночью, когда забрал девственность Кит. Старый полицейский жезл был идеей Гранта. Да, оглядываясь назад, он совершенно ясно видел все это. Мышцы его челюсти напряглись.

В голосе Блу зазвучала угроза.

— Врагом всегда был твой младший брат-засранец. Не то чтобы Джен — ангел. Эта шалава, судя по всему, спала с ним, когда он еще был ребенком. И все это время эта сука считала его моим младшим братом и по-прежнему считает!

Гриффит посмотрел на Блу и вздохнул. Он вспоминал, как в первую ночь прибытия Гранта в мотель настоял, чтобы Блу сделал вид, что он его старший брат. Блу никогда не задавал вопросов на этот счет.

— Блять, Блу. Есть нечто, чего я тебе никогда не говорил. Полагаю, ты поверил кое во что, а я просто пустил на все самотек. Я не думал, что это вообще имеет значение, да и считал, что защищаю таким образом парня. В статье той суки это тоже появилось бы. Твоими усилиями уже не появится, но все же тебе стоит знать.

Гриффит собрался силами.

— Грант не мой младший брат.

Пауза.

— Он мой сын.

Ноябрь, 1966 год.

К магазину «У Минди», расположившемуся на бульваре Дэйви, только что подъехал молодой байкер. Магазин был в частных руках, работал круглосуточно и походил на другой магазин «7-11», но в этом атмосфера ощущалась более домашней. Местечко, которое никогда не соотнесешь с франшизой, семейный бизнес, как он есть.

Он заглушил Харлей, выдвинул подножку и осматривал теперь костяшки правой руки, которая все еще лежала на ручке. Они были содраны до мяса, недоставало больших кусков кожи. Много крови. Через несколько секунд он достал последнюю Лаки Страйк из помятой

пачки, бросил упаковку на землю и подумал про себя, рано еще для пива или уже нет? Он прикурил сигарету, и та повисла у него на губе, пока он снова внимательно осматривал руку. Возможно, перелом. Он только что разобрался с тем, что в итоге выльется в слишком длинный, чтобы подсчитать, список драк. Он воспользуется туалетом магазина, отмоеет там руку и сможет получше оценить травму. Но для начала докурит свою сигарету.

Тогда он и увидел ее. Она едва вывернула из-за угла магазина. С той стороны не было парковки, разметку нанесли справа от тротуара параллельно дороге. Взрослых не видно. Видимо, она пришла одна. Он подумал, что она выглядит слишком малой, чтобы бродить по улицам самостоятельно, и стало интересно, как близко она живет. Маленькая, очаровательная девчушка. Длинные темные волосы собраны в хвостик. Челка почти закрывает большие глаза. Розовая мятая футболка и обрезанные из голубых джинсов шорты. Коленки расцарапаны, но не кровоточат и своей белизной резко контрастируют с загорелыми, костлявыми ножками.

На ногах — белые кеды с пришитыми розовыми помпончиками.

В тот момент мальчик, с виду немного старше ее, выбежал из-за магазина. Хорошо. Она не одна, есть старший брат.

Не успел байкер задуматься, почему его это вообще заботит, как мальчик заговорил: «Эй, Гвинни, твоя мама — хипповая шлюха-наркоманка».

Нет, это не брат. Задира. Байкеру стало интересно, умышленно ли преследовал ее мальчик.

Не оборачиваясь, она ответила: «И ты, Кёртиш Армстронг, будешь умолять ее продать тебе травки, когда станешь подростком». Ответ был доставлен спокойным, равнодушным голосом с ужасно шепелявым выговором. Байкер заметил, что у нее не хватало двух передних зубов.

Кёртис Армстронг не знал, что сказать на это, и потому просто махнул рукой, повернулся и побежал обратно за магазин. Она вошла внутрь.

Байкер застал себя на том, что улыбается, — редкий случай. Маленький храбрый человечек. Он почти закончил с сигаретой, поднял на лоб солнечные очки и рукой вытер лицо. На нем были пот и грязь после драки.

Она вышла как раз, когда он снова надевал очки, и зашагала прямо к нему, неся маленькую коричневую коробочку. Он бросил окурок на землю и наступил на него. Когда она вдруг появилась рядом, он все еще растаптывал тяжелым ботинком то, что осталось от сигареты, по-прежнему сидя на байке.

Она залезла в коробочку и достала пачку пластырей. Потом протянула их ему и сказала: «Вот, это тебе пластыри. Твоя рука, кажется, ужасно болит».

Он не знал, что сделать или ответить, и поймал себя на том, как берет коробочку из ее крошечной руки. Ее внимательность шокировала. Он наблюдал за ней с того момента, как она показалась из-за магазина и не мог вспомнить, когда она успела оглянуться и рассмотреть его. Как она углядела его руку?

Не успел он ответить, как она наклонилась и подобрала выброшенную, помятую пачку из-под сигарет, которую он так небрежно кинул на землю. Она развернулась и пошла в ту сторону магазина, откуда появилась, выбросила мусор в урну, потом остановилась и посмотрела на него.

— Тебе не стоит курить. Можешь заработать рак легких, — и после недолгой паузы. — И никому не нравятся те, кто шорят в общественных мешках».

И с этими словами она ушла.

Он не мог сдержаться, снова улыбнулся. Слез с байка, зашел за угол магазина и смотрел, как она идет, а ее хвостик покачивается в такт шагам. Кёртиса Армстронга не было видно, так что он вернулся и зашел в магазин. Он подошел к продавцу на кассе, желая спросить насчет маленькой девочки, но так, чтобы парень за прилавком не счел его извращенцем.

— Видел только что, как рослый парнишка задирался к маленькой девчонке, которая вышла отсюда. Для такой крохи она очень неплохо держалась, — он подождал, ответит ему что-нибудь продавец или нет. Ответил.

— Да, это Гвинни. Она заходит сюда сама по себе каждый день, чтобы купить матери сигарет. Маленькая, милая девочка. Умница к тому же. Это, наверное, Кёртис был, уверен, она ему высказала. Он все время достает ее.

— Надеюсь, она живет поблизости, — затем, подумав, как это могло прозвучать со стороны, быстро добавил. — Если дорога долгая, то у того мальчишки больше шансов догнать ее.

— Она рядом живет — вниз по улице, — сказал продавец, указывая в ту сторону, откуда первый раз вышла Гвинни. — Но не уверен, насколько точно далеко. Вы что-то брать будете?

— Да, пачку Лаки.

Парень пробил чек, не обратив внимания на его руку. Ну или, если обратил, то не подал виду. Байкер расплатился, вышел и швырнул свежую пачку сигарет в урну. Он курил с двенадцати лет. Возможно, пора бросать.

О боле в руке он уже позабыл. Сел на байк, завел его и двинулся в ту сторону, куда пошла Гвинни, огибая магазин. Он взглянул на уличный указатель. Двадцать третья юго-западная авеню. Помедлив, он осмотрел улицу, оказавшуюся славным кварталом с небольшими домами по обеим сторонам. Вдалеке получилось разглядеть Гвинни. Она, очевидно, еще не дошла до своего дома и никуда не сворачивала.

Когда она немного повернула и оказалась вне поля его зрения, он медленно повел байк следом и осторожно завернул. Он не хотел испугать ее, вдруг она услышит мотоцикл и решит, что ее преследуют, как, в общем-то, и было. Впрочем, неважно. След простыл. Наверное, вошла в один из домов.

Квартал ему был незнаком. Вместо того, чтобы развернуться и уехать, он решил просто двигаться дальше по улице, а там будет видно.

К несчастью, он оказался в тупике. Дома в конце квартала Гвинни выглядели дороже. Чутьку лучше среднего уровня. За некоторыми дворами можно было разглядеть причину тупика — здания стояли у воды. В небольшом переулке он повернул байк и поехал обратно тем же путем.

Вот тогда он ее увидел. По правой стороне мелькнула вспышка цвета. Она стояла сбоку у дома, пытаясь поднять здоровую лейку, чтобы полить какие-то свисающие растения. Она изо всех сил держалась под весом лейки и даже если заметила его, то никак не обозначила это.

Он понял, что хочет понаблюдать за ней, но не мог. Правильно его никто не поймет, да и ее можно напугать, или соседи встревожатся.

Он не стал выжимать газ на полную мощь, пока не проехал поворот и не скрылся от глаз любого, кто мог заметить его у дома Гвинни. Любопытство брало верх, он хотел знать, заботится ли о ней ее хипповая, покуривающая мать-шлюха. Он не мог понять, почему его

это волнует. Потом до него дошло.

Предложенные пластыри были первым в его жизни событием, когда кто-то для него что-то сделал. Даже намек никогда не было, что на него хоть кому-то не плевать. Ни разу. Эта малютка стала первым таким человеком.

Он осознал, что его чувства — это братская забота о ней.

Тогда и там он поклялся, что присмотрит за маленькой девочкой. Он сможет оставаться в тени и просто приглядывать за ней. Убедиться, что с ней все хорошо. Так он и делал. Все следующие девять лет.

Он не мог тогда знать, что братское отношение и беспокойство за ребенка обернутся любовью. Что она станет его наваждением и единственной настоящей любовью всей его жизни. Что она в итоге станет причиной его смерти.

И даже знай он тогда об этом, он не изменил бы ни одной детали.

Больше книг на сайте — Knigolub.net